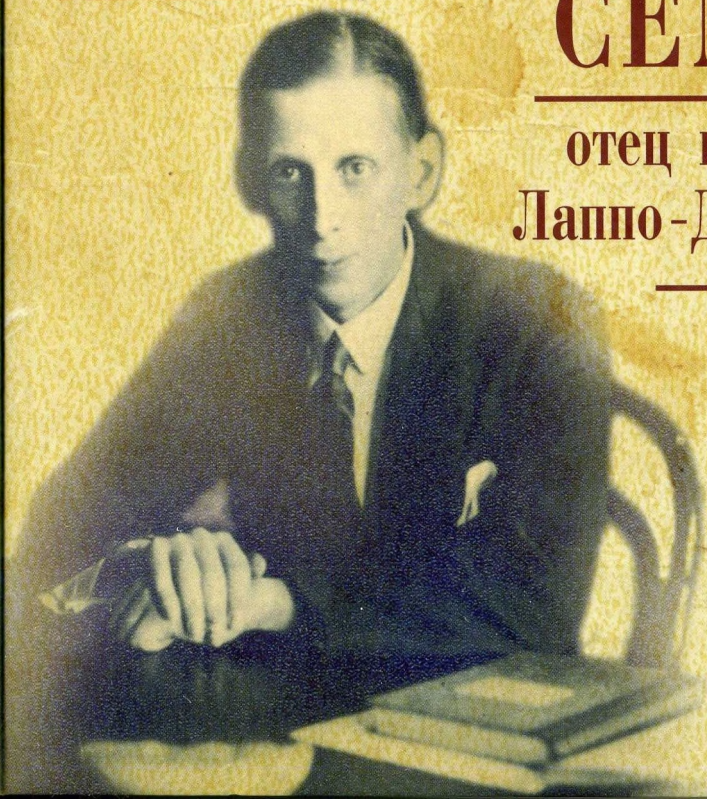

В. П. КОРЗУН

ПРОФЕССОРСКАЯ СЕМЬЯ

отец и сын
Лаппо-Данилевские

Министерство образования и науки Российской Федерации
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

В. П. КОРЗУН

ПРОФЕССОРСКАЯ СЕМЬЯ

отец и сын
Лаппо-Данилевские

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙ
2011

УДК 929
ББК 72.3
К 666

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом исторического факультета Омского
государственного университета им. Ф. М. Достоевского*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор Г. П. Мягков

Научные редакторы:

доктор исторических наук, профессор Л. П. Репина

доктор физико-математических наук, профессор А. К. Гуц

Корзун В. П.

К666 Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. –
СПб.: Алетейя, 2011. – 192 с.

ISBN 978-5-91419-579-0

Монография посвящена такому интересному феномену, как профессорская семья, в частности Лаппо-Данилевских. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский известен как методолог, науковед, источниковед, исследователь социальной и «культурной» истории России, его сын Иван Александрович – математик с мировым именем, один из создателей теории дифференциальных уравнений. Профессорская семья Лаппо-Данилевских исследуется как социокультурное явление, что позволило рассмотреть сложный механизм трансляции научных ценностей, традиций и ритуалов. В монографии предложен историко-антропологический подход к исследованию профессорской культуры.

Книга адресована историографам, историкам науки, специалистам по истории социологии науки, а также может быть использована студентами и аспирантами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 08-06-00272-а) и Федерального агентства по науке и инновациям в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (государственный контракт № 02.740.11.0350)

УДК 929

ББК 72.3

ISBN 978-5-91419-579-0

9 785914 195790

© В. П. Корзун, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА-МАТЕМАТИКА

Перед читателем единственная в своем роде книга о семье отца и сына Лаппо-Данилевских. Историкам судить о роли в науке А. С. Лаппо-Данилевского, но мне ближе деятельность математика И. А. Лаппо-Данилевского.

Книга неявно касается вопроса, как становятся ученым. Новое поколение ученых часто вырастает и воспитывается в семьях ученых. Семейная обстановка – склоненные над письменным столом, пишущие статьи или книги отец и мать, сугубо научная тематика их разговоров, множество книжных шкафов, раскрытые философские и научные книги в гостиной – все это создает особую атмосферу, условия для созревания таланта или как минимум творческой личности.

Профессорская семья А. С. Лаппо-Данилевского способствовала становлению блестящего математика Ивана Александровича Лаппо-Данилевского. Звуки музыки, восхищение отца математикой, научная деятельность отца в целом отразились в душе сына, раскрыли его собственные творческие возможности и дали свободу выбора собственного творческого пути в жизни.

Роль жен в творческих победах мужей значительна. В судьбе И. А. Лаппо-Данилевского его добрым ангелом была Ольга Алексеевна. Она, как мы узнаём из монографии В. П. Корзун, не только проводила вычисления по просьбе мужа, но в ее мнении нуждался Иван Александрович. Жаль, что эта сторона семейной творческой обстановки осталась в тумане. Но такова участь многих жен, хотя, думается, как без Марицы Марич не было бы успехов у Эйнштейна, так и не сложился бы математический успех И. А. Лаппо-Данилевского, если бы не творческая поддержка со стороны Ольги Алексеевны.

Будучи фактически самоучкой в математике, работая управдомом и обладая плохим здоровьем, И. А. Лаппо-Данилевский стал одним из тех, кого всколыхнула волна социальной революции в России, которая не только ломала общественные отношения, но и способствовала подъему отечественной науки. В 1920-е годы в университетах СССР, несмотря на тяжелые бытовые условия, ярко вспыхивает множество новых звезд советской науки. Иван Александрович – одна из этих звезд.

Если вы являетесь профессиональным математиком, то стоит открыть и полистать немногочисленные труды И. А. Лаппо-Данилевского, и вас

поразит мощь математического дарования автора. Сила этого дарования сразу же получила высочайшую оценку со стороны математиков, бывшими в то время или ставшими со временем выдающимися деятелями советской математической науки, таких как А. Н. Крылов, И. М. Виноградов, Н. Н. Лузин, Я. В. Успенский, В. И. Смирнов, Г. М. Фихтенгольц, Б. Н. Делоне и др. Его работы замечаются известными математиками за границей. Это Ж. Адамар, Л. Шлезингер, Дж. Биркгоф. Поэтому столь раннее избрание, через год после защиты диссертации, И. А. Лаппо-Данилевского в члены-корреспонденты АН СССР – следствие восхищения мощью его математических работ.

И. А. Лаппо-Данилевский умирает, только начав свой путь в науке, оказавшись в ряду неожиданно погибших, умерших в 1920–30-е годы молодых советских ученых, сверкнувших своим незабываемым научным талантом и оставивших свой след в науке. Его книга «Теория функций от матриц и системы линейных дифференциальных уравнений», вышедшая после смерти, не исчезла во мгле; она и сейчас востребована, ее читают, ее изучают. Книга вышла в 1934 году и была переиздана в 1957 году. Переиздание организовал академик В. И. Смирнов, написавший к ней предисловие. Мне кажется, что Владимир Иванович продолжал восхищаться высоким интеллектом своего выдающегося ученика и постарался сделать более доступными работы И. А. Лаппо-Данилевского.

Некролог в «Известиях АН СССР» написал Н. Н. Лузин. Этот человек, породивший знаменитую Лузитанию, где обитали его ученики, ставшие гордостью советской науки: А. Н. Колмогоров, П. С. Александров, Л. В. Келдыш, М. А. Лаврентьев, А. А. Ляпунов, П. С. Новиков, П. С. Урысон, Л. А. Люстерник, А. Я. Хинчин, В. В. Немыцкий, Л. Г. Шнирельман и др.

Н. Н. Лузин умел замечать талантливых молодых людей и поэтому не мог не отозваться на смерть И. А. Лаппо-Данилевского, чей талант подавал большие ожидания и вдруг стал несправедливо недостижимым, перейдя в иной мир.

Лично меня книга «Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские» вернула в мир жизни математиков Ленинградского университета, их насущных проблем, их творческих исканий и их ярких достижений. Об этом мире я много слышал от своего учителя, студента университета в 1920-е годы и будущего ректора ЛГУ, академика А. Д. Александрова, дружившего с научным руководителем И. А. Лаппо-Данилевского академиком В. И. Смирновым, которого он как-то в беседе со мной назвал совестью университета.

*А. К. Гуц,
доктор физико-математических наук, профессор*

ВВЕДЕНИЕ

Имя Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) является знаковым в отечественной гуманитаристике. Он известен как выдающийся методолог, науковед, источниковед, исследователь социальной и «культурной» истории России, организатор науки, сделавший блестящую академическую карьеру. Его сын – Иван Александрович Лаппо-Данилевский (1896–1931) – математик с мировым именем, член-корреспондент Академии наук СССР. Его выдающимися достижениями были решение уравнения Римана–Пуанкаре и разработка теории дифференциальных уравнений. Эти труды вписали его в пространство интеллектуального внимания научного сообщества.

Время, на которое пришелся пик творчества двух ученых, и направление их деятельности были существенно отличными. Время отца – Александра Сергеевича – это время расцвета профессорской культуры, одного из значимых цивилизационных достижений дореволюционной России. Время сына – трансформация и выживание этой культуры в радикально изменившемся социуме. И тем не менее поражает созвучие представлений о науке, общих ориентиров, схожесть нравственных идеалов. Сближали двух ученых, конечно же, родственные связи, но не только. Стоит иметь в виду также их принадлежность к определенному типу культуры, которую мы называем профессорской и которая, естественно, не исчезла в послереволюционный период «с залпом Авроры». Безусловно, дух времени накладывает свой отпечаток на эти процессы, но для нас является принципиальным тезис Карла Мангейма об особенностях восприятия духа времени творческой личностью: «ее привлекают только те течения и тенденции времени, которые в качестве живой традиции сохраняются в ее специфической социальной среде»¹ (в нашем случае профессорской).

Научная преемственность вытекает из логики развития науки и осуществляется через различные каналы коммуникации, в том числе через сеть личных связей и контактов. В литературе выделяются классические варианты коммуникативного общения в научной среде: «вертикальные» (учитель – ученик) и «горизонтальные» (кружки единомышленников, различные салоны и т. д.). Преимущественно и в первом, и во втором

¹ Мангейм К. Очерки социологии знания. М., 2000. С. 51.

вариантах речь идет о коммуникациях в рамках одной профессии, одной дисциплины, хотя в последнее время все больше внимания уделяется междисциплинарности, соответственно, междисциплинарным коммуникациям. Коммуникативная реальность многовариантна, исследование феномена «продленной гениальности» Лаппо-Данилевских дает возможность сместить акцент в исследовании интеллектуальной сети с трансляции научных идей и концепций на преемственность научных ценностей, традиций и ритуалов.

При знакомстве с источниками, в основном с семейной перепиской и дневниками ученых, автор данной монографии все более убеждался в необходимости обратиться к профессорской семье не в рамках гендерной проблематики, а скорее как к особому культурному феномену, как к определенной коммуникативной площадке. Семья выступает каналом трансляции многих ценностей, в том числе и ценностей науки. Хотя я себе отдавала отчет в том, что сама констатация данного явления достаточно тривиальна, трудно найти в истории науки в рамках биографического жанра текст, где бы не говорилось о семейном влиянии на личность будущего ученого. Естественно, возникал вопрос, как избежать двух крайностей, как провести грань между представлением о семье как о «машине», рождающей ученого, и семье как коммуникативной площадке, в которой накапливается культурный капитал, а степень и механизмы его рецепции представляют тайну и зависят от очень многих обстоятельств. Процесс коммуникации по большому счету отражает социокультурный срез общества, но он, конечно же, связан и с экзистенциальным опытом индивида, его житейскими практиками, с особенностями его самоидентификации. Последнее предполагает культурное присвоение унаследованного коллективного опыта близкой ему социальной группы.

Объектом исследования в монографии являются научные коммуникации в отечественной науке конца XIX – первой трети XX вв., а предметом выступает профессорская семья Лаппо-Данилевских как социокультурный феномен.

В размышлениях об особой роли и особом феномене профессорской семьи в плане трансляции этоса науки родилась структура книги. Во-первых, я намерена проследить путь в науку отца и сына Лаппо-Данилевских, обратив внимание на мотивацию ими выбора профессии, на влияние некоторых внешних регуляторов научной деятельности и норм поведения внутри профессорской корпорации. Во-вторых, рассмотреть профессорскую семью Лаппо-Данилевских как социокультурный

феномен, выделить ролевые функции ее членов и описать стиль жизни ее знаменитых героев. И, наконец, в-третьих, реконструировать жизненный мир ученых А. С. Лаппо-Данилевского и его сына Ивана Александровича в единстве «возвышенного и земного», обратив внимание на коммуникативные стратегии представителей одного семейства, отмеченные принципиальной открытостью и интенсивностью.

Предлагаемое читателю исследование выполнено преимущественно в рамках антропологической парадигмы. Задача исторической антропологии науки видится в том, чтобы сквозь время и концепцию разглядеть «человеческое лицо» науки и те ценности, которые определяют корпоративную культуру академического человека. В рамках этой парадигмы усилился интерес к биографическому методу исследования как в мировой, так и в отечественной традиции, его актуализация вызвала острейшие полемики по поводу его места в изучении истории мысли, в интеллектуальной истории вообще.

В русле презентистской историко-научной модели сущностно важным признается лишь «сухой остаток», конечный результат профессиональной деятельности ученого. В качестве такового рассматривается приращение научного знания. Сторонники обозначенного подхода, именуемые утилитаристами или реалистами, полагают, что биография ученого не нужна, как и вообще не нужна, по большому счету, глубокая история идей, – нужны лишь определенные выжимки, сгусток идей, от которых человек отталкивается в науке и идет дальше. Резюмируя подобные подходы, современный историк науки М. Хагнер заметил, что общим для них является представление о том, что «культ героя не полезен для самостоятельного развития и профессионализации науки»¹.

Иная точка зрения заключается в том, что для истории науки принципиально важна не только «готовая продукция», но и социокультурный контекст, в котором она производилась и частью которого она становится, важна личная ментальная история автора. Эта точка зрения представляется мне более обоснованной, и развернутая аргументация Л. П. Репиной в ее пользу является несомненно убедительной.

Л. П. Репина отмечает, что жанр исторической биографии когнитивно содержателен – «это сама история, показанная через человеческую личность»². Некоторая переориентация исследовательских интересов

¹ Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб., 2007. С. 13.

² Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М., 2011 (рукопись). Благодарю автора

историков (от человека типичного к конкретному индивиду) также расширяет поле применения и границы возможностей биографического метода. Здесь наличествуют две стороны медали: во-первых, понимание самоценности, неповторимости конкретной человеческой личности, подлежащей исследованию, и, во-вторых, включенность ее «в эпоху и дело, которому она себя посвятила»¹. Личностно-персональное и культурно-социальное познаются в единстве. Персональная история может быть интерпретирована как экспериментальная площадка, «максимально приспособленная для решения тех сложных теоретических проблем, которые ставит перед исследователем современная историографическая ситуация»². Рассмотрение вопроса, «насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы развития личности, настоятельно выталкивает историка из уютного гнездышка микроанализа в то исследовательское пространство, где царит макроистория»³. В связи с чем нельзя не вспомнить классическую формулировку Л. П. Карсавина: «История индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще»⁴.

При попытке реконструкции биографии двух ученых используется типология биографического жанра, предложенная Дональдом Уокером. Эта типология предусматривает обращение к 1) биографии личности, 2) профессиональной биографии (о позициях ученого в академической системе, его профессиональной деятельности и отношениях внутри научного сообщества); 3) библиографической биографии (анализ трудов автора, истории их создания, источниковой базы, техники и методологии исследования, понятийного аппарата и междисциплинарных связей); 4) ситуационной биографии или биографии среды (события и условия социально-экономической и политической жизни общества и эпохи, в которой жил и работал ученый)⁵. Таким образом, совокупность факторов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера образуют то, что можно назвать научной биографией. Я стремилась к полноте, хотя за предоставленную возможность познакомиться с рукописным вариантом биографии.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Карсавин Л. П. *Философия истории*. Спб., 1993. С. 86.

⁵ См.: Walker D. A. *Biography and the study of the history of economic thought // Research in the History of Economic Thought and Methodology. The Craft of the History of Economic Thought*. L., 1983. V. 1. P. 41–59; Нейман А. М. *Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии* Дж. М. Кейнса // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. М., 2002. Вып. 8. С. 13–14.

замечу, что сознательно ушла от такого уровня описания, как библиографическая биография. Это было сделано и в силу того, что относительно Лаппо-Данилевского-старшего этот пласт достаточно хорошо проработан в современной литературе, а что касается Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, то автор, будучи гуманитарием, естественно, натолкнулся на серьезные препятствия в репрезентации его математических работ и в силу обстоятельств ограничился обращением к экспертным оценкам авторитетных ученых-математиков, осмысливающих его вклад в мировую науку.

Методологическим майнстримом для меня стала интеллектуальная история, в частности, опыты сетевого анализа, направленного на изучение научных сообществ в коммуникативном пространстве культуры. В этом ракурсе принципиальными для данного исследования являются наработки Р. Коллинза и П. Бурдьё по реконструкции интеллектуальных сетей. Коллинз применяет метод моделирования интеллектуальных сетей по отношению к истории философии и фиксирует их внутреннюю структуру: 1) вертикальные цепочки или межпоколенные сети (по образцу «учитель – ученик»); 2) горизонтальные альянсы сети, объединяющие различные группы интеллектуалов на почве озабоченности общими научными проблемами. Интеллектуальное духовное пространство, по Коллинзу, структурируется ситуацией интеллектуального соперничества¹, то, что Бурдьё называет борьбой за символический капитал². Выделяемые варианты коммуникативного общения есть смысл дополнить, обратившись к семье интеллектуалов как ячейке сетевого общения. Такая типология, как мне представлялось в тот период, когда задумывалось данное исследование, должна была способствовать выявлению более широкого репертуара различных форм и площадок интеллектуальных коммуникаций и пониманию их взаимопроницаемости. Это, в свою очередь, предполагало обращение к феноменологическому подходу, активно разрабатываемому в рамках неклассической модели исторического исследования. Отталкиваясь от определения «жизненного мира» Э. Гуссерля и социологического подхода Р. Мертона в реконструкции ценностей научной культуры, автор обратился к методам герменевтики. Естественно, сравнение жизненных миров ученых предполагает обращение и к компаративистике.

Проблемы, связанные со спецификой и типологией научных коммуникаций, актуализировались в 1980–2000-е гг., хотя по-прежнему отличаются

¹ См.: Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

² См.: Бурдьё П. Поле науки. СПб., 2002.

недостаточной разработанностью. Стимулом для актуализации данной проблематики в современной России послужили перестроечные процессы, утрата прежних коммуникативных связей и стремительное падение престижа науки и статуса ученого, сопровождающиеся констатациями утраты прежних корпоративных ценностей, фрагментации научного сообщества. Но были и внутринаучные предпосылки такого интереса. К ним можно отнести «второе рождение» интеллектуальной истории, которое переживала мировая историография и, быть может, более глобальный процесс антропологизации науки. Некоторые предпосылки к осознанию важности изучения научных коммуникаций в отечественной традиции были заметны уже в 1960–1980-е гг. В развитии историографии этого периода можно выделить две магистральные тенденции – одна связана с осмыслением историографии в системе науковедения, что привело к определенной модернизации языка и исследованию имманентных факторов развития исторической науки¹, в том числе дисциплинарных научных сообщества, с определенными правилами игры и профессиональными конвенциями. Науковедческие поиски раздвигали проблемное поле привычной историографии. Именно в этот период наука начинает осмысливаться как интерференция актов коммуникации. Понятая таким образом, «она подчиняется определенным нормам и образцам взаимодействия ученых. Эти нормы и образцы, обеспечивающие устойчивость научного знания, отлагаются в системе дисциплинарного знания и в определенных идеалах и критериях научности, выявляемых методологией науки»².

Другая тенденция, наиболее вписывающаяся в традиции советской науки, была ориентирована на социальную обусловленность исторического

¹ См.: Сахаров А. М. 1) Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 5–59; 2) О некоторых вопросах историографических исследований. М., 1981; Киреева Р. А. 1) В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; 2) Неопубликованные труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской историографии // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. С. 214–233; 3) Изучение отечественной историографии дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года. М., 1983; 4) К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990; Ковальченко И. Д., Шикло А. Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX века. (Итоги и задачи) // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 18–35; Хмылев А. Н. 1) А. С. Лаппо-Данилевский и проблемы теоретического источниковедения // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1976. Вып. XI. С. 108–117; 2) Проблема методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. Томск, 1978.

² См.: Огурцов А. П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С. 12–59.

мировоззрения, или шире – на социальный подход к изучению науки¹. Этот подход, совпавший с мировыми тенденциями изучения науки («новая социальная история»), существенно продвинул процесс исследования институализации исторической науки и обозначил интерес к школам и к личностям (к биографии человека науки), но вместе с тем обнаружил жесткую социальную привязку в анализе концепций и в определении историографических направлений. Тем не менее в рамках схоларной проблематики наметился интерес к внутришкольным и межшкольным коммуникациям, к социальным основам профессиональной деятельности историка². Позже эта проблематика трансформируется в антропологию академической жизни³.

В этот же период в стороне от магистральной историографической проблематики обозначились и некоторые «нестолбовые темы», связанные с исследованием историографии в социокультурном разрезе, остававшиеся вплоть до второй половины 1980-х гг. периферийными⁴. Со второй половины 1980-х гг. в основном усилиями московских историков⁵ указанная

¹ См.: Мягков Г. П. 1) «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; 2) Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Вандалковская М. Г. П. Н. Милуков, А. А. Кизеветтер: История и политика. М., 1991; Цамутали А. Н. 1) Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; 2) Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; 3) Особенности развития русской исторической науки в конце XIX – начале XX века // Историческая наука: традиции и новации. Тез. Междунар. теоретич. конф. Ижевск, 1993. С. 166–168; Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М., 1974; Волобуев О. В. Революция 1905–1907 годов в публицистике русских буржуазных историков // Исторические записки. М., 1978. № 102. С. 287–325; Муравьев В. А. В. О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX века // В. О. Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 219–224; Шапиро А. Л. 1) Русская историография в период империализма. Курс лекций: учеб. пособие. Л., 1962; 2) Историография с древнейших времен до 1917 года: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993.

² См.: Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. Материалы науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2002; Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / отв. ред. Л. П. Репина, Л. А. Фадеева. М.: ИВИ РАН, 2007.

³ См.: Антропология профессий. Саратов, 2005; Комарова Г. А. Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни. М., 2008. С. 5–26.

⁴ См.: Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

⁵ См.: Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XX вв. М., 1999; Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX века. М., 1999; Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 19–27; Шмидт С. О. 1) Лаппо-Данилевский на рубеже веков // Археографический ежегодник за 1994.

исследовательская периферия превращается в жизненное пространство науки. Историческая наука исследуется в социокультурном контексте, расширяется предмет историографии и ее источниковая база. Традиционная историографическая проблематика, ориентируемая на анализ исторических концепций и изучение институализации науки, постепенно дополнялась новыми сюжетами, которые укладывались в рамки общего «тренда» исторической науки, обозначенного как «культурный поворот». В этом ракурсе исследователи особенно детально рассмотрели проблему московской и петербургской исторических школ в сложные периоды социальных модернизаций и смены научных парадигм и обратились к проблеме школообразующих практик, особенностям трансляции и рецепции исторических знаний. Следующая историографическая составляющая данного подхода – сугубо культурологическая, она связана с исследованием профессорской культуры как таковой¹. Под «профессорской культурой» понимается корпоративная субкультура, в рамках которой культивируется определенная модель идентичности, конструируемая научным сообществом под влиянием исторических обстоятельств и индивидуальных качеств ее творцов². Основными акторами «профессорской культуры» выступает социальная группа, производящая и транслирующая научное знание, – профессорская корпорация. В рамках этой социальной группы предполагается наличие научной школы, осуществляющей передачу образцов/канонов исследования, а также норм поведения внутри корпорации и за ее пределами. Важнейшим, если не основным, условием приобщения к науке и научной деятельности, признания равноправным

М., 1996. С. 229–237; 2) В. О. Ключевский и культура России // В. О. Ключевский. Сб. материалов. Пенза. 1995. Вып. 1. С. 323–335; Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998; Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

¹ Кантор В. К. 1) Русское искусство и «профессорская культура» // *Вопр. литературы*. 1978. № 3. С. 155–186; 2) *Русская классика, или Бытие России*. М., 2005; Горин Д. Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начало XX в. // *Отечественная культура и история науки XVIII–XX в.* Брянск, 1996; Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // *Мир историка: моногр.* / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2002. С. 92–138; Корзун В. П., Свешников А. В. *Мир русского историка: некоторые аспекты профессионального становления русского историка конца XIX – начала XX вв. с точки зрения антропологии науки* // *Историки в поиске новых смыслов*. Казань, 2003. С. 121–135; Каган М. С. 1) *Град Петров: история русской культуры*. СПб., 1996; 2) *Философия культуры*. СПб., 1996.

² См.: Сидорякина Т. А. Профессорская культура как дефиниция и модель изучения научного сообщества // *История идей и история общества*. Нижневартовск, 2009. С. 394–398.

членом научного сообщества рассматривается акт публичной защиты диссертации. В литературе также обозначается, правда в самом общем плане, и проблема трансформации профессорской культуры в ситуациях пограничья – смены познавательных парадигм, социальных трансформаций и т. д. Профессорская культура в такие периоды пронизана конфликтностью, невероятной напряженностью, что прослеживается как на личностном уровне, так и в изменении конфигурации внутришкольного научного пространства и в целом научных коммуникаций¹.

Проблема трансформации профессорской культуры представляет несомненный теоретический интерес, ибо дает возможность приблизиться к пониманию того, как исторический индивид действует, «творит историю» в жестких, социальных обстоятельствах, как он понимает/воспринимает эти обстоятельства и свои собственные усилия (напомним, что

¹ См.: Ростовцев Е. А. 1) А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов к истории личных и научных взаимоотношений // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 1999. Вып. 1. С. 128–165; 2) А. С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе. Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 2000. Вып. 2; 3) А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; Ананьич Б. В., Панеях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечеств. история. 2000. № 5. С. 105–114; Брачев С. Русский историк С. Ф. Платонов. Ученый, педагог, человек. СПб., 1996; Панеях В. М. Судьба и творчество историка. Б. А. Романов. СПб., 1997; Муравьев В. А. В. О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX века // В. О. Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 219–224; Корзун В. П. 1) Московская и петербургская школы русских историков в письмах С. Ф. Платонова и П. Н. Милокова // Отечественная история. 1999. № 2. С. 171–182; 2) Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ ответственных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000; Шаханов А. Н. 1) С. М. Соловьев и В. О. Ключевский // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 146–155; 2) Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в.: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; Корзун В. П., Сидорякина Т. А. К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 2. : С. 65–76; Сидорякина Т. А. Профессорская культура как дефиниция и модель изучения научного сообщества // История идей и история общества. Нижневартовск, 2009. С. 394–398; Свешников А. В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XXI–XX в. // Мир историка. Историограф. сб. Омск, 2005. Вып. 1. С. 231–262; Свешников А. В., Степанов Б. Е. История одного классика: Лев Платонович Карсавин в постсоветской историографии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 332–360; Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов в начале XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010; Свешников А. В., Корзун В. П., Мамонтова М. А. «Жизни наши... протекли... врозь» (к истории личных взаимоотношений И. М. Гревса и С. Ф. Платонова) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 12. С. 313–332.

перед нами деятели науки, представители интеллигентского круга, рефлексивность у которых, можно сказать, в крови). Историограф получает возможность понять через конкретику, как у индивидов, «локализованных в одном пространственно-временном контексте», принадлежащих к одному типу субкультуры, приспособительные, ситуативно-случайные реакции приобретают характер упорядоченности и стандартизируемости, предсказуемости с очень большой долей вероятности. В то же время эта «рефлексивно поддерживаемая» новая традиционность вызывает постоянно возникающие непредвиденные последствия (без этого нам пришлось бы говорить не о трансформации профессорской культуры, а о полном растворении ее в новой социальности).

Определенный эмпирический материал, провоцирующий постановку подобных вопросов, представлен в исследованиях по истории Российской академии наук в 1920–1930-е гг. Как безусловно значимые в этом проблемном поле отметим работы Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной, Э. И. Колчинского¹. Проблема смены научной повседневности стала самостоятельной темой монографического исследования Н. А. Робинсона «Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х гг.)»², в котором не только реконструирован трудный процесс выживания в 1920-е гг., но и показана модификация «жизненного мира» науки. И все же в качестве концептуальной для данного направления назовем статью Д. А. Александрова «Историческая антропология науки в России»³, которая была представлена в качестве доклада на российско-американском семинаре «Новые направления в истории и социологии науки и техники» (Санкт-Петербург, 23 июня 1994 г.) в серии семинаров «Наука и техника с человеческим лицом», организованных современным науковедом, известным американским профессором Лореном Грехэмом. Эта статья, по сути, представляла собой развернутую программу новой антропологической парадигмы исследования науки, которая синтезировала социологию науки (П. Бурдьё), философию науки (Р. Коллинз), культурологию науки (Б. Латур, Д. Келли). Она оказала большое влияние на изменение ракурсов исследования научных сообществ.

¹ См.: Перченко Ф. Ф., Рогинский А. Б., Сорокина М. Ю. Предисловие к публикации Д. И. Шаховской. Письма о Братстве // Звенья. Исторический альманах. М., 1992. Вып. 2. С. 174–183; Колчинский Э. И. Предисловие редактора к книге «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки». СПб., 2003. С. 5–15.

² См.: Робинсон Н. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х гг.). М., 2004.

³ См.: Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.

Данные подходы продуктивно воплощены в коллективной монографии «Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки» (СПб., 2003). И хотя в центре внимания ученых оказалась проблема взаимоотношения науки и власти в периоды социальной трансформации, тем не менее сквозной проходит тема выживания ученых и изменение их «жизненных миров» в эпохи социальных потрясений, достаточно отчетливо очерчивается также проблема трансформации коммуникативного поля науки. Но в этой монографии как в современной историко-научной литературе вообще, преимущественное внимание уделено фундаментальным наукам и соответственно – ученым-негуманитариям.

Обращение к жизненным мирам Александра Сергеевича и Ивана Александровича Лаппо-Данилевских позволяет в какой-то мере преодолеть сложившийся историографический стереотип. Мы имеем дело с уникальным случаем – великий гуманист ХХ в. и знаменитый представитель точных наук – члены одной семьи. Первые шаги в этом направлении заявлены автором данного проекта в научных докладах и публикациях¹.

Итак, коммуникативные практики в науке разнообразны и требуют дальнейшего детального исследования. Эта проблематика подпитывается в настоящее время также взлетом «персональной истории». В этом русле можно отметить и новые повороты к биографии моих героев, хотя в основном речь идет об А. С. Лаппо-Данилевском. Классический биографический пласт (базовые биографические данные, образование и этапы научной карьеры) дополняется интересом к психологии личности, внутреннему миру Александра Сергеевича, восприятию его ученым сообществом. Именно такая направленность биоисториографического анализа характерна для последних работ современных историографов².

¹ См.: Корзун В. П. 1) «Жизненные миры» И. А. Лаппо-Данилевского в интерьере советской повседневности // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России ХХ век. Омск, 2006. С. 23–29; 2) Отец и сын в мире науки – А. С. и И. А. Лаппо-Данилевские // Научные и политические сообщества в сравнительной перспективе. М., 2007. С. 214–217; 3) Жизненный мир и наука: отец и сын Лаппо-Данилевские // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип. 4. С. 407–429.

² См.: Ростовцев Е. А. 1) А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; 2) Н. И. Кареев и А. С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // Журн. социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. С. 105–121; 3) А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып. 1. С. 128–165; Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций).

Гораздо меньше изучена биография Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, по существу, мы имеем дело лишь с несколькими некрологами, в которых очерчен его жизненный путь и вклад в науку, и одной энциклопедической статьей¹. Вклад в науку нашел также отражение в специальных публикациях по истории математики². Не так давно автору данной монографии удалось опубликовать часть «Материалов к биографии И. А. Лаппо-Данилевского», подготовленных его матерью Е. Д. Лаппо-Данилевской³.

Да и сама постановка обозначенной темы исследования была связана с находкой именно этого уникального источника. Работая в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, я наткнулась на интересный документ – «Материалы к биографии И. А. Лаппо-Данилевского», составленные его матерью, Еленой Дмитриевной Лаппо-Данилевской. Это своего рода источник в источнике, первая часть которого представляет биографический очерк И. А. Лаппо-Данилевского, во второй размещены в хронологическом порядке выписки из писем самого Ивана Александровича и его близких, составляющих семейный круг. Мать выступает по существу первым биографом своего сына. Особенностью рассматриваемого документа является пронзительный, личностный характер (мать, выстраивающая биографию тяжелобольного сына, находившегося в ситуации постоянной угрозы и трагически рано ушедшего из жизни). Сознание человеческой и научной незаурядности Ивана Александровича («Вани») и нависшей над ним смертельной угрозы определяют характер документа (научная биография и вместе Омск; Екатеринбург, 2000; Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов в начале XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.

¹ А. С. Лаппо-Данилевский // БСЭ. М., 1937. Т. 31. С. 757; Федоров Л. Памяти И. А. Лаппо-Данилевского // Природа. 1931. № 9. С. 927; Иван Александрович Лаппо-Данилевский (1896–1931). Некролог / сост. Н. Н. Лузиным // Изв. АН СССР. 1931. № 6. С. 730–731.

² См.: Смирнов В. И., Работы И. А. Лаппо-Данилевского по теории линейных систем обыкновенных дифференциальных уравнений // Лаппо-Данилевский И. А. Применение функций от матриц к теории линейных систем обыкновенных дифференциальных уравнений. М., 1957. С. 5–8; Степанов В. В. Анализ // Математика в СССР за XV лет. М.; Л., 1932. С. 99–106.

³ Корзун В. П. «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной) // Мир историка: историограф. сб. Омск, 2008. Вып. 4. С. 455–499; Материалы к биографии И. А. Лаппо-Данилевского (Продолжение) // Мир историка: историограф. сб. Омск, 2009. Вып. 5. С. 316–353.

с тем хроника человеческая трагедии). Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут.

Елена Дмитриевна, не являясь профессиональным ученым, при составлении биографии исходила из ценностных установок профессорской культуры, этоса науки – биограф открывает в человеке и его мире лишь то, против чего, вероятно, не стал бы возражать и сам человек. Этот принцип в современной биоисториографии рассматривается как основополагающее ценностно-этическое требование¹.

«Материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского» Елена Дмитриевна передала в архив Академии наук в октябре 1938 г. Аналогичный текст, также написанный ее рукой, был передан в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина другом семьи А. М. Нечаевым в 1947 г. уже после смерти Е. Д. Лаппо-Данилевской².

Общий объем рукописи (две тетради в коленкоровом переплете) составляет 146 листов. За этим текстом (переписанным дважды) стоит титаническая работа не только и не столько кописта, а автора/составителя материалов и интерпретатора истории жизни и научного открытия сына: мать перечитывает всю семейную переписку, обращается к бумагам своего скончавшегося в 1934 г. брата – Дмитрия Дмитриевича Бекарюкова³ и других родственников, чтобы максимально расширить круг адресатов Ивана Александровича и тем самым полнее представить стремительный бег его

¹ Беленький И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. вып.: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 45.

² Заявление А. М. Нечаева директору Публичной библиотеки. 1947 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1 Д. 5. Л. 1. В заявлении А. М. Нечаева на имя директора Публичной библиотеки указывалось, что он исполняет волю покойной вдовы академика А. С. Лаппо-Данилевского и передает в дар: «1) альбом академика А. С. Лаппо-Данилевского, 2) дневник сестры Елены Дмитриевны, матери покойного А. А. Гизетти и 3) две тетради копий писем покойного члена корреспондента Академии наук СССР И. А. Лаппо-Данилевского».

³ **Бекарюков Дмитрий Дмитриевич** (1861–1934) – родной дядя И. А. Лаппо-Данилевского (брат Елены Дмитриевны Лаппо-Данилевской). В 1886 г. окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1898 г. в Москве, редактор отдела гигиены журнала «Вестник воспитания». Секретарь (с 1901 г.) и председатель (с 1907 г.) московской комиссии школьных врачей. После Октябрьской революции до 1931 г. заведовал московским школьно-санитарным бюро, затем работал в Институте гигиены им. Ф. Ф. Эрисмана. После Октябрьской революции работал в комиссиях Народного комиссариата просвещения РСФСР и Московского отдела народного образования, один из создателей детского здравоохранения (см.: Российская педагогическая энциклопедия / под ред. В. В. Давыдова: В 2 т. М., 1993. Т. I. С. 75–76).

мысли, не упустить многослойный и напряженный контекст ее развития. Перед нами безусловно субъективная выборка писем и отрывков из них. Эта субъективность сознательно задается автором, Е. Д. Лаппо-Данилевская выступает как историк науки и видит свою задачу в том, чтобы показать путь ученого к научному открытию в интерьере повседневной жизни, изумительную работу мысли, эмоции, сопровождающие «этот трепетный труд: озарения, колебания, торжество новой, упорной проверки»¹. Но она уже знает цену напряженного интеллектуального взлета и всемирного признания И. А. Лаппо-Данилевского – смерть на тридцать пятом году жизни... Перечитывая письма и отзывы на работы Ивана Александровича, она, очевидно, еще раз проживает вместе с сыном ту часть жизни, на которую пришелся расцвет его творчества (1922–1931 гг.), и определяет содержание этого периода названием подборки писем «Повесть о том, как он сгорел». В силу указанных обстоятельств этот документ не может оставить читателя равнодушным, его эмоциональная наполненность волнует и захватывает.

Как уже упоминалось, «Материалы» хранятся в двух архивохранилищах – в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в Санкт-Петербургском архиве Академии наук. При сопоставлении эти тексты оказались идентичными. «Материалы к биографии...» написаны от руки фиолетовыми чернилами в двух общих тетрадях в линейку. В первую тетрадь вклеена фотография, на которой изображен Иван Александрович за письменным столом в рабочем кабинете. Фотография датирована 1930 г.

И как само собой разумеющееся, я обратилась и к эпистолярному наследию старшего Лаппо-Данилевского²; задавшись проблемой «жизненного мира» своих героев, сосредоточила внимание на «частном», «приватном» и «лично-персональном», отраженном в письмах. В этом плане особую ценность имеет переписка А. С. Лаппо-Данилевского с Марией Сергеевной Гревс (женой историка И. М. Гревса) и с невестой, а затем его супругой – Е. Д. Бекарюковой-Лаппо-Данилевской³. Привлекались также письма коллег по цеху как из лагеря «лапповцев», так и лагеря «платоновцев».

Сравнивая письма Александра Сергеевича и Ивана Александровича, представляющие различные генерации ученых, отметим изменение

¹ Материалы для биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

² См. обзор эпистолярного наследия А. С. Лаппо-Данилевского в статье: Грехова Г. И. Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. VIII. С. 262–273.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4; Д. 10.

лексикона. Если для языка А. С. Лаппо-Данилевского характерна литературность, то письму молодого Лаппо-Данилевского свойственен новый советский лексикон, употребление сленга и соответственно отступление от академически сдержанной манеры письма его отца. Язык частного письма Ивана Александровича приближается к разговорному, к устной речи. Но культура задает не только лексикон, но и «набор правил и установок, согласно которым пишутся письма, в том числе и частные. На каждом этапе развития культуры эти установки вариативны в зависимости от ситуации и целей автора...»¹. К своим высоким покровителям академиком-математиком Иван Александрович обращается иначе, чем к родственникам, сохраняя устоявшийся жанр делового письма. Изменение языка общения отражает некоторые подвижки в культурно-поведенческом коде, варианты «вписывания» в эпоху и, конечно же, индивидуальные особенности участников этой коммуникации. Но, несмотря на различия, обратим внимание на общее – значимость письма для самоидентификации, самопонимания и, по большому счету, миропонимания двух ученых, представляющих как различные дисциплинарные сообщества, так и различные генерации. Их объединяет сопричастность к культурной традиции Серебряного века. «Серебряный век – время, уплотненное текстом... Феномен письма – один из наиболее значимых феноменов этого времени; складывается впечатление, что и само время укладывается в страсть фиксации, письма»². При этом следует учитывать принадлежность авторов и реципиентов к определенной социальной группе со своей субкультурой, в рамках которой есть свои нормы, правила и стереотипы. Это то, что для меня чрезвычайно важно для содержательной реконструкции внутринаучной и внутрисемейной коммуникаций. По существу, переписка являлась способом, каналом профессиональной самоидентификации, это один из механизмов становления ученого, делания самого себя, связанного также с трансляцией и рецепцией «этоса науки», примеркой его «на себя».

Отдельную группу источников составили воспоминания и иные тексты мемориального характера, включая и некрологи. Большая часть этого

¹ Корзун В. П., Свешников А. В., Мамонтова М. А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков) / под ред. проф. В. П. Корзун. Омск, 2003. С. 8.

² Кребель И. А. Мифопоэтика Серебряного века. Опыт топологической рефлексии. СПб., 2010. С. 11.

комплекса посвящена А. С. Лаппо-Данилевскому¹, что вполне объяснимо. У Ивана Александровича не сложилось научной школы (в силу уникальности личности и, увы, кратковременности его исключительно плодотворной научной деятельности), а следовательно, не было прямых учеников, создавших бы дискурсивное пространство школы, в котором память об учителе является важнейшим структурирующим фактором². В воспоминаниях же учеников и коллег А. С. Лаппо-Данилевского, написанных, как правило, очень эмоционально, прочитывается сложный образ ученого-интроверта, вызывающего уважение и восхищение своей преданностью науке и делу, «которому служишь». В то же время едва ли не все авторы подчеркивают сложность межличностных и научных коммуникаций с Александром Сергеевичем. Информативно интересным для нас оказываются выбивающийся из общего ряда дневник Н. Н. Платоновой – жены С. Ф. Платонова, на страницах которого ставятся под сомнение как человеческие достоинства А. С. Лаппо-Данилевского, так и научная значимость его трудов³. В дневнике отражается, с одной стороны, конфликт между двумя представителями петербургской исторической школы русских историков С. Ф. Платоновым и А. С. Лаппо-Данилевским, а с другой – это взгляд со стороны человека не принадлежавшего к ближнему кругу людей, духовно родственных историку.

Полагаю важным подчеркнуть специфику некрологов как историографического источника. Некролог можно рассматривать как сложный коммуникативный акт, посредством которого конструируется профессиональная память научного сообщества, создается «пантеон классиков», и тем самым задаются образцы для подражания. Некрологи выступают

¹ Вернадский Г. В. 1) Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 139; 2) «Академик А. С. Лаппо-Данилевский» (подготовка текста к публикации и комментарии С. Б. Филимонова // Отечеств. архивы. 2004. № 4. С. 108–109; Гизетти Н. Д. Наша Васильевка (ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 4.); Гревс И. М. 1) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 44–81; 2) Детство (1860–1872) // Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / авт.-сост. О. Б. Вахромеева. СПб., 2004; Дружинин В. Г. Воспоминания (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1); Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. СПб., 1922; Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991.

² А. С. Лаппо-Данилевский // БСЭ. М., 1937. Т. 31. С. 757; Федоров Л. Потери науки. Памяти И. А. Лаппо-Данилевского // Природа. 1931. № 9. С. 926–929; Иван Александрович Лаппо-Данилевский (1896–1931). Некролог / сост. Н. Н. Лузиным // Изв. АН СССР. 1931. № 6. С. 730–732.

³ Платонова Н. Н. Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698.

в качестве важного способа/инструмента самоидентификации научного сообщества – общее вспоминаемое прошлое сближает, придает его членам дополнительную эмоциональную энергию. Как известно, воспоминания не только определяются настоящим, сегодняшним днем, но и сами определяют восприятие настоящего. В некрологах прочитывается идеальный образ ученого и науки официально разделяемый научным сообществом на данный момент и транслируемый как образец для подражания. Отец и сын Лаппо-Данилевские оцениваются в этих источниках на предмет соответствия идеальному образу, что дает возможность нам проследить, как меняется сам этот образ и коммуникативное пространство науки, позиционирование наших героев в этом пространстве. В «советизированном» варианте идеального образа ученого присутствуют такие характеристики, как практическая направленность, утилитарная пригодность, соответствие методологическим интенциям советской науки, – в этом плане показательно противопоставление теоретика И. А. Лаппо-Данилевского эмпирику Александру Сергеевичу (!)¹.

К следующей группе источников относятся документы делопроизводственного характера, позволившие проследить этапы академической деятельности и продвижения по службе отца и сына Лаппо-Данилевских, а также Елены Дмитриевны. Эту группу источников составили личные дела ученых, хранящиеся в фонде Санкт-Петербургского университета в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга², Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга³ и архиве (Российской Академии Наук СПб)⁴. Здесь для нас представляют интерес «формулярные списки о службе», опросные листы, заполнявшиеся в советское время при приеме в высшие учебные заведения и на службу, различные служебные записки, «обращения во власть» и т. д.

Хочется обратить внимание на два важных обстоятельства при работе с данной группой источников. Первое – на необходимость учета контекста появления этих документов, прочтения их в контексте социальной и обыденной истории индивида. Вне таких рамок невозможно интерпретировать экзистенциальный биографический опыт моих героев. К примеру, отложившиеся в личном деле многочисленные заявления студента И. А. Лаппо-Данилевского о восстановлении его в университете, о потере матрикула и т. д. без учета жизненных обстоятельств и революционного

¹ Федоров Л. Памяти И. А. Лаппо-Данилевского. С. 926.

² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 976, 1 370; Ф. 14. Оп. 1. Д. 8801.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8801.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–20.

и постреволюционного времени вполне могут способствовать формированию его образа как нерадивого студента, попросту говоря, оболтуса. И второе обстоятельство, которое стоит подчеркнуть, – наличие зон умолчания в документах делопроизводства, которые заполняют сами участники историографического процесса, что очевидно бросается в глаза, когда знакомишься с их автобиографиями, написанными в советскую эпоху. Это «кричащее молчание» трудно поддается реконструкции и может быть реинтерпретировано лишь в общей социокультурной рамке.

Отмечу большие сложности в реконструкции биографий ближнего семейного круга моих главных героев повествования, к этому кругу отнесем Елену Дмитриевну и Ольгу Алексеевну Лаппо-Данилевских. Эти фигуры оказались в тени своих великих мужей, они выступают как фигуры второго плана, уступая первый план своим любимым мужчинам. Обращаясь к этим фигурам, мы затрагиваем сферу эмоционально окрашенных родственных отношений (в современной литературе подобный подход характеризуется как эмоциональный или как сентиментальный¹). Имеющиеся источники содержат лишь фрагментарные сведения о жизненном пути и личностных качествах Елены Дмитриевны и Ольги Алексеевны. Что касается Елены Дмитриевны, то мы знаем точно лишь год ее рождения (1868), но не год смерти. Елена Дмитриевна скончалась в блокадном Ленинграде *предположительно* в 1942 г. Годы жизни и смерти Ольги Алексеевны (1900–1975) удалось установить совсем недавно благодаря встрече с правнучатым племянником Александра Сергеевича – Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским. Первоначально я писала, что после смерти мужа в 1931 г. она осталась в Германии и следы ее затерялись.

Отмечу, однако, что даже отдельные, казалось бы незначительные факты из жизни Елены Дмитриевны и Ольги Алексеевны, извлекаемые из источников, не только работали на концепцию, на прояснение образа великих ученых, они доставляли большую радость автору, позволяя в какой-то мере восстановить историческую справедливость, уйти от банальной ситуации, в рамках которой малым надлежит пребывать в тени великих, женщинам в тени мужчин.

В заключение – мои слова благодарности многим людям и организациям, которые оказали поддержку в написании книги. Я признательна своим коллегам по «историографическому перу» профессорам Н. Н. Алеврас и Г. П. Мягкову, поддержавшим мое начинание и ставшими первыми экспертами рождающихся текстов, я благодарна коллегам, которые

¹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С. 275.

заинтересованно обсуждали мои доклады на конференциях Российского общества интеллектуальной истории и прежде всего президенту этого общества, профессору Л. П. Репиной. Исследовательские гранты (Российского фонда фундаментальных наук 08–06–00272-а и Федерального агентства по науке и инновациям «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.») позволили мне систематически работать в архивохранилищах и библиотеках Санкт-Петербурга. Большой радостью стало для меня знакомство и встреча в дождливой Москве в июне 2010 г. с К. Ю. Лаппо-Данилевским, продолжившим научную стезю своих великих родственников. Он – известный историк литературы, Dr. habil, научный сотрудник Пушкинского Дома. Благодаря его информации, а также переданным фотографиям удалось в общих чертах прояснить гиссенский период жизни жены и дочери И. А. Лаппо-Данилевского. Я также признательна моему коллеге по университету, доктору физико-математических наук А. К. Гуцу, любезно согласившемуся «подстраховать» историка-исследователя в некоторых математических вопросах.

Выражаю благодарность моим ученикам: аспирантам Наталье Кныш, Юрию Денисову и магистрантам исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского Ольге Гуровой, Наталье Коноваловой, Татьяне Сидорякиной, Айгерим Кикимбаевой, Виолетте Дымченко, Елене Катюшкиной, принявшим участие в подготовке рукописи «Материалы к биографии И. А. Лаппо-Данилевского», которая размещена в Приложении к данной монографии. И, конечно же, я благодарна своему супругу – Дмитрию Михайловичу Колеватову за постоянную поддержку, за готовность составить необходимый оппонентный круг, в котором проговаривались идеи этой книги.

ГЛАВА 1

ПУТЬ В НАУКУ

ОТЦА И СЫНА ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИХ:

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Начну с того, что, сравнивая пути в науку отца и сына Лаппо-Данилевских, невозможно не зафиксировать сложного (пожалуй, даже парадоксального) сочетания сходных и различных черт. Конечно же, образ интеллектуала имеет долговременные культурно-национальные характеристики и в то же время он ситуативен, последнее отчетливо проявляется при смене научных поколений, а также в эпохи разломов и социальных потрясений.

Путь отца можно назвать классическим для представителя дворянской культуры – хорошее домашнее образование, гимназия с золотой медалью, университет, защита магистерской диссертации, педагогическая деятельность в Историко-филологическом институте и в Петроградском университете, раннее избрание в Академию наук, создание собственной научной школы. Биография А. С. Лаппо-Данилевского достаточно полно освещена в современной исследовательской литературе¹. Но тем не менее логика исследования, связанная с сопоставлением путей в науку отца и сына, заставляет обратиться, хотя бы конспективно, к основным вехам жизни Александра Сергеевича. Для решения поставленной исследовательской задачи приходится использовать уже известные факты, в том числе приведенные в моей монографии «Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций)». При этом внимание читателя намеренно акцентируется на менее освещенном в исследовательской литературе сюжете – специфике выбора и внутренней мотивации профессии.

¹ См.: Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929; Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004 и др.

**§ 1.1. «Мне кажется, что я готов
отдать все, чтобы на миг взглянуть
прямо на солнце, увидеть истину...»
(из письма А. С. Лаппо-Данилевского)**

А. С. Лаппо-Данилевский родился 15 января 1863 г. в имении Удачное села Мало-Софиевка Гуляйпольской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, в богатой дворянской семье. Его отец Сергей Александрович, гвардии штабс-ротмистр, был несколько лет предводителем дворянства Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, а затем вице-губернатором Таврической губернии. Воспитанием детей занималась мать – Наталья Федоровна. Благодаря ей А. С. Лаппо-Данилевский приобщился к чтению, к изучению иностранных языков, а также к музыке. У него рано проявились способности как к гуманитарной наукам, так и к математике. О прекрасном образовании Лаппо-Данилевского писал в своих воспоминаниях В. Г. Дружинин¹, отмечая, что тот «рано начитан и говорил на четырех новых языках»². В 1873 г. Александр Сергеевич поступает в первый класс Симферопольской гимназии. «Как и большинство его сверстников, – отмечают А. В. Малинов и С. Н. Погодин, – интеллектуальный облик молодого человека складывался под влиянием книг. В круг его чтения входили произведения Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Монтескье, Вольтера, Канта, Макиавелли, Гизо, Карлейля. В эти же годы он начал заниматься философией. В автобиографической заметке Лаппо-Данилевский отмечал, что по популярному труду Дж. Г. Льюиса „История философии“ познакомился с системой Конта и Милля, а под влиянием Тейлора, Спенсера и Грота стал увлекаться первобытной культурой и античным миром»³. Авторы отмечают также влияние на взгляды Лаппо-Данилевского публицистики Н. К. Михайловского. Особенному интересу молодого гимназиста к истории способствовал его учитель Ф. Ф. Лашков, прививший любовь к историческому материалу и источнику.

В 1882 г. Лаппо-Данилевский становится студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В науку входило новое поколение историков, которое стремилось к совершенству, к максимальной самореализации, к полноте истины. Это поколение

¹ Дружинин Василий Георгиевич (1859–1937) – русский историк, специалист по истории раскола, секретарь Русского археологического общества.

² Дружинин В. Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Л. 7. Л. 121 об.

³ Малинов А. В., Погодин С. Н. Указ. соч. С. 16.

формировалось в 80-х гг. XIX в. в условиях еще «нормальной», «спокойной» науки, на стезю же самостоятельного творчества вышло в 1890–1900-е гг., когда уже наметились парадигмальные в ней изменения, связанные с кризисом историзма и поиском альтернативных моделей историописания. Методологическая нагруженность интересующей эпохи предполагала соответствующих деятелей науки, ориентированных на поиск строгой научности. А. С. Лаппо-Данилевский был, безусловно, знаковой фигурой данного интеллектуального процесса. Для него «высшее знание» было вместе с тем и высшей добродетелью¹. Служение науке и истине для него неразрывный процесс: «Я хочу жить по правде и истине»². Лаппо-Данилевский писал:

«Под истиной я разумею логическую мысль, мысль строгую, беспристрастную, безмятежную, но и безнадежную. Под правдой я разумею не логическую мысль, а нравственное чувство... Человек, в противопоставлении со Вселенной, такое ничтожество в пространстве, о котором и говорить нечего, и думать не стоит. Но если он будет рассматривать себя как атом, как частицу, хотя бы малейшую частицу мирового здания, как шорох, незначительный звук в гармонии Вселенной, словом, если мы взглянем на себя как на участников мировой жизни, не человеческой только, но именно мировой, – тогда получим значение и станем на свое место. А между тем занять такое место человек может лишь тогда, когда он станет служителем начала истины и правды, когда подчинится взаимодействию этих начал. Вот почему для меня особенно дороги эти два понятия»³.

Выбор науки в качестве своего жизненного пути был естественен для А. С. Лаппо-Данилевского, что было связано как с особенностями его натуры, так и с интеллектуальной атмосферой, в которой происходило формирование молодого человека. Это было время, когда статус науки был очень высок в обществе, чему способствовала сама господствующая позитивистская доктрина, пронизывающая/пропитывающая сообщество образованных людей. Эта доктрина широко пропагандировалась в образовательных практиках российских гимназий. Для понимания данной ситуации представляются интересными воспоминания

¹ А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. 1891 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 39 об.

² Там же. Л. 7.

³ Альбом с записями, цитатами, афоризмами А. С. Лаппо-Данилевского // ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 40 об. – 41.

Д. Н. Овсяннико-Куликовского (кстати, выросшего тоже на юге России, в провинции, как и А. С. Лаппо-Данилевский), который в гимназические годы, освоив труды позитивистов, уже отдавал себе отчет в том, что будет ученым и непременно поступит в университет. При этом для него было совершенно неважно, в какой области науки он сможет приложить свои усилия, главное, чтобы это была наука, магистральный путь поиска истины. Как известно, в гимназические годы и П. Н. Милюков штудирует классиков позитивизма. Г. Спенсер заставил его серьезно размышлять над «вечными вопросами»: «Я тут столкнулся с вопросами мировоззрения впервые, – напишет в своих воспоминаниях Милюков, – и как ни неохотно я расставался с остатками принятой на веру религиозной традицией, она явно отступала перед расширяющейся сферой научного познания»¹.

Подобные интенции свойственны и молодому А. С. Лаппо-Данилевскому. «Мне кажется, – писал историк в 1889 г., – что я готов отдать все, чтобы на миг взглянуть прямо на солнце, увидеть истину»².

Но в то же время для Лаппо-Данилевского характерен ранний и постоянный интерес к миру идеального. Еще в юношеские годы он записывает свои идеи в альбом (знаменитая «Зеленая книга»), хранящий отпечаток духовного богатства автора:

«как ум наш не может постигнуть абсолютной бесконечности Вселенной, так душа не может осознать абсолютного Божества Бога. И в то и в другое мы должны верить»³.

Он полагал, что «благоразумный человек хранит в себе веру не только в то, что доказано опытом, но и в то, что несет в себе божественный отпечаток, проявление высшего разума». Двадцатилетний Лаппо-Данилевский осознает, что жизнь заключается

«в любви, обращенной на всеохватывающее, в доброй воле, в благорасположении ко всему сущему, в любви, основанной на созидании самого себя, как части мировой души и вытекающем отсюда чувстве гармонии, высшего счастья и душевного покоя»⁴.

Будучи студентом, уже приобретающим к миру большой науки, он пишет молитву, которая поражает глубиной мироощущения:

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. (1859–1917). М., 1990. С. 83.

² Альбом с записями, цитатами, афоризмами А. С. Лаппо-Данилевского // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 7

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 13.

«Господь всемогущий!
Дух святой и Всесильный,
Разреши мои сомнения
И откройся мне.
Или погрузи ум мой в нирвану бытия
И не страшай его снятием истины;
И оглуши его ударом грома,
Чтобы не мучаться ему желанием
Услышать то, чего не слышишь.
И ослепи ты его молнией с небес,
Чтобы тщетно не напрягать ему зрение
В безысходной тьме...
Песчинка на дне морском – могу ли я
Приподняться над волной на чистый воздух,
Чтобы узнать лучи божественного солнца?!
Которые слились надо мной непроглядной тьмой.
Разверзни их и освети меня лучами твоей святости.
На миг дай мне полнейшего сознания,
И я паду перед Тобой ниц»¹.

Для позитивистского дискурса, как известно, метафизическое начало было неприемлемым. Лаппо-Данилевский исключение в этом плане. Вера в науку и вера в Бога составляли основу его мировоззрения. И вполне вероятно, что именно этот постоянный глубоко интимный интерес к идеальному способствовал формированию его, в конечном счете, как историка-неокантианца. Размышления А. С. Лаппо-Данилевского об истине и науке созвучны размышлениям другого, не менее знаменитого современника и его друга В. И. Вернадского, который в письме к Д. И. Шаховскому писал:

«главной целью своей жизни и жизни всякого другого человека должно быть познание – стремление узнать истину. Истина дознается наукой, а потому я имею право сказать, что я живу для науки, все другие должны жить для науки и что человечество существует для науки, а не наука для нас, для человечества»².

Так что не случайно своим пониманием идеала служения науке Лаппо-Данилевский делится именно с Вернадским, «с дорогим Фосфоритом»:

¹ Там же. Л. 38.

² Цит. по: Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000. С. 40.

«Если Моига предопределила мне долгую жизнь, то я думаю разделить ее на три периода: первый посвящаю специальности, второй – кругу знаний, однородных с моею специальностью (наукам общественным), третий – знанию вообще. Этим дележом я не распекаю своей умственной жизни на три бессвязные части, а рассматриваю как союз трех знаний, который с статической точки зрения представляю себе в виде трех концентрических кругов, а с динамической – в виде взаимодействия трех обратно пропорциональных прогрессий»¹.

Это своего рода программа целостного знания, которая задавала вектор междисциплинарного осмысления. Понимая глобальность и сложность такой заявки, Александр Сергеевич испытывал естественные сомнения в возможности ее реализации. Служение науке ощущается и осмысляется им как важнейшая ценность и долг – отсюда мучительное сомнение в своих способностях. «Чувствую иногда неуверенность в себе. Во-первых, физически я слишком ничтожен, чтобы служить науке, во-вторых, и претензии очень большие: хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым, который дает новое освещение не только некоторым проблемам научным, но и основным принципам науки. Не думайте, – обращается он к М. С. Гревс (жене историка И. М. Гревса), – что это самолюбие, это, во всяком случае, мои потребности и идеи»².

Став студентом, А. С. Лаппо-Данилевский сразу обратил на себя внимание университетской профессуры. Особо теплые отношения сложились у него с К. Н. Бестужевым-Рюминым, В. Г. Васильевским и О. Ф. Миллером³. Уже в это время в центре внимания Александра Сергеевича обозначились две основные темы исследования – «изучение московского государственного строя» и изучение процесса иностранного влияния на русскую культуру в XVI–XVIII вв. Обе темы остаются центральными для него и по окончании университета⁴. Вообще научные интересы студента А. С. Лаппо-Данилевского были очень обширны. Достаточно сказать, что его перу этого периода принадлежит «Очерк по всеобщей истории. Возвышение Австрийского дома» (1882). Энциклопедическая

¹ А. С. Лаппо-Данилевский – В. М. Вернадскому // СПФ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 923. Л. 19.

² А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 37.

³ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 53.

⁴ Там же. С. 54.

образованность ученого – это то, что за ним признавали и поклонники, и непримиримые оппоненты, такие как известный историк-марксист М. Н. Покровский, объявивший беспощадную войну «историческому идеализму»¹.

После окончания университета Лаппо-Данилевский был оставлен для подготовки к профессорскому званию и приступил под руководством Е. Е. Замысловского к написанию магистерской диссертации «Организация прямого обложения со времен Смуты до эпохи преобразований».

Защита диссертации – важный этап в жизни молодого ученого, она является своеобразным пропуском в научное сообщество. В жизни ученого в современном науковедении выделяется «формирующий» и «продуктивный» этапы. Первый – этап ученичества, отличающийся большим влиянием внешних факторов. Второй – когда ученый перерабатывает накопленный опыт и преобразует его в свои внутренние установки и взгляды, – отличается большей самостоятельностью. Именно на этом этапе ученый продуцирует свои научные результаты перед сообществом. Последовательное прохождение указанных этапов считается в научном сообществе нормой, а границей, рубежом как раз и воспринимается защита магистерской диссертации. Магистерскую диссертацию А. С. Лаппо-Данилевский защитил 9 мая 1890 г., и в этом же году начинается его преподавательская деятельность в Петербургском университете. Вступительная лекция Лаппо-Данилевского состоялась 18 сентября 1890 г., и уже сам выбор ее темы подчеркивал индивидуальность автора, его ярко выраженный интерес к теоретическим вопросам – «Какое теоретическое значение имеет историческое изучение социального строя всякого общества и древнерусского в частности»².

С 1899 г. начинается академическая карьера Александра Сергеевича. В возрасте 36 лет он был избран в члены Императорской Академии наук в звании адъюнкта, в 1902 г. стал экстраординарным, а в 1905 г. – ординарным академиком. Итак, перед нами пример успешного продвижения по карьерной лестнице и признание имени в науке.

Хотя некоторые сбои на этом пути были – А. С. Лаппо-Данилевский не защищал докторскую диссертацию и почти до конца дней своих оставался в университете на приват-доцентской должности. Только в 18 ноября 1918 г. на заседании профессоров 1-го Петроградского университета Лаппо-Данилевский был избран профессором сверх штата по кафедре русской истории вместе с Е. В. Тарле,

¹ Там же.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8801. Л. 51.

О. Л. Добиаш-Рождественской¹. Эта процедура была инициирована И. М. Гревсом, который в своем отзыве отмечал, что ученая и профессорская квалификация Александра Сергеевича «стоит вне всякого сомнения», что он «первоклассный знаток», «двигатель науки русской истории» и известен не только как историк, но и как философ и юрист. Представители кафедры русской истории С. В. Рождественский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков также обратились с ходатайством об учреждении новой профессуры по русской истории и о возведении в звание ординарного профессора приват-доцента академика А. С. Лаппо-Данилевского, в котором отмечалось, что «научная и преподавательская деятельность А[лександра] С[ергеевича] настолько тесно связана с нашим университетом и так хорошо известна всем членам факультета, что достаточно привести о ней лишь краткую справку»².

Приведем полностью эту справку, которая, действительно, говорит сама за себя:

«А[лександр] С[ергеевич] вступил в число приват-доцентов в 1890 г. по защите магистерской диссертации «Организация прямого обложения в XVII веке» (так в документе. – В.К.). С того времени и по сей год А[лександр] С[ергеевич] несет непрерывную и ответственную работу. Кроме прочитанных им на разные темы ряда специальных курсов, он читает периодически по поручению факультета курс русской историографии. Из проведенных им, также в течение длинного ряда лет, практических занятий особенно выделяется семинарий по дипломатике частных актов Московского государства. Этот семинарий по разработке неизданного актового материала под руководством А[лександра] С[ергеевича] выработался в своего рода специальную школу древнерусской дипломатики. Вне кафедры русской истории А[лександр] С[ергеевич] поставил и развил курс исторической методологии. В то же время А[лександр] С[ергеевич] не переставал обогащать русскую историческую науку рядом исследований по социальной и экономической истории Московской Руси, по истории государственных учреждений и культуры XVIII века. Привлечение А[лександра] С[ергеевича] в число полноправных профессоров не только явилось бы давно заслуженным им актом, но и способствовало бы большей широте и устойчивости преподавания по кафедре русской истории»³.

¹ Там же. Л. 56.

² Там же. Л. 105.

³ Там же.

Позднее профессорство А. С. Лаппо-Данилевского – весьма симптоматичный факт в его биографии. Научная известность историка не вполне соответствовала его положению на служебной иерархической лестнице в университете и воспринималось некоторыми недоброжелателями, как формальное свидетельство того, что он «не оправдал надежд, которые на него возлагались... не дал таких трудов, которые от него ожидали»¹.

Н. Н. Платонова, откликаясь на смерть историка, записывает в своем дневнике:

«Мне лично Лаппо-Данилевский представлялся всегда очень несчастным человеком: получив превосходное домашнее образование, зная много языков, обладая колоссальными знаниями и необыкновенной усидчивостью, он всю жизнь стремился воспарить в творческом порыве – и не мог, потому [что] в сущности у него не было таланта, творчества, интуиции»².

Недоброжелательный отзыв супруги известного историка С. Ф. Платонова, безусловно, является отражением на повседневно обывательском уровне конфликта между двумя выдающимися представителями петербургской исторической школы³. Приведенная выше недоброжелательно-отстраненная, фрагментарная характеристика жизненного мира и личности Александра Сергеевича резко контрастирует с оценками людей, духовно близких ему, составлявших неизменный круг его дружеского общения. Показательна в этом плане попытка сочувственной и целостной реконструкции жизненного мира нашего героя, предпринятая И. М. Гревсом. Иван Михайлович осознает сложность поставленной задачи:

¹ Платонова Н. Н. Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698. Л. 88–88 об.

² Там же. Л. 89.

³ Подробнее об этом см.: Ростовцев Е. А. 1) А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (к истории личных и научных отношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: сб. науч. работ. СПб., 1999. С. 128–165; 2) А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 61–89; Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000. С. 93–99. Подчеркнем в данном случае сложное наложение различных типов конфликтов: внутринаучных, связанных с переходным периодом в историографии и столкновением «старого доброго позитивизма» с модерными построениями неокантианского толка; социальных, демонстрирующих как борьбу за «институциональный капитал» (по П. Бурдьё), так и столкновение сословных привычек «аристократов-дворян» и «разночинцев», и личностных, отражающих сложность некоторых взаимоотношений, в том числе на уровне житейской повседневности – антипатий, резких суждений и оценок в адрес друг друга.

«Не буду слагать „панегирика“, предвзятого, отвлеченного, мертвенного восхваления; хочу восстановить живого человека, с плотью и кровью его, с духом, наполнявшим конкретную личность... дать реальный контур, чтобы выросла перед слушателями, читателями единичная фигура (идеографическим способом)»¹.

Бесконечно осложняет задачу, указывает И. М. Гревс, «богатство индивидуализированности» Александра Сергеевича и, наконец, то, что «он был друг – от этого усиливается ответственность»².

К основным, определяющим структуру, «начертание жизни и личности», «всесвязующим чертам» конкретного лика (иначе говоря, личностным характеристикам. – В.К.) А. С. Лаппо-Данилевского автор-друг относит прежде всего неизменную принципиальность: «всегда за идею и по идее – интеллектуально, в познании истины, и этически, в осуществлении добра»³.

Эта незыблемая принципиальность, по Гревсу, выражала присущую его другу «высокую жажду бесконечного, постоянную мысль, упорную и властную, о вечном – то, что одушевляло, одухотворяло, единило многообразные крупные начала его личности»⁴.

К личностным особенностям своего друга Иван Михайлович относит и поразительную, прямо чудесную трудоспособность, трудолюбие – «в работе пребывающий», мысль и стремление во всякую минуту бодрствования, и бодрствования, захватывающее почти все пространство и время жизни – таковы реальные признаки, характеризующие его духовную поступь»⁵.

Сопоставление противостоящих точек зрения, выявление контекста их появления приближает нас к постижению неоднозначного образа интеллектуала. Мы, безусловно, соглашаемся с сочувственно-восхищенной оценкой И. М. Гревса научной и человеческой значимости А. С. Лаппо-Данилевского. Представляется, однако, что и точка зрения Н. Н. Платоновой отражает не только ее недоброжелательно-субъективное отношение к Александру Сергеевичу, но и некоторые особенности позиционирования историка в современном ему научном сообществе. Как отмечает хорошо знавший его А. Е. Пресняков, среди историков – ученых и педагогов – Лаппо-Данилевский занимал обособленное положение –

¹ Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 45.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 46–47.

«одиноким и замкнутым в напряженной личной работе, не примыкал к какой-либо школе ...так и остался... до конца дней своих на роли приват-доцента»¹.

Пытаясь объяснить некоторую отчужденность А. С. Лаппо-Данилевского, холодность даже во внешности, И. М. Гревс обращается к психологическим чертам его натуры, в частности, отмечает:

«Высокая требовательность к себе вызывала строгое отношение к жизни, обостряла юношеское самолюбие, которое иногда развивалось с болезненной силой. Ощущение собственных недостатков вызывало осторожное отношение к другим, иногда недоверие, боязнь потерять достоинство. Кроме того, он был застенчив, нелюдим и неуклюж, шероховат. Это приводило часто к неловкой манере при обращении с другими (но именно манера, внешность), к отчужденности, это придавало его фигуре „накрахмаленный“ вид»².

Любопытный эпизод такой «шероховатости» приводит в своих воспоминаниях В. Г. Дружинин:

«Раз в субботу вечером сидели мы у Е[гора] Е[горовича] З[амысловского] за чайным столом. Рядом с хозяйкой, супругой Е[гора] Е[горовича] З[амысловско]-го, сидевшей во главе стола у самовара, сидела супруга С[ергея] Ф[едоровича] П[латоно]-ва Надежда Ник[олаев]-на. Лаппо-Данилевский сидел на другом конце стола, человек через пять от хозяйки. Сам Е[гор] Е[горович] З[амысловский] с кем-то ушел в кабинет беседовать. В это время Лаппо-Данилевский протянулся через весь стол и громко сказал Надежде Николаевне: „Зачем Вы сюда приехали? Здесь такая скука!“ Слышала это и Замысловская. Надежда Николаевна покраснела и не ответила Лаппо-Данилевскому. Мы после чая напали на Л[аппо]-Д[анилевского] за его бестактную реплику. Но он удивился, возражая, что сказал только правду!»³.

Практически все, кто сталкивался с Лаппо-Данилевским на разных этапах его жизни, фиксировали скрытость его натуры и внешнюю отчужденность. В знаменитой «Зеленой книге» А. С. Лаппо-Данилевского записаны стихи, довольно несовершенные, некоего Бориса Добрынина, которые он посвятил «моему дорогому Саше Лаппо-Данилевскому» (запись

¹ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. СПб., 1922. С. 22.

² Гревс И. М. Очерк первый. Из университетских лет. «Студенческое научно-литературное общество» в Петербурге 1880-е // Былое. 1918. № 12. С. 59.

³ Дружинин В. Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 122–122 об.

сделана 30 апреля 1885 г.). Это была реакция на мастерское исполнение А. С. Лаппо-Данилевским какого-то музыкального произведения. В поле поэтического дискурса прочитывается фиксация уже известной нам по многим источникам отчужденности Александра Сергеевича:

Ты дивно так играл!
О друг...о брат ...
Ты душу от меня скрывал,
Но звуки тайну не хранят.
Они восторженно звучали
И твою душу рассказали.

...

Всегда угрюмо молчалив,
Сидишь все сам...
Пренебрежительно спесив
К своим друзьям...
Зачем не льнешь душой
Ты к сердцу их?
Не ищешь меж толпой
Ты душ родных?¹

А. С. Лаппо-Данилевский очень высоко поднимал планку рефлексивной требовательности к себе и другим, и это создавало серьезные проблемы в межличностных коммуникациях, во вписывании в обыденную реальность.

**§ 1.2. «Теперь мне кажется,
что он пойдет своей прямой дорогой
и не погибнут его дарования и надежды...»
(Из письма Е. Д. Лаппо-Данилевской)**

Путь в науку сына Александра Сергеевича Ивана Александровича Лаппо-Данилевского был иным, совсем не прямым как Невский проспект, хотя казалось, что судьбой он был предначертан именно таковым. Хорошее домашнее образование в атмосфере пиетета перед наукой, обучение в гимназии Л. Д. Лентовской, где стремительно стало расцветать его математическое дарование; к концу гимназии, по воспоминаниям матери – Е. Д. Лаппо-Данилевской, им уже пройден был полностью

¹ Альбом с записями, цитатами, афоризмами А. С. Лаппо-Данилевского // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

университетский курс математики математического факультета. Все это создавало, как принято говорить, объективные предпосылки для успешного научного старта. Он блестяще окончил гимназию в 1914 г. В его аттестате зрелости об окончании гимназии мы находим следующие оценки: Закон Божий – отлично, русский язык и словесность – хорошо, философская пропедевтика – отлично, латинский язык – хорошо, законоведение – отлично, математика – отлично, математическая география – отлично, физика – отлично, история – отлично, география с природоведением – отлично, французский язык – отлично, немецкий язык – отлично¹.

В 1914 г. И. А. Лаппо-Данилевский поступает в Петербургский университет на физико-математический факультет, правда, не без колебания (музыка или математика?). И в том же году, как пишет Е. Д. Лаппо-Данилевская, – последовало отчисление из университета. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют прояснить до конца ни обстоятельства отчисления, ни «взаимоотношения» Ивана Александровича с университетом в 1914–1915 гг. Нам приходится довольствоваться формулировкой самого Ивана Александровича, которую он приводит в одном из своих многочисленных заявлений на имя ректора о восстановлении в университете: был «отвлечен от занятий». В качестве причин «отвлечения» он называет сначала военную службу, затем «советскую работу»². Собственно на военной службе И. А. Лаппо-Данилевский пребывал с 1 февраля по 17 октября 1916 г. в качестве пажа Пажеского Его Императорского величества корпуса, что и зафиксировано в свидетельстве о выполнении воинской повинности за № 6394³. Как следует из документа по освидетельствованию, проведенному 15 сентября 1916 г., комиссией при клиническом военном госпитале, Иван Александрович признан подлежащим увольнению навсегда от военной службы «как совершенно к ней не способный без зачисления в ополчение второго разряда»⁴. Диагноз – итеро-невротения в сильной степени развития.

Призыв студенчества в армию связан с постановлением Совета министров империи от 30 сентября 1914 г., но мобилизация студентов, и особенно студентов университетов, долгое время носила весьма ограниченный характер. Как полагают современные исследователи, ситуация

¹ Личное дело студента И. А. Лаппо-Данилевского // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 1370. Л. 19.

² Там же. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 1370. Л. 36.

³ Там же. Л. 14–14 об.

⁴ Там же.

начала постепенно меняться только весной 1916 г. «Особенно ярко это проявилось в Петроградском университете, – отмечает Е. А. Ростовцев. – Если до апреля 1916-го на военную службу было призвано всего несколько десятков студентов (главным образом те, кто по возрасту не имел права на отсрочку), то в течение апреля – октября 1916-го г. в действующую армию или военные училища было призвано около половины обучающихся в университете»¹. Как видим, Иван Александрович попал в те «несколько десятков студентов», мобилизованных на службу буквально накануне массового призыва. К этому времени он должен был быть уже студентом второго курса. Но, как следует из материалов личного дела студента И. А. Лаппо-Данилевского, дальше первого курса он в этот период не уходит, именно на этом курсе его восстанавливают в 1917 г. и уже в советский период в 1923 г. Очевидно, главная причина его практического ухода из университета в другом – не военная служба, а болезнь и глубокий личностный кризис. «Новая университетская жизнь, обычно такая долгожданная и много обещающая, – как замечает Елена Дмитриевна, – не увлекла Ивана Александровича. Подорванный болезнью и душевными переживаниями, организм² его не выдержал, и началось длительное нервное заболевание, при котором всякая умственная работа была ему запрещена. Да и сам он не рвался к ней тогда, как впоследствии в таких случаях, когда напрасны бывали все угрозы докторов»³.

Наступил длительный почти десятилетний период, в течение которого Иван Александрович если и думал о математике и интересовался ею, то, во всяком случае, был чрезвычайно далек от ученья вообще и от планомерных занятий математикой в частности. Уже упоминавшаяся нами Н. Н. Платонова в своем дневнике, ссылаясь на слухи, сообщает о его работе в Покровской гимназии в качестве преподавателя истории и заведующего хозяйственной частью, с возмущением пишет о его большевистских

¹ Ростовцев Е. А. Университет столичного города (1905–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 314.

² В подготовленных Е. Д. Лаппо-Данилевской „Материалах к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского“ сообщается о двух обстоятельствах, приведших к нервному срыву сына, – перенесенном заболевании (стрептококковая ангина) и как следствие – тяжелое осложнение на сердце и неудачей своих собственных математических исследований (некорректность доказательства, незамеченная его именитыми консультантами – академиком В. А. Стекловым и профессором Г. М. Фихтенгольцем и обнаруженная несколько позже им самим). См.: ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

³ Там же. Л. 6.

позициях и приводит якобы слова московского свойственника А. С. Лаппо-Данилевского, что оба его сына никчемные. Эта запись сделана в конце апреля 1919 г.¹ А буквально через несколько лет И. А. Лаппо-Данилевский предстанет как математическая звезда не только российского, но и мирового уровня.

На данном этапе исследования не представляется возможным подтвердить или опровергнуть свидетельства Платоновой о занятиях и политических взглядах Ивана Александровича в первые послереволюционные годы. В опросном листе при восстановлении в Петроградском университете он упоминает о своей деятельности лишь с 1920 г. Так, он сообщает, что с 1 сентября 1920 г. по 15 августа 1921 г. работал заместителем заведующего губернским подотделом записей актов гражданского состояния отдела управления Петрогубисполкома. С 15 августа 1921 г. он инвалид 2-й группы. По поводу партийности имеется запись – «беспартийный». В графе «Общественный стаж» он сообщает, что с 1 ноября 1922 г. является председателем правления жилищного товарищества (домоуправом/дома № 5 по 6-ой линии Васильевского острова)².

Что касается перипетий восстановления в университете в советскую эпоху, то отметим, что в личном деле студента И. А. Лаппо-Данилевского имеются заявления о восстановлении 1923 и 1924 гг. В деле также имеется матрикул за 1919 г., в котором зафиксирован лишь один сданный экзамен. Длительное время Иван Александрович занимает позицию как бы на «входе» в университет: заявления о восстановлении подаются, но практически не реализуются.

Совершенно очевидно, что И. А. Лаппо-Данилевский был восстановлен в университете в 1923 г., но вследствие неявки на регистрацию по оплате обучения был вычеркнут из числа студентов в начале 1924 (т. е. в 1923–1924 учебном году) года. Обратим внимание на немаловажную деталь – на заявлении начертана резолюция президиума физмата о поддержке этого ходатайства «старого студента» с просьбой восстановить И. А. Лаппо-Данилевского на второй триместр первого курса. На этом же заявлении в левом углу содержится короткое резюме профессора Г. М. Фихтенгольца³, который отмечал значимость научной

¹ Личное дело студента И. А. Лаппо-Данилевского // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 1370. Л. 46–46 об.

² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 1370. Л. 7.

³ **Фихтенгольц Григорий Михайлович** (1888–1959) – русский и советский математик, автор всемирно известного учебника «Курс дифференциального и интегрального исчисления» в трех томах.

работы И. А. Лаппо-Данилевского¹. В 1924/1925 учебном году Лаппо-Данилевский вновь обращается с просьбой о восстановлении его в списках студентов, просит провести дополнительную упомянутую регистрацию об оплате, ссылаясь на то, что в текущем году им проявлена значительная академическая активность:

«за время с 25 мая 1924 по 14 апреля 1925 г. сдано 19 зачетов, благодаря чему, будучи в качестве „старого студента“ 1914 г., в январе 1924 г. восстановлен на I – й курс, в настоящее время я состою на III-ем). До окончания курса ЛГУ мне остается сдать всего лишь три зачета»².

О чем говорят эти факты? Почему такой трудный путь восстановления в университете (если на каждом из заявлений стоит резолюция «зачислить»)? За всем этим стоит совершенно иной, чем у отца, уровень житейской повседневности. В 1923 г. Ивану Александровичу – 28 лет, он уже женат и имеет дочь, в семье живет мать, получающая как вдова академика небольшую пенсию. Его заработок как управляющего домом мизерен – 40 руб. в месяц. Очевидно, что в таких житейских условиях оплата за обучение становилась проблематичной. Весьма показательны строки писем этого периода:

«Два или три дня в ближайшее время займут неотложные домовые дела: обход всех квартир в связи с установлением новой платы, смета на ремонт, общее собрание, заем в коммунальном банке...»³.

В жизни семьи складывались и такие ситуации, которые зафиксировала его жена:

«Утром в субботу мы обнаружили, что имеем десять пирожков, немного сахара и чая, дров на одну печку и 70 коп. денег»⁴.

Но именно на это время пришлось возобновление его систематической работы над теорией дифференциальных уравнений. Он параллельно сдает огромное количество зачетов и оформляет свое открытие в виде «ноты № 1» (это краткое заявление-тезис, за которым следует мемуар – развернутое доказательство).

¹ Личное дело студента И. А. Лаппо-Данилевского // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 1370. Л. 5.

² Там же.

³ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1 Д. 2. Л. 14.

⁴ О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову. 1926 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 61 об.

Г. М. Фихтенгольц, как пишет в одном из своих писем Иван Александрович, очень торопит с предложением и говорит, «что выдал математике крупнейший вексель, по которому никак нельзя отстрочить уплату... Григорий Михайлович очень одобряет окончание университета, так как, по его мнению, ученый с вполне определенной научной индивидуальностью в роли студента производит комичное впечатление»¹.

Эта напряженнейшая работа с вечными бессонницей и болезнями, с хлопотами по преодолению «домовых пакостей» нашла отражение в письмах Ивана Александровича к жене и дяде. Формулы и планы исследования перемежаются расчетами доходов, в том числе и ожидаемых в связи, например, с устройством на работу в морской техникум (хотя это случится чуть позже – в 1925 г.). Так, в одном из писем своему дяде – Д. Д. Бекарюкову он сообщает: «Имеем $100 + 80 + 40 = 220$ руб.»². Денег постоянно не хватает, уже накопился большой долг по дому, а болезни и необходимость в связи с этим усиленного питания ввергают семью в уныние. Лишь помощь московского родственника, брата Елены Дмитриевны, помогает хоть как-то преодолевать эти кризисы.

Борьба за выживание, занимавшая столь значительное место в жизни Ивана Александровича, не была знакома его отцу вплоть до последних лет жизни – периода с октября 1917 г. до 1919 г. (года его смерти). По формулярным спискам о службе, копии которых представлялись по месту обучения его сыновей, можно проследить материальное положение А. С. Лаппо-Данилевского на 1909 и 1914 гг. В 1909 г. его совокупный доход составлял 3600 руб., ему предоставлялась также казенная квартира, он был собственником родового имения в Екатеринославской губернии. К 1914 г. при том же недвижимом имуществе и казенной квартире его жалование увеличилось до 5 700 руб.: добавились столовые деньги и выплаты за выслугу лет³. В то время как профессорское жалование, по данным Н. Н. Никс, составляло от 3500 до 4500 в год⁴. Как видим, уровень жизни семьи старшего Лаппо-Данилевского был достаточно высоким, и та же Н. Н. Платонова в своем дневнике называла его «вполне обеспеченным» среди столичной профессуры вплоть до последнего времени⁵.

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1924 г. // Там же. Л. 35.

² И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову. 1925 г. // Там же. Л. 43.

³ Личное дело студента А. А. Лаппо-Данилевского // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 936. Л. 8 об., 23.

⁴ Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008. С. 36.

⁵ Платонова Н. Н. Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698. Л. 83.

Что же заставило Ивана Александровича вернуться в науку в таких жестких средовых условиях? Этому феномену трудно дать исчерпывающее объяснение. Можно лишь предложить свою рабочую гипотезу. Генетическая одаренность нашего героя, его принадлежность к определенному типу профессорской культуры помогли, как нам представляется, компенсировать воздействие социальной среды и преодолеть личностный и творческий кризис.

Попытаемся посмотреть на этот феномен с точки зрения современной психологии, анализирующей различные варианты взаимодействия генотипа и среды. Один из них предполагает, что средовые условия оказывают разное влияние на человека в зависимости от его генотипа. Второй – основывается на том, что между генотипическими и средовыми факторами есть корреляция¹. Намечается и третий подход, в рамках которого предпринимается попытка синтеза, хотя и подчеркивается его сложность. О генотип-средовой корреляции говорят в тех случаях, когда есть совпадение отдельных способностей, дисперсии которых предположительно генетически обусловлены, со средовыми условиями их реализации. При этом обращается внимание на ситуацию личностного выбора средовых условий. В зависимости от активности ребенка в этом процессе выделяется три вида генотип-средовой корреляции – пассивная, реактивная и активная. «Примером пассивной генотип-средовой корреляции служат такие ситуации, когда родители создают ребенку средовые условия, коррелирующие с генотипами родителей. Допустим, интеллект родителей – характеристика, которая связана с генотипом, – определяет их интересы. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на то, как родители и дети проводят свободное время, какие книги читают, что вместе обсуждают. Поскольку дети и родители имеют общие гены, получается, что среда ребенка, коррелируя с генотипом родителей, одновременно коррелирует и с его генотипом»². Следующий вид – реактивная генотип-средовая корреляция – «описывает ситуации, когда различные генотипы вызывают различную реакцию окружающих». В качестве примера психологи приводят ситуацию с так называемыми «трудными детьми»: «например, к старательным и внимательным первоклассникам учителя относятся более благожелательно, чем к несобранным детям или к детям, имеющим недостаточные коммуникативные навыки. Ответная реакция на поведение детей подкрепляет определенные типы поведения ребенка и в большей степени (или, наоборот, в меньшей) способствует

¹ Егорова М. С. Психология индивидуальных различий. М., 1997. С. 229.

² Там же. С. 232.

их дальнейшему развитию. Если эти типы поведения имеют связь с генотипом, то можно говорить о реактивной генотип-средовой корреляции»¹. Третий вид – активная генотип-средовая корреляция – связан «с направленным отбором индивидом собственных средовых условий. Ориентация человека на то, что его больше интересует, что у него лучше получается, рассматривается в рамках данной схемы как влияние на деятельность человека генетической предрасположенности к тому или иному роду занятий»². Некоторые из психологов подчеркивают, что влияние среды на развитие значимо только при экстремальных значениях средовых характеристик.

Роли каждого из трех названных видов генотип-средовой корреляции изменчивы. Пассивная – в процессе взросления становится все менее и менее важной в детерминации поведения человека, а активная – наоборот, становится определяющей.

Случай Лаппо-Данилевского не укладывается в какой-то один «чистый» вид генотип-средовой корреляции. Совершенно очевидно, что роль пассивного вида генотип-средовой корреляции в его жизни была очень значительна. Следует также учитывать и то обстоятельство, что пассивная генотип-средовая корреляция может быть как положительной, так и отрицательной. Представляется, что такое прекрасное образование и накопленный «культурный капитал» имели и негативные последствия (оборотная сторона медали): молодой гимназист, уже ознакомившийся с университетским курсом математики, поступив в университет и став студентом, приглашался начать все сначала. Это не вызывало энтузиазма и никак не походило на праздник научного творчества, к которому он был приобщен с детства. Очевидно, имела место и реактивная генотип-средовая корреляция. Маститые профессора – эксперты его первых научных опытов – не заметили ошибку, которую он позже обнаружил сам. Что за этим стоит? Отсутствие задатков ученого-математика, или полное равнодушие и заниженные ожидания к нему как личности, или явная некомпетентность «высокой профессуры»? Вполне возможно, так мог размышлять/переживать над своей неудачей Иван Александрович.

Активная генотип-средовая корреляция проявилась гораздо позже. Почти десять лет спустя после того, как он бросил учебу в университете, происходит его возвращение в науку. Иван Александрович, у которого одаренность была буквально в генах, активно работал над отбором средовых условий ее реализации. Он вырабатывает в себе навыки

¹ Там же. С. 233.

² Там же.

абстрагироваться от социальных шумов – «за письменным столом от всего этого отвлекаюсь». В качестве таковых им воспринимаются не только «домовые пакости» (работа домоуправом ради элементарного выживания), но и необходимость следования идеологическим правилам игры, которые он иронически принимает. Так, в письме к «дорогим друзьям», отправленном из традиционного семейного места отдыха – дачи родителей Ольги Алексеевны в подмосковной Благуше, он сообщает:

«несколько свободных дней, выпавших на мою долю, придется посвятить весьма „безвкусоному“ занятию: на 2-ую половину сентября назначены испытания для аспирантов по „марксистскому минимуму“ и для подготовки к ним следует прочитать 6 соответствующих „классических произведений“»¹.

Ивану Александровичу остается утешаться самому и утешать своих адресатов тем, что естественно-позитивно для их жизненного мира – своими научными достижениями и ожидаемыми «общими радостями» наслаждения музыкой. «Будем надеяться, – пишет он, – что осенью мы снова откроем наш „сезон“, займем наши традиционные места и будем слушать „нашего маэстро“»². (Речь идет о Р. Вагнере. – В.К.).

В период своего научного подъема, поглощенности занятиями наукой Иван Александрович с полным основанием пишет: «С внешним миром, за исключением деловых отношений, не имею почти никакого общения»³.

Для прояснения контекста актуализации активного типа генотип-средовой корреляции важен и культурологический ракурс исследования, предполагающий учет метафизики – «Духа Места» и «Духа Времени». Становление И. А. Лаппо-Данилевского как ученого приходится на период грандиозных социокультурных трансформаций – прощания со «старым миром», старым Петербургом (стык Петербурга и Ленинграда, по выражению С. Волкова)⁴, старой профессорской культурой и «строительства» иного, нового интеллектуального ландшафта. В воздухе Петербурга носились идеи обновления и перемен, соединяясь со стремлением «длить» и защищать исчезающую культуру. «Наша воля к творчеству универсальна, она перехлестывает все виды искусства и врывается в жизнь,

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – А. М. и М. Э. Нечаевым. 24 августа 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Л. 2 об.

³ И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарякову. 1925 г. // ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

⁴ Волков С. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М., 2003. С. 478.

охватывая ее со всех сторон»,¹ – так выразили свое уmonoстроение участницы «Объединения реального искусства», центральной фигурой которого был 22-летний Д. Хармс. Мне представляется, что в этих словах манифеста группы ОБЭРИУ выражена психологическая доминанта молодых интеллектуалов (не только литераторов) 1920-х гг. – *воля к творчеству*, то, что, на мой взгляд, также помогало И. А. Лаппо-Данилевскому преодолеть психологический кризис и возвратиться в науку в невероятно сложных жизненных условиях.

В 1925 г. он оканчивает университет, поступает в аспирантуру и быстро заявляет о себе как о самобытном ученом: в 1927 г. появились его первые печатные труды, в 1928 г. опубликована «замечательная основоположная его работа»², в 1929 году он блестяще защищает диссертацию. Диспут состоялся 5 апреля в половине восьмого вечера. Описание этого важного в жизни Ивана Александровича события находим в письме его супруги:

«Зала совета была полна. Кроме математиков, были и известные физики и химики. Были некоторые из наших друзей и знакомых и, что очень трогательно, почти все Ванины слушатели из Морского техникума. Ваня с полчаса излагал свои достижения, потом взял слово оппонент академик У[спенский]. Он говорил почти час. В своей речи он выставил прежде всего те принципы, в силу которых можно установить объективную ценность данной научной работы: конкретные результаты, новый метод исследования и открывающиеся перспективы. Затем с этих точек зрения подробно разобрал Ванину работу и вывел заключение, что эта работа превосходит самые строгие требования»³.

Успенский оценивает труд И. А. Лаппо-Данилевского как фундаментальный и классический и полагает, что «через несколько лет изучение его метода войдет в число общеобязательных университетских курсов. Заканчивая свою речь, акад[емик] У[спенский] сравнил Ваню с Ньютоном».

Профессор В. И. Смирнов отметил работу с исторической точки зрения, и как сообщает О. А. Лаппо-Данилевская, «запестрели имена всемирных математиков прошлого и этого столетия, которые уперлись в своих исследованиях в тупик, который пробит теперь Ваней. В заключении

¹ Цит. по: Волков С. Указ. соч. С. 479.

² Resolution algorithmique des problèmes reguliers de Poincaré et de Riemann // Журнал Ленинградского физико-математического общества. 1928. Т. 2. Вып. 1.

³ О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарькову. 1929 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 8 об.

проф[ессор] С[мирнов]¹ горячо пожелал Ване здоровья и сил для продолжения своей блистательной творческой деятельности. Проф[ессор] [А. Н.] К[рылов] сказал несколько лестных слов, выразил пожелание, чтобы были Ваней, при помощи его нового метода, разработаны некоторые частные вопросы (которые до сих пор представляли собой самостоятельные области исследования). Проф[ессор] [Н. В.] Л[ипин] с большим подъемом заговорил о великом научном значении Ваниной работы, но усматривает лишь один недостаток: форма изложения ее в виде небольших мемуаров не соответствует, по его мнению, классичности научного труда». Заканчивал он свою речь весьма патетически: «и на солнце есть пятна, и тем не менее оно светит и дает жизнь...».²

«Проф[ессор] Т.³ поздравил Ваню с великим делом, которым он разрушил стену и открыл анналистам широкий путь. После таких речей высококвалифицированных ученых и научных авторитетов странные возражения и обвинения Вани в „схоластике“ со стороны одного из членов факультета внесли какой-то мимолетный диссонанс в общее праздничное настроение, но испортить его, конечно, не смогли. Ваня всем отвечал. После этого декан факультета внес обычное официальное предложение считать работу аспиранта Лаппо-Данилевского удовлетворительной и закрыл заседание. Дружные продолжительные рукоплескания. Ваня долго раскланивался, потом начались восторженные поздравления. Даже нам с Еленой Дмитриевной кое-что перепало.

Потом сердечное короткое слово сказал проф[ессор] [Б. Н.] Д[елоне]⁴ так как его предшественники уже все сказали, что он хотел, сказал

¹ **Смирнов Владимир Иванович** (1887–1974), советский математик, академик АН СССР. Окончил Петербургский университет (1910 г.), профессор которого являлся с 1915 г. Основные труды по теории функций комплексного переменного: униформизация многозначных аналитических функций, исследование фуксовых групп и фуксовых функций, исследование полноты системы многочленов, ортогональных на спрямляемом замкнутом контуре, вопросы, связанные с предельными значениями аналитических функций.

² О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1929 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–10 об.

³ Фамилия профессора не атрибутирована.

⁴ **Делоне Борис Николаевич** (1890–1980) – советский математик, член-корреспондент АН СССР (1929 г.), член Немецкой академии исследователей природы «Леопольдина» (1962 г.). Сын Н. Б. Делоне. Окончил Киевский университет (1913 г.); в 1922–35 гг. профессор Ленинградского, в 1935–1942 гг. – Московского университетов, с 1932 г. – в Математическом институте АН СССР. Основные работы по теории чисел относятся к теории неопределённых уравнений 3-й степени с двумя неизвестными, по алгебре – геометризации теории Галуа,

мне после диспута, что, вероятно, редко стены нашего университета видели такой триумф. Все последующие дни Ваня как именинник принимал без конца поздравления и лично, и по телефону. Теперь жизнь входит в нормальную колею, но Ваня переутомлен и нравственно, и физически. Его мучает мысль, что он не имеет времени писать свой большой мемуар, который необходимо кончить до отъезда в санаторий для того, чтобы лечение шло успешно. Да, еще забыла сообщить Вам, что накануне диспута проф[ессор] Ф[ихтенгольц] неожиданно получил письмо из Германии от известного немецкого математика Schlesingera (письмо это было прочитано вслух ак[адемиком] У[спенским] во время диспута), в котором он пишет о том, как он заинтересован Ваниными работами. Вообще письмо очень лестное, принимая во внимание, что Schlesinger занимался 25 лет этими же вопросами без особого результата, Ваня в три года разрешил их так блестяще. Вот наши последние новости...»¹.

За короткий срок – с лета 1927 по декабрь 1930 гг., – как сам Иван Александрович подсчитал в своей автобиографии, им было опубликовано 17 работ. Труды И. А. Лаппо-Данилевского сразу нашли поддержку как в отечественном, так и в мировом научном сообществе, он печатается в Москве, Ленинграде, Париже, Гиссене, Берлине.

Итак, что удалось сделать в математике Ивану Александровичу? Обратимся к мнению специалистов, представителей так называемой «референтной группы». Особый интерес в этом отношении представляют мемориальные источники. Некролог от Академии наук был составлен академиком Н. Н. Лузиным. В нем академик излагает сущность новой точки зрения на аналитическую теорию систем линейных дифференциальных уравнений. Предоставим слово документу:

«Сущность новой точки зрения И[вана] А[лександровича] на аналитическую теорию систем линейных дифференциальных уравнений состоит в следующем: названная теория уже со второй половины XIX в. привлекла к себе такие выдающиеся силы, каковы Riemann, Fuchs, Frobenius, Mittag-Leffler, Poincaré, Hilbert, позднее Birkhoff и др. Однако она до известной степени заведена в тупик, вследствие построения ее на почве теории функций обычной геометрии – теории правильного разбиения пространства, теории приведения квадратичных форм, теории решётчатых покрытий пространства сферами, теории стереоэдров.

¹ О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову. 1929 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–10 об.

комплексного переменного. Именно благодаря этому, слишком близкому следованию классическому комплексному переменному, почва теории была истощена, и хотя далеко не все проблемы получили решение, однако, исследователи начали покидать эту область. Идея И[вана] А[лександровича] состояла в том, что надо было переменить самую точку зрения и создать другую теорию функций, специально приспособленную к атакуемым им проблемам – именно: теорию функций матричного переменного. Действительность блестяще оправдала эти глубокие предвидения И[вана] А[лександровича]. Уже одна эта новая теория функций могла создать И[вану] А[лександровичу] большую известность, так как законы функций матричного переменного оказались простыми, гармоническими и во многом аналогичными законам функций обычного комплексного переменного. Так, в самых последних работах И[ван] А[лександрович] указывает на аналитическое продолжение таких функций и дает его основы.

Но важнее всего оказалось то обстоятельство, что, благодаря теории функции матричного переменного, прямая и обратная проблемы Poincaré и Riemann'a – по данной системе уравнений найти ее группу и по данной группе отыскать все соответствующие системы дифференциальных уравнений – впервые получили свое полное до конца решение в руках Ивана Александровича в случае регулярных систем.

Решение, данное И[ваном] А[лександровичем], отличается своим изяществом и дает в явной форме все нужные зависимости матриц решений и матриц групп от матрицы коэффициентов системы уравнений. Но самое главное – это то, что даваемое им решение имеет совершенно алгорифмический характер и полную эксплицитность, в отличие от обычных доказательств существования.

Для случая иррегулярных систем И[ван] А[лександрович] успел дать много чрезвычайно глубоких идей и новые постановки вопросов, не могущие встретиться на обычном пути. Начатые им изыскания для иррегулярных систем в случае прямой задачи уже бросили новый свет на известные старые результаты Poincaré и Helge von Koch'a. И[ван] А[лександрович] успел дать решение и обратной задачи иррегулярных систем в некоторых частных гипотезах. В заметке в "Comptes Rendus", опубликованной в январе этого года [1931 г.], он ищет путь освободиться от этих частных предположений. Здесь, к огромному несчастью для науки, застигает его кончина.

Оставленное им научное наследство в идее двух итоговых к печати мемуаров и подготовленных черновых работ для теории как регулярных, так и иррегулярных систем столь важно и столь значительно, что тщательный учет и приведение в порядок к печати этого наследия является долгом Академии.

Это тем более естественно, что в течение всей своей краткой жизни И[ван] А[лександрович] оставался в сущности автодидактом, и его идеи имеют в прошлом мало корней, по которым можно было бы восстановить его результаты»¹.

Также высоко оценивает вклад Лаппо-Данилевского в классическую теорию дифференциальных уравнений член Парижской академии наук Жак Соломон Адамар². В письме к Ольге Александровне Лаппо-Данилевской от 31 октября 1931 г. он пишет, что труд И. А. Лаппо-Данилевского

«произвел переворот в одной из самых важных и таинственных глав (областей) теории дифференциальных алгебраических уравнений „теория аналитических функций“. Двойственная проблема, над которой он главным образом работал, – проблема Римана и особенно проблема Пуанкаре – была, конечно, освещена трудами самого нашего великого Римана и Гильберта. Но, как часто случается с проблемами особой сложности, которые ставит перед собой современный анализ, нужно было удовлетвориться доказательством существования решения без возможности действительно найти его. Что же касается полного и точного выражения этого решения, то не только оно еще было очень далеко от нас, но казалось невозможным, чтобы оно существовало в доступной нам форме. Лаппо-Данилевский, однако, дал это решение новыми аналитическими методами, создание и применение которых может быть делом только совершенного математика. Такой результат дает возможность рассматривать в совершенно новом свете не только упомянутую двойную проблему, но и весь обширный отдел науки, к которому она принадлежит в его целом. С такой точки зрения этот результат не только вскрывает изумительный талант автора, но, конечно, полон значения для будущего. Нужно бесконечно сожалеть о том, что жестоко

¹ Иван Александрович Лаппо-Данилевский (1896–1931). Некролог / сост. Н. Н. Лузиным // Изв. АН СССР. 1931. № 6. С. 730–732.

² Адамар Жак (Jacques Salomon Hadamard) (1865–1963) – французский математик, иностранный почетный член АН СССР (1929). Труды по дифференцированным уравнениям, теории функций, теории чисел, механике. (См.: [http:// www.slovoedia.com/2/192/203920.html](http://www.slovoedia.com/2/192/203920.html))

преждевременная смерть помешала Лаппо-Данилевскому самому продолжить свои исследования»¹.

Признанием заслуг И. А. Лаппо-Данилевского стало получение им в 1930 г. Рокфеллеровской премии-стипендии (стажировка в Германию). Обратим особое внимание на то, что в 1920-е гг. происходит процесс восстановления научных коммуникаций, прерванных Первой мировой войной. Более того, благодаря деятельности крупных филантропических организаций у науки появляются новые коммуникативные возможности.

Отцом-основателем Рокфеллеровского фонда считается Джон Дэвисон Рокфеллер-старший (1839–1937 гг.). После Первой мировой войны фонд ориентируется на поддержку фундаментальной науки. Одним из каналов такой поддержки были зарубежные стипендии молодым ученым из Европы и Америки. Вследствие политических причин масштабы действия фонда в СССР были не слишком велики². Назначение стипендий ученым не предполагало непосредственных контактов между фондом и официальными советскими органами. Механизм назначения стипендий основательно прописан А. Б. Кожевниковым, специально занимавшимся этими сюжетами: «Отдельно решался вопрос о присуждении стипендии (сторонами здесь выступал фонд, сам кандидат, а также в качестве рекомендателя кто-то из старших и признанных коллег) и отдельно – вопрос о разрешении на выезд из СССР, который оформлялся как научная командировка. Такие командировки за границу были бюрократически хлопотным³, но все же вполне распространенным явлением, и о многих ученых того поколения известно, что они ездили за рубеж по линии Академии наук или соответствующих наркоматов»⁴. Стоит упомянуть, что И. А. Лаппо-Данилевскому было отказано в 1928 г. в поездке в Болонью на Всемирный математический съезд.

¹ Ж. Адамар – О. А. Лаппо-Данилевской. 31 октября 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 47–48.

² См. об этом подробнее: Кожевников А. Б. Филантропия Рокфеллера и советская наука // ВИЕТ. 1993. № 2. С. 80–111.

³ Со второй половины 1920-х гг. среди инстанций, ведавших делом заграничных командировок, помимо Народного комиссариата иностранных дел, по замечанию современного исследователя А. Н. Дмитриева, возросло влияние Объединенного государственного политического управления и его Иностранного отдела, представители которого возглавляли и Комиссию Центрального комитета партии по выездам. См.: Дмитриев А. Н. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германия во время Первой мировой войны / отв. ред. Э. И. Колчинский и Д. Байрау. СПб., 2007. С. 49.

⁴ Кожевников А. Б. Указ. соч. С. 88.

Стипендия выдавалась только для работы за границей, она составляла от 120 до 180–200 (для женатых) долларов в месяц. Оплачивались также расходы на дорогу и научные исследования. В случае И. А. Лаппо-Данилевского в качестве рекомендателей выступили американский математик Джордж Биркгофф, немецкий математик, профессор Гиссенского университета Людвиг Шлезингер – специалист в области теории дифференциальных уравнений, теории функций, издатель старейшего немецкого математического журнала «Крелле» и академик Академии наук СССР И. М. Виноградов¹. Академик Алексей Николаевич Крылов, в то время директор Физико-математического института ходатайствовал перед Президиумом АН СССР о представлении И. А. Лаппо-Данилевскому заграничной командировки. А. Н. Крылов полагал, что «Рокфеллеровская стипендия даст возможность молодому ученому усовершенствоваться в кругу выдающихся иностранных специалистов в избранной им научной области»².

29 сентября 1930 г., с трудом поднявшись с постели после продолжительной болезни, И. А. Лаппо-Данилевский с женой и дочерью уезжают в Германию. За два дня до отъезда Иван Александрович пишет академику А. Н. Крылову письмо с благодарностью за поддержку, извиняется, что «болезнь лишает ...удовольствия лично увидеться». Заканчивает письмо словами: «Я был бы очень счастлив, если бы смог быть Вам хоть чем-нибудь полезен в Германии»³ – в этих строчках прочитывается не только пиетет перед известным и статусным ученым, но и неподдельная искренность.

Начинается гиссенский период научной жизни Ивана Александровича, чрезвычайно плотный, насыщенный личными контактами с немецкой профессурой, совместной работой над несколькими проектами, приглашением для чтения лекций в Париж в *College de France*. В это же время Лаппо-Данилевский узнает об избрании его в члены-корреспонденты АН СССР. К сожалению, этот период оказался коротким и трагичным – в марте 1931 г. Иван Александрович скончался.

¹ Федоров Л. Потери науки. Памяти И. А. Лаппо-Данилевского // Природа. 1931. № 9. С. 928.

² Записка в президиум Академии наук // СПФ АРАН. Ф. 759. Оп. 2. Д. 106. Л. 2.

³ И. А. Лаппо-Данилевский – А. Н. Крылову. 1930 // СПФ АРАН. Ф. 759. Оп. 3 Д. 141. Л. 1.

ГЛАВА 2

ПРОФЕССОРСКАЯ СЕМЬЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: СТИЛЬ ЖИЗНИ, РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ В ПОЛЕ НАУЧНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Исходная посылка данной главы заключена уже в ее названии. Автор по сути дела, пытается определить, каким образом социокультурный контекст являет себя через такую форму человеческой и научной общности, как семья, через присущие этой общности стилевые и нормативно-ролевые (функциональные) особенности. Этот интерес отражает и современное состояние науки, которое характеризуется повышенным вниманием к исследованию малых социальных групп, поскольку именно они имеют наибольшее значение для понимания психологических особенностей исторического процесса, для раскрытия проблемы самоидентификации личности, избегания опасности, на которую указывает Ю. М. Лотман – «остаться во власти весьма схематических представлений»¹. В данном варианте социокультурности наука, продуцирующая и теоретически систематизирующая знания/представления о действительности, сталкивается с самой действительностью, и меня безусловно интересуют результаты этого (нередко травматического) взаимодействия – как на этой «площадке контактов» формируется / развивается / закрепляется совокупность отношений участников семейного «научного подряда» к миру («большой социальности»), науке, между собой и к самим себе. Как отмечает современный исследователь И. В. Нарский, интересующий нас вопрос – что делают, когда занимаются наукой, «безусловно актуален»², ибо наука есть часть жизненного мира ученого, его личностной рефлексии, «один из способов познать собственные границы». И. В. Нарский расширяет, таким образом, границы применения известного тезиса Э. Кассирера о науке как форме самопознания, первоначально характеризовавшего именно историческую науку.

¹ Лотман Ю. М. Воспитание души. Воспоминания. Интервью. Беседы о русской культуре. СПб., 2003. С 298.

² Нарский И. В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008. С. 15.

Обращение к теме «ученый и его семья» важно прежде всего в плане характеристики особенностей рефлексивного взаимодействия ученого и мира («миросозерцания ученого», если пользоваться классической терминологией XIX в.). Особенности эти проявляются «на семейном поле» как на уровне элементарной житейской рефлексии – рассмотрение и анализ «дел семейных и политических», так и на уровне рефлексии научно-критического анализа научного знания, его значения и границ. И, наконец, наличествует здесь и рефлексия философская – осмысление общих принципов и предельных оснований бытия и мышления.

§ 2.1. Опыты рассмотрения профессорской семьи

Тема профессорской семьи не стала еще предметом специального историографического изучения, хотя семейные сюжеты традиционно присутствуют во всех классических жизнеописаниях, но скорее, как общая рамка, интерьер творчества ученого; тема профессорской семьи, по существу, остается маргинальной. В самое последнее время интерес к гендерной проблематике, а также к миру историка как к таковому (здесь налицо влияние интеллектуальной истории) нашел отражение в смене ракурса историографических исследований, и в частности обозначилось выделение «семейной темы»¹.

Обратим внимание, что еще в 1920-е гг. проблемы наследственной предрасположенности к занятиям наукой, поколенческого состава петербургских ученых разрабатывались в рамках другого дисциплинарного поля – представителями отечественной евгеники. Один из исследователей, представлявший это научное направление – Ю. А. Филипченко в 1921–1922-ых гг.² провел анкетирование выдающихся ученых Петрограда. В данную группу входило, по его подсчетам, более 100 чел., среди которых 24 отнесены были к ученым мирового уровня. Ушедший к тому времени из жизни А. С. Лаппо-Данилевский, естественно, в этот список

¹ См.: Шаханов А. Н. Историк С. М. Соловьев и его семья // Мир историка: историограф. сб. Омск: 2005. Вып. 1. С. 198–230; Иванова Т. Н. Женщины в судьбе В. И. Герье // Мир историка: историограф. сб. Омск, 2008. Вып. 4. С. 29–49; Антощенко А. В. Трагедия любви (Путь Г. П. Федотова к Истории) // Мир историка: историограф. сб. Омск, 2008. Вып. 4. С. 50–75; Волошина В. Ю. Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции // Мир историка: историограф. сб. Омск, 2007. Вып. 3. С. 244–258.

² Филипченко Юрий Александрович (1882–1930) – советский биолог и генетик. С 1913 г. читал в Петербургском университете первый в России курс лекций по генетике, в 1919-м организовал в университете кафедру генетики.

не попал. Но тенденции, выделенные Филипченко, проясняют наш частный случай (унаследование профессии ученого сыном А. С. Лаппо-Данилевского). В статьях Филипченко приводятся весьма любопытные данные, устанавливающие определенную зависимость появления ученого во втором поколении от места рождения и происхождения отца. В частности, Петербург как место рождения, безусловно, благоприятен для унаследования профессии ученого¹. По Филипченко, научная значимость отца во многом предопределяет жизненный выбор сына – «среди „сложившихся детей“ выдающихся ученых чуть не половина оказывается же ученым (44,7 %)»². Выдающимся ученым присуща всесторонняя одаренность («специальные способности», по терминологии Филипченко). К часто встречающемуся варианту этих способностей (31 % анкетированных) отнесены музыкальные способности, которыми, несомненно, были наделены отец и сын Лаппо-Данилевские.

В данном разделе монографии обратимся к двум наиболее распространенным моделям семейных описаний. Первая – художественно-публицистическая, вторая – внутринаучная, позитивистская с элементами идеализма и сентиментализма.

Ироничная, часто упоминаемая в литературе, а потому ставшая классической характеристика профессорской семьи принадлежит Андрею Белому. Образно формулируя свой подход как «обглаживание быта верхов ученой интеллигенции»³, он определяет этот быт как статику, предвзятость, рутину, пошлость, ограниченность кругозора. Свои характеристики поэт основывает на собственных наблюдениях «быта жизни среднего московского профессора на рубеже двух столетий» (напомним, что А. Белый происходил из семьи московского профессора – математика Н. В. Бугаева). Распределение ролей в профессорском семействе выглядело примерно следующим образом: ученый-чудак, принципиально не интересующийся бытом, – «кто живет с друзьями, кто с родственниками, кто с женой, а отец с математикой»⁴; профессорша, укорененная в быту домашняя «тиранша», мама-крестная; ребенок или дети, фиксировавшие внутренний разлад между взрослыми членами семейства – не приемлющие их ценностей и делающие «оппозицию в детской».

¹ Филипченко Ю. А. 1) Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга. // Изв. Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 5–21; 2) Наши выдающиеся ученые // Изв. бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 22–38.

² Там же. С. 30.

³ Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 40.

⁴ Там же. С. 66.

Ценностная ориентация отцов в восприятии детей насмешливо характеризуется А. Белым следующим образом: «на то „мы“ профессорский круг, чтоб младенцы у „нас“ не так ползали, как у прочих, а конституционно и позитивистически»¹. Групповое сознание либеральной профессуры, ячейкой которой выступает семья, воспринимается А. Белым скорее как «коллективное бессознательное, ...религиозные устои профессорского бытия». Освобождение от их власти, выход за пределы этого дискурсивного поля (пользуясь современным научным языком) являлись существеннейшей частью становления личности рассказчика – «основы конституционного строя и позитивистского мировоззрения восприняты были мной... до мига, когда я сказал себе твердо: Я-я!»². Подобная «эмансипация личности» вовсе не являлась особенностью, присущей исключительно самому А. Белому. Речь идет об общих настроениях, о критическом преодолении позитивизма: «От этих знамен в конце века несло мертвой затхлостью; все действительное бежало от сих знамен: и вправо и влево; средняя линия однолинейного прогресса по Спенсеру – редела... убегаю все, имеющее хоть искру жизни»³.

Применительно к интересующим нас «делам семейным», проблемам ролевых функций и проблемам преемственности поколений интересен изображаемый А. Белым портрет типичного «профессорского сына», шествующего «по средней линии»:

«Папаша занимается биологией; и – Паша; папаша читает Милля и – Паша; папаша профессор и – Паша; папаша рисует план жизни, продуманный им; и – Паша (заимствуя план папашин)... „Паша“ вышел в папашу: профессором ...но без блеска отца»⁴. Себя же Белый относит к иному типу профессорских сынов, «сынками не ставших», свернувших прочь с дороги, которые под словом позитивизм «разумели традициями стабилизированное мещанство»⁵.

При явной шаржированности изображаемой картины перед нами один, едва ли не наиболее распространенный вариант передачи традиции, преемственности поколений в рамках профессорской семьи.

С других позиций к рассмотрению семьи ученых подходит Н. Н. Никс в книге «Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект», что и понятно, поскольку перед нами научное

¹ Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 107.

² Там же.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 120, 121.

⁵ Там же. С. 120.

исследование историка, а не воспоминания-эссе. В позиции исследователя прочитывается принципиально иной посыл, согласно которому московская, а по сути и вся российская профессура «представляла собой не только интеллектуальную, но и духовно-нравственную элиту отечественной интеллигенции, составляла золотой фонд отечественной науки, выполняла важнейшую задачу аккумуляции национальной культуры»¹. При таком подходе неизбежна идеализация профессорской семьи как гармоничной интеллектуальной ячейки, которая характеризуется «эффектом сопряженного творчества», способностью женщины усиливать творческие возможности мужчины².

Предмет нашего исследования – семья Лаппо-Данилевских, безусловно, ближе к идеальным типам Н. Н. Никс, чем к шаржированно-ироническому изображению «папаши и Паши» А. Белого. Хотя «идеальный вариант» не исключает трагичности жизни и судьбы, экзистенциальной напряженности выбора пути в науку, собственного стиля жизни. Общие принципы отношения к жизни проявляются на семейном поле столь же явственно, как на научном, «возвышенное и земное» в жизни рассматриваемой нами гениальной семьи сближаются до отождествления.

§ 2.2. “Fidel la foi...”³

Семья старшего Лаппо-Данилевского сложилась в 1891 г. Александр Сергеевич женился на Елене Дмитриевне Бекарюковой (1868–1942). Время вступления в брак, в общем, соответствовало университетским корпоративным традициям. Как правило, спутницу жизни профессора находили, «уже пройдя самый ответственный и материально не обеспеченный отрезок академической карьеры – от окончания университета до защиты магистерской диссертации»⁴. Напомним, что магистерская диссертация А. С. Лаппо-Данилевского была защищена в 1890 г. Благодаря коррекции брачных стратегий профессора избирали в спутницы женщин из той же среды. Как отмечается в современной литературе, «распространены были „внутрикорпоративные“ семейные союзы, когда избранницей

¹ Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008. С. 241.

² См. также: Иванова Т. Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2010.

³ С лат. – твой на жизнь.

⁴ Жуковская Т. Н. Гендерные особенности университетской повседневности первой половины XIX в. // Гуманитарное образование и социальный контекст: гендерные проблемы. Материалы Междунар. науч. конференции. СПб., 2007. С. 20.

молодого преподавателя становилась дочь (сестра) его коллеги, а союз людей превращался в „альянс семей“»¹.

В то же время, очевидно, сработали и дворянские корпоративные связи и ценности. Елена Дмитриевна происходила из старинной дворянской семьи Бекарюковых – «истинно магнатской семьи богатейших дворян Волчанского уезда Харьковской губернии»² и приходилась двоюродной сестрой И. М. Гревсу (мать Гревса и отец Елены Дмитриевны, которую в детстве звали Лелей, были родными сестрой и братом). Семьи поддерживали теплые отношения, часто гостили друг у друга. Жили Бекарюковы васильевские в имении Васильевка Харьковской губернии, Гревсы – в Лутовиново. И. М. Гревс писал позже:

«Мало-помалу установились классические сроки, когда мы и Бекарюковы взаимно посещали друг друга. К Пасхе мы ездили в Васильевку. Затем к началу июля васильевские приезжали в Лутовиново... Гостили мы друг у друга несколько дней, от трех до недели. К 6 августа мы ездили в Васильевку: Преображение было престольным праздником их прихода... Затем зимние поездки оставались в неопределенности; иногда зимой видеться не удавалось...»³.

Именно здесь в Васильевке завязалась детская дружба Ивана Гревса с Толей (Натальей) Бекарюковой (старшая сестра Елены Дмитриевны), и, как позже напишет именитый историк: «дружба эта перешла на юность и осталась неизменной на всю жизнь...»⁴.

И хотя И. М. Гревс вспоминает, что «маленькие», к которым он относит Лелю и ее младшего брата Ваню, играли «малую роль в нашем общении»⁵ (что и понятно, в детском и юношеском возрасте разница в восемь лет воспринимается почти как разница поколений!), связь и дружеское участие в судьбе друг друга пройдут через всю их взрослую жизнь. А записки И. М. Гревса о семье Бекарюковых является для нас важным источником, позволяющим представить ту обстановку, в которой формировались мировоззрение и жизненные ценности будущей супруги А. С. Лаппо-Данилевского.

¹ Жуковская Т. Н. Гендерные особенности университетской повседневности первой половины XIX в. // Гуманитарное образование и социальный контекст: гендерные проблемы. Материалы Междунар. науч. конференции. СПб., 2007. С. 20.

² Гревс И. М. Детство (1860–1872) // Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). М., 2004. С. 10.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Там же.

Отец Елены Дмитриевны, Дмитрий Иванович, как и два других его брата, учился в школе гвардейских подпрапорщиков в Петербурге, был вполне образованным человеком, превосходным земским деятелем, «воплощением долга, совести и труда»¹. В двадцатилетнем возрасте он получил в наследство имение в несколько тысяч десятин, сильно запущенное при «заглазном» управлении деда, с огромным домом в Васильевке².

Мать Елены Дмитриевны, Наталья Петровна, в девичестве, Решетова, «боготворила своего мужа, считала его олицетворением ума и чести, образом человечности. Она родила ему, как говорили встарь, восьмерых детей, из которых пятеро дожили до зрелости... верила в свои силы как жены и матери, подруги жизни и воспитательницы детей».

Гревс отмечает начитанность «тети Наташи»:

«Она была начитана религиозно и литературно; знала всех великих писателей. Прежде всего европейской литературы; отлично была знакома с Евангелием и Библией; не чужда была святоотеческих творений и церковных книг, например житий святых. Все это создавало в ней известный мир идей, которыми она и руководствовалась, строя свой быт и воспитывая своих детей»³.

По воспоминаниям старшей дочери Н. Д. Гизетти, в семье, как правило, выписывалось 6–8 журналов, покупалась хорошая книга. Наталья Петровна много читала сама и вслух своим детям

«преимущественно по-немецки и по-французски. Обоим языкам (а позднее и английским) мы у нее обучались и не раз спасибо ей сказали за это в жизни...⁴ В начале 60-х годов она познакомилась с новыми течениями в педагогике: Ушинский был одним из ее кумиров. <...> Но с особенной горячностью она вела нас за руку в художественную литературу. Целые поэмы Пушкина мы знали на память (не заучивая), а чуть только владели лучше языком, В. Гюго и Шиллер читались уже в оригинале. Задолго до настоящего учения книга Ишимовой по русской истории была у нас тоже в чести. В круг уроков мамы входила еще «Священная история»⁵.

¹ Там же.

² Гизетти Н. Д. Наша Васильевка // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³ Там же.

⁴ В трудные для Елены Дмитриевны годы, уже после смерти сына, она искала работу переводчика, и такую работу ей предлагали, о чем она упоминала в письме к А. И. Андрееву – ученику А. С. Лаппо-Данилевского (Е. Д. Лаппо-Данилевская – А. И. Андрееву. 19 августа 1939 г. // СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 222. Л. 1 об.).

⁵ Гизетти Н. Д. Наша Васильевка // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

Особое место в воспоминаниях родственников занимает собственно дом в Васильевке – «огромная домина» и обустройство в нем жизни. У Гревса описание васильевского дома носит скорее литературный характер, к тому же он использует работу Г. К. Лукомского «Старинные усадьбы Харьковской губернии»¹ и замечает при этом, что его общие впечатления совпадают с впечатлениями автора. Он рассматривает дом, как художественный памятник русской помещичьей старины – историк культуры берет верх над мемуаристом. Это обязывало к описанию архитектурного стиля, природного ландшафта, мебелировки, портретной живописи и т. д.

«Привлекательной особенностью васильевского дома было то, что монументальность была чужда холодной чопорности, она не давит гордым величием, а, наоборот, манит уютной домовитостью. Все пропорции его мягки и гармоничны, окна и карнизы изящно означены. Фасад этот как бы просится на декорацию постановки какой-нибудь пьесы из помещичьего, стародворянского быта, например, для „Вишневого сада“ или какой-нибудь из тургеневских пьес»².

Как гость, он не мог не обратить внимания на распорядок дня и, естественно, на угощения:

«Образ жизни в Васильевке, дух и характер стремлений... походил на лутовиновские нравы с той разницей, которая вносилась различным темпераментом руководителей, а также самим обиходом более многочисленной семьи. Распорядок дня определялся более или менее по тому же типу, с той разницей, что там был более ранний обед в 2 часа (а в четыре детям давали перекусить: стакан молока и ломоть черного хлеба; завтрака не было); затем чай в 6 часов, а в 9-м часу ужин, на который подавали, по большей части, оставшееся от обеда. Мы, лутовиновские, особенно любили популярное в Васильевке пирожное – „безе“, которое повар Игнат готовил великолепно»³.

Гораздо менее сентиментальным и менее литературным предстает описание дома, оставленное Натальей Дмитриевной (рукопись называется «Наша Васильевка»). Этот взгляд, так сказать, изнутри, представляется более реалистичным:

¹ Лукомский Г. К. Старинные усадьбы Харьковской губернии, Ч. 1. Пг., 1907. С. 87–89.

² Человек с открытым сердцем ... С. 38

³ Там же.

«Огромный домина в 16 комнат. Лепные карнизы под высочайшими потолками, раз навеки веков оштукатуренные стены (обоев нигде) и дубовые, такие же вековечные некрашенные полы. По зимам не натопить эти храмины в 16 комнат даже монументальными кафельными печами...

Все в домоводстве обрастало новым, улучшалось, расширялось крайне медленно, годами сохраняя свой незатейливый уклад. Не из-за скарденности или халатности: просто потому, что никогда денег не было. А платье комбинировалось, перешивалось и перекраивалось из старья десять раз. Детское (все теплое и верхнее) платье почти сплошь получалось по наследству от старших городских кузенов и кузин и донашивалось по очереди»¹.

В эту Васильевку в июне 1891 г. приедет и А. С. Лаппо-Данилевский. В письме к М. С. Гревс (жене Ивана Михайловича) он пишет, что собирается туда съездить к Бекарюковым, что Елена Дмитриевна ждет возвращения в Россию Марии Сергеевны, и полупонамеком сообщает об их новых взаимоотношениях. В июльском письме из Васильевки прочитывается настроение счастливого человека:

«Сюда я приехал три дня назад, и хорошо мне здесь очень. Нечего Вам говорить почему... В половине августа вернусь в Петербург, но не один. Вообще с весны пришлось испытать столько впечатлений, что кажется давным-давно покинул Петербург и приеду туда не тем человеком, которым уехал... Сейчас мы будем вместе с Е[леной] Д[митриевной] читать одну книгу Таип'а, которую я давно читал и позабыл...»². Мы, к сожалению, не знаем точно в каком месяце Александр Сергеевич и Елена Дмитриевна обвенчались, скорее всего, это событие произошло во второй половине лета 1891 г. Во всяком случае, в письме от 22 августа этого года со вступлением Александра Сергеевича в брак поздравляет родная сестра Мария: «Я сердечно рада за тебя, что ты теперь женатый человек, — пишет она из Оренбурга. — Дай Бог тебе всякого счастья и благополучия на многие и многие лета»³.

И хотя она незнакома с женой брата, тем не менее «расположена к ней всем сердцем» и готова любить ее как сестру. В то же время

¹ Гизетти Н. Д. Наша Васильевка // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

² А. С. Лаппо-Данилевский — М. С. Гревс. Июль 1891 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 42–42 об.

³ М. С. Лаппо-Данилевская — А. С. Лаппо-Данилевскому // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 213. Л. 1.

в письме прочитывается и упрек замкнутому на себя, не склонному раскрываться, брату: «...ты так скрытен и никогда даже не упоминал ее фамилии»¹.

Нам известны, увы, лишь немногие факты из биографии Елены Дмитриевны. Очевидно, что Александр Сергеевич и Елена Дмитриевна познакомились через Гревсов. После окончания харьковской гимназии, она живет в Петербурге и преподает вместе с Марией Сергеевной Гревс в начальной школе на Голодае. Среди выпускниц Высших Бестужевских курсов мы не находим ее фамилии, да и в заполненной ею анкете при заключении трудового договора с Академией наук СССР в 1939 г. в графе «образование» значится «среднее»². Для Елены Дмитриевны, жены выдающегося историка, а затем и матери выдающего математика, профессорская культура не была лишь внешним атрибутом ее жизни. Она разделяла базовые ценности по отношению к науке, культивировавшиеся в сообществе интеллектуалов второй половины XIX в., в том числе в кругу ее ближайших друзей и родственников. А круг этот весьма примечателен, и связан он с «Приютинским братством», хотя и несводим исключительно к нему.

«Приютинское братство» – союз братьев и сестер, мужчин и женщин сыграл исключительную роль в личных и семейных судьбах постоянных его членов и, пользуясь более поздней терминологией, неизбежных попутчиков, в становлении общих этических принципов. Современная исследовательница С. А. Еремеева, по сути дела, выделяет новый тип интеграции, новый вариант микросообщества в России конца XIX в., где базовым основанием служит не политическая, а этическая позиция, общее отношение к любимому делу – науке, межличностно-сетевые (дружественные и семейные) связи. Такого рода микросообществом явилось известное «Приютинское братство» и тесно связанные с ним семьи их участников. Эти микросообщества создаются в определенном социокультурном контексте, присущие этому контексту интенции внутренне скрепляют их. К таким «приметам времени», выделяемым С. А. Еремеевой, безусловно, относятся, глубокий интерес к проблемам науки, этики, народной литературы, новому учению Л. Н. Толстого, работа в земстве, проблемы женского образования и т. д. Как свидетельствует А. Корнилов, один из активнейших приютинцев, составлявших его ядро: «помимо тех общих этических и общественных интересов,

¹ М. С. Лаппо-Данилевская – А. С. Лаппо-Данилевскому // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 213. Л. 1.

² Анкета Е. Д. Лаппо-Данилевской // СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 38. Л. 1.

которыми мы увлекались, как объединяющий фактор выступает и „тесная дружеская связь“¹.

Именно в такой обстановке и возникает у членов «тесного дружеского кружка» идея скрепить их «дружескую связь в будущем покупкой на общий счет какой-нибудь земли, где они могли бы впоследствии съезжаться, хотя бы летом, и обновлять те этические принципы жизни», которые их связывали². Попытка реализации этого замысла (где главным, конечно, было не гипотетическое превращение молодых ученых в землевладельцев, а «своего рода репетиция, примерка к жизни» идеи братского союза, общего дома) и приводит к созданию Приютинского братства.

А. С. Лаппо-Данилевский не входил в группу постоянных членов братства, в его костяк («одинокий и замкнутый в напряженной личной работе»). Учение и личность Л. Н. Толстого, народнические настроения и народническая литература не оказала на него столь глубокого воздействия, как на отцов-основателей Приютинского братства (Д. И. Шаховского, братьев Ольденбургов, В. И. Вернадского). Не прошел он, в отличие от некоторых других членов братства, и школу общественного служения-участия в студенческих волнениях, борьбы за высшее образование для женщин и т. д. «Злоба дня» – даже в самом высоком смысле – менее довлела над Александром Сергеевичем, его личностное самоопределение было более отвлеченным, теоретически рефлексивным, представляло собой несколько иной (по сравнению с большинством приютинцев) вариант реализации личностных потенций. В то же время само стремление к глубинной самореализации, столь присущее А. С. Лаппо-Данилевскому, равно как и присущее настоящему ученому стремление «дойти до самой сути», проявляются и в сфере межличностных отношений, в дружеском круге общения. Но тем не менее Александр Сергеевич был тесно связан с приютинцами. Эта связь основывалась на личной дружбе (напомним, что автором пронзительных, человечных и одновременно философически-глубоких воспоминаний об Александре Сергеевиче становится И. М. Гревс), на общении и сотрудничестве в годы учебы в Петербургском университете в рамках студенческого научно-литературного общества (НЛО). По воспоминаниям И. М. Гревса, именно в этом обществе произошло их знакомство с А. С. Лаппо-Данилевским. Теоретико-методологические интенции Лаппо-Данилевского, стремление не замыкаться в узко-дисциплинарных, ограниченно-профессиональных рамках (уже

¹ Корнилов А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. Кн. VIII. С. 57.

² Там же. С. 58.

активное участие в студенческом НЛО, равно как и вся последующая жизнь в науке – свидетельство тому) совершенно естественно вводят его в круг гуманитарно и мировоззренчески ориентированных приятинцев.

Общие этические принципы, стремление «жить по правде и истине» являются основой как самого приятинского объединения, так и подключения к нему А. С. Лаппо-Данилевского. Напомним, что для Александра Сергеевича истина должна основываться на нравственности, представлять как «правда-истина». Формулировка общих этических принципов, которые первоначально лишь смутно ощущались, заняла значительный отрезок времени, на это ушло более десяти лет¹. А. С. Лаппо-Данилевский является активным, лично «задетым» и профессионально рефлексирующим участником этого процесса. Свидетельство тому – его переписка с М. С. Гревс. В этой переписке он высказывает заветную, лично-определяющую мысль о поиске правды как космическом процессе, соответствии своих правдоискательских интенций основам мироздания, человеческого бытия в мире.

«Правда основана на чувстве любви, но не на любви к ближним, а мировой любви, которая включает в себя первую и которая возникает под влиянием того, что Clifford называет космической эмоцией, ее испытывает развитой человек при ощущении единства своего бытия с бытием окружающей его природы или мировой системы сущности»².

В существовании такого ощущения Александр Сергеевич безусловно уверен – «Я испытывал его лично»³.

«Мировая любовь», ощущение единства с бытием, по Лаппо-Данилевскому, неизбежно рефлексивно – «освещается сознанием причин, его вызвавших, и, по крайней мере, стремлением к сознанию его целей, почему и получает надлежащее направление»⁴.

Поставив перед собой задачу сформулировать для себя и для своей внимательно доброжелательной корреспондентки «в общих чертах» теоретические основы того, что он называет «жизнью по правде и истине», Александр Сергеевич приходит к одному из вариантов русского космизма.

¹ Еремеева С. А. Братья и сестры. «Приютинское братство как союз мужчин и женщин» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. Вып. 10. С. 112–139.

² А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. Июль 1889 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 5 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 6.

Этот вариант основывается на преобладании не научно-технического, а онтологически-бытийственного. В исследовательской литературе уже отмечалась созвучность поисков Лаппо-Данилевского и другого знаменитого представителя «Приютинского братства» – В. И. Вернадского¹.

Диалогическое общение с Марией Сергеевной для Александра Сергеевича абсолютно необходимо, и об этом он сам пишет вполне определенно: «пусто показалось мне в Петербурге на следующий день после вашего отъезда, дорогая Мария Сергеевна... мне еще не верится, что мы расстаемся надолго (М. С. Гревс уехала за границу на один год)². Диалог в письмах (и не только) для Александра Сергеевича – это способ выговориться, понять себя, способ самоидентификации, самоконструирования. Весьма примечательна формулировка, которую он употребляет в одном из писем:

«... Я более откровенен, чем Вы, решаюсь сообщить Вам то, что не совсем обдумал... все еще бродят разные мысли, которые никак не уложишь в голове»³.

В общении с человеком, которого он называет «друг мой дорогой», но в то же время определяет как иной, нежели он сам, тип личности – («у Вас натура деятельная, а у меня, как я не отнекиваюсь, скорее созерцательная»), Лаппо-Данилевский по собственному признанию «нечто получает» и может чему-нибудь научиться. Представляется, что в этом интенсивном общении он проходит определенный курс жизненной терапии, пригвожденный ему в межличностных, в том числе семейных отношениях. По неизбежно отрывочным сведениям, содержащимся в письмах, мы можем определить это терапевтическое воздействие как внушение уверенности в своих силах, утверждение в выборе профессии – в марте 1891 г. он пишет Марии Сергеевне:

«Я не сомневаюсь в том, что если я к чему-нибудь годен, то именно к тому делу, которым я теперь главным образом занимаюсь. Я или к этому приспособлен, или ни к чему»⁴.

¹ См.: Шмидт С. О. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 229–237; Корзун В. П. Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А. С. Лаппо-Данилевского) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 229–237.

² А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. Июнь 1890 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 10 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. Март 1891 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 33 об.

Сближает Александра Сергеевича и приютинцев и общность принципов, на которых базируются их семейные отношения. К этим принципам можно отнести высокую степень осознанности, ответственности при выборе спутниц жизни, понимание семьи как идеальной модели человеческих взаимоотношений – «хотели жить хорошо, не как все, а как надо». Семейные отношения понимались как братские, и женщинам отводилась особо значимая роль. Современная исследовательница С. А. Еремеева роль женщины в «Братстве» определяет как этический камертон, как необходимую составляющую этого этического союза: «они брали на себя функции коммуникации, организации помощи членам братства (которая практиковалась всегда и которую, как признавались все, легче было давать, чем брать)»¹. Четкие границы личного (семейного) и общего пространства устанавливались не сразу и не без противоречий.

Со временем «жизнестроительная роль науки» и религии выходят у приютинцев на первый план, оттесняя «мысль семейную»² (напомним одну из проективных установок В. И. Вернадского: «...каждая семья живет только личной жизнью, но братство есть соединение семейной жизни целого ряда семей с сохранением индивидуальной семейной формы»³). «Любовь других, близкая дружба, возможность общения, общего дела, общей жизни – одно из лучших наслаждений жизни»⁴, – так выразила одну из максим приютинцев жена В. И. Вернадского Наталья Егоровна.

Как представляется, перед нами феномен содержательно расширяющейся, ценностно нагруженной коммунитарности, когда погружение в интересы друг друга, приближение их к «своим» становится стилем жизни. Научная, родственная, ценностная коммуникативность переплетались в этом специфическом «приютинском социуме», и совершенно естественно жены ученых (деятели сообщества) таким образом приобщались к этосу науки, одной из значимых черт которого в современной социологии науки как раз и называется коммунитарность.

Содержащаяся в источниках фрагментарная информация о восприятии Александром Сергеевичем семейно-родственных отношений до вступления в брак позволяет сделать вывод, что и к этой стороне жизни он относился ответственно и рефлексивно, что, напомним, вообще

¹ Еремеева С. А. Братья и сестры... С. 137

² См. об этом подробнее: Еремеева С. А. 1) Забыть, чтобы помнить // Мир историка: историограф. сб. Омск, 2007. Вып. 3. С. 80; 2) В пространстве воспоминаний: мемуары членов Приютинского братства // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 20. М., 2007. С. 218.

³ Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1886–1889). М., 1988. С. 194.

⁴ Цит. по: Еремеева С. А. Братья и сестры ... С. 125.

свойственно его натуре. Вот как этот подход отражен в переписке с М. С. Гревс, носившей, напомним, дружественно-исповедальный характер. Приехав в июне 1890 г. в Симферополь – места, где прошло его детство, он оказывается «окружен близкими, родными людьми (мать и сестры)»¹. Большую часть дороги на юг Александр Сергеевич проделал в обстановке наибольшего психологического благоприятствования, вместе с сестрами Бекарюковыми, одна из которых – Елена Дмитриевна, как мы уже знаем, – будущая его жена. Трогательна, по-человечески понятна оценка этого путешествия самим Александром Сергеевичем: «очень хороший был этот длинный путь!»².

Но даже в такой обстановке Александру Сергеевичу, по его собственному определению, живется хорошо лишь с одной стороны. Реальная жизнь не соответствует его идеалу, представляется недостаточно осознанной, и он «неудовлетворен жизнью своих младших сестер», которые, на его взгляд, живут «без всякой определенной разумной цели». Требования, предъявляемые к ним рефлексивно-жестким старшим братом, представляются несколько завышенными, что, по сути дела, признает и он сам – «правда, что одна из сестер только что оправилась от серьезной болезни, а другая только этой весной окончила гимназию». Жесткая завышенность требований, стремление подвести жизнь под определение (поневоле вспоминается тургеневский Рудин, пытавшийся каждое движение жизни, своей и чужой, прищипливать словом, как бабочку булавкой) сочетается у Александра Сергеевича с душевной деликатностью, почти гиппократовским «не навреди». По отношению к своим сестрам он достаточно осторожен –

«хочется протестовать,... а между тем боишься как-нибудь огорчить, нарушить их душевное равновесие, не дав средств выйти из этого душевного состояния»³.

Отношения с родственниками важны для Александра Сергеевича как своего рода житейская школа или, как он определяет сам (лучше, пожалуй, и не скажешь) «хорошее упражнение в терпении и понимании других понятий и других условий быта». И в этом нелегком «процессе обучения» он благодаря присущему ему внутреннему благородству и способности к сопереживанию, достигает несомненных успехов. Выслушивая во время своего пребывания в Ялте «разные замечания и наставления»

¹ А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. Июнь 1890 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 12.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 12 об. – 13.

своей бабушки-старушки, он воздерживается «от неподобающего ответа» (хотя и сознается, что «иной раз это очень трудно»). Почтенная родственница – представительница иной эпохи, иного жизненного уклада, и ее «замечания и наставления» относительно элегантности одежды, образа жизни внука («недостаточно частое хождение в церковь») трудно переносимы молодым человеком. Хотя бы потому, что они весьма пространны даже по сравнительно незначительному поводу – «она прочла мне главу из послания ап[остола] Павла и долго говорила о том, сколько у молодых людей бывает искушений в вере, как у нее было свое тяжелое время и как она вернулась на путь истинный под влиянием чтения Боссюэтовых Discours sur L'histoire universelle!»².

Александр Сергеевич избирает иной путь – исходя из главного («старушка очень рада была моему приезду, с бабушкой и тетей я очень дружен»), он ищет возможности разумного компромисса. Молодой человек изменяет свое отношение к посещению церкви: «...я в воскресенье пошел с ними вместе, чтобы не нарушать их душевного спокойствия, в следующий праздник уж пойду к обедне... хотя это и мучительно очень»³. Компромисс, как видим, дается нелегко, и Лаппо-Данилевского мучит проблема, которой он делится со своей собеседницей, – нельзя ли заключить из всего этого, «что я обманываю людей, которых очень люблю». Проблема оказывается неразрешимой, и в конечном счете он все-таки избирает компромиссный вариант поведения: «...правду сказать, не могу иначе, слишком это им (и матери еще больше) доставит горя»⁴. Соотнесение идеальной модели (меры, образца, представителя действительности) и самой этой действительности, актуализированного бытия – проблема протяженностью в жизнь, решать которую приходится Александру Сергеевичу. Решать снова и снова в мире житейском и на поле научном, в периоды относительного спокойствия и бурных социально-политических трансформаций, реинтерпретируя постановку проблемы и реальные варианты ее воплощения.

Частью житейского поля, причем наиболее духовно лично-близкого, для Александра Сергеевича становится семья. Напомним, что ко времени вступления его в брак становится ясным, что «Приютинское братство» – это скорее опыт духовной, ментальной общности, но не более того. Попытки

¹ Фр. – „Рассуждения о всеобщей истории“.

² А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. Июнь 1890 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 12 об – 14.

³ Там же.

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. Июнь 1890 г. // Там же. Л. 14.

организации реального общежития сходят на нет, и семейные отношения рассматриваются уже не как вариант братских, а как вполне самостоятельные, а для Лаппо-Данилевского и как более значимые. И. М. Гревс вспоминает о нем как об образцовом семьянине, письма к жене он неизменно подписывал: "fidel la foi" – «твой на жизнь».

В семье Лаппо-Данилевских родилось трое сыновей, первенец скончался в младенческом возрасте. Старший Иван стал всемирно известным математиком, его жизнь трагически оборвалась на тридцать пятом году жизни, младший, Александр, был художником, учеником К. С. Петрова-Водкина, погиб 22 лет от сыпного тифа в 1920 г.¹ Детей крестили в Благовещенской василеостровской церкви. При крещении Ивана в качестве восприемников записаны Иван Михайлович Гревс и Наталья Федоровна Лаппо-Данилевская², а у Александра – Мария Сергеевна Гревс и Дмитрий Сергеевич Лаппо-Данилевский. Таким образом, духовное родство с семейством Гревсов еще более укрепилось.

Елена Дмитриевна вспоминала:

«Детство и юность обоих братьев прошли под большим умственным и нравственным влиянием их отца... В те немногие свободные минуты, которые А[лександр] С[ергеевич] мог посвятить своим детям, он отдавал им изумительно многодвигающего вперед ум и душу. Никто, как он, не умел рассказывать им „Сказку Гомера“, заинтересовать еще очень маленьких мальчиков изображениями великих памятников искусства по большой коллекции художественных фотографий, познакомить их своей вдохновенной игрой на рояле с доступными им произведениями музыкальных композиторов. Еще в 8–9 лет Иван] Ал[ександрович] не мог заснуть от волнения, когда отец играл Вагнера и, при помощи своего абсолютного слуха, старался потом подобрать запавшие в душу сложные мелодии. Прогулки с отцом открывали мальчикам глаза на красоту природы, путешествия с ним оставили неизгладимые впечатления на всю жизнь»³.

Взаимопонимание в семье Лаппо-Данилевских было основано не только на наставлениях отца, но и на несомненно существовавшей, рано выявившейся обратной связи:

¹ Материалы для биографии ... // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

² Личное дело студента И. А. Лаппо-Данилевского // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 1370. Л. 20.

³ Материалы для биографии И. А. Лаппо-Данилевского // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

«С раннего детства братья научились понимать силу, высоту и значение умственного труда и собственная, сначала детская любознательность, а затем и постоянный научный интерес пробудились у Ивана Александровича очень рано»¹.

Принципы воспитания разумеется были общими, но имеющиеся у нас источники позволяют конкретизировать их только по отношению к одному из братьев – Ивану Александровичу.

Первоначальный интерес к математике был, несомненно, заложен в нем отцом, который считал математику самой совершенной наукой и систематически ею занимался в интересах всестороннего обоснования своих философских идей. Еще до поступления сына в гимназию Александр Сергеевич занимался с ним геометрией полчаса каждое утро, и мальчик очень гордился этими занятиями.

«В то же время под влиянием отца он стал увлекаться чтением книг по философии, положившим начало его широкому философскому образованию. В 16 лет он, как взрослый, мог рассуждать на труднейшие философские темы»².

Семейно-ролевые функции А. С. Лаппо-Данилевского могут быть определены как глава семьи, любящий учитель и воспитатель и, пожалуй, старший друг и, в определенной степени, коллега, вводящий сыновей в курс научно-философских проблем, помогающий в выборе в «стиле жизни»³. Итак, речь идет о культурном капитале, который циркулирует в пространстве профессорской семьи, пронизывая ее. Профессорская культура, в известном смысле, структурирует стиль жизни. Естественен вопрос, каким образом этот культурный капитал преобразуется в эмоциональную энергию, в творческую одержимость? Воспоминания Елены Дмитриевны, любящей жены, коррелируют с впечатлениями И. М. Гревса, которые передает в одном из писем А. Е. Пресняков. На вопрос, «каков Лаппо[-Данилевский] с своим маленьким сыном (летом он умер), Гревс ответил также вопросом:

¹ Материалы для биографии И. А. Лаппо-Данилевского // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

² ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³ Под «стилем жизни» понимается «сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемый индивидом или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения (см.: Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию „стиля жизни“ к культурной истории повседневности» // Одиссей. 2000., М., 2000. С. 106).

«„Да какое может у него быть отношение к маленькому существу?.. Больно он “умственный“ человек. А все-таки он не сухой, а очень симпатичный. Странная натура»¹.

Что касается Елены Дмитриевны, то в источниках прочитывается образ идеальной профессорской жены – помощницы в научных проектах мужа, собеседницы-интеллектуалки, олицетворяющей собой необходимый оппонентный круг для деятеля науки. Это человек, гармонизирующий коммуникативное пространство, которое творит и в котором живет А. С. Лаппо-Данилевский. Елена Дмитриевна занимается копированием документов, т. е. делает выписки из указанных Александром Сергеевичем источников. Так, в одном из писем она озабочена методической ссылкой на архивные фонды:

«Мой родной, меня беспокоит мысль, что в выписках о площадных подъячих я, вероятно, неправильно обозначала номера самого дела, в иных случаях, например ... указывала последнюю страницу... а теперь думаю, что это, вероятно неправильно и может ввести тебя в заблуждение и тех, кто при использовании этих выписок сверят по книге эти номера. Очень мне это досадно, хотя думаю, что случаев таких немного»².

Это письмо человека, заинтересованного в общем деле, она так сконфужена, что пытается оправдаться перед супругом:

«Оправданием служит то, что ты на лету все это мне объяснил. И я до всего дошла своим умом. Напиши, очень ли тебя это затруднит?»³.

Очевидно и то, что Елена Дмитриевна принимала непосредственное участие в подготовке корректуры рукописей своего супруга. В письме к О. В. Терениной она интересуется степенью готовности библиографических справок, которые должна была подготовить ее корреспондентка. На оборотной стороне короткого письма перечислены несколько названий немецких книг по философии и методологии и цитата по-немецки, перевод которой требовал уточнения. Скорее всего (судя по упоминаемой литературе) речь шла о подготовке к изданию «Методологии истории»⁴.

¹ Цит. по: Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 81.

² Е. Д. Лаппо-Данилевская – А. С. Лаппо-Данилевскому. Б/д // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 212. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Е. Д. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной. Б/д // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 438. Л. 1–1 об.

Сама Елена Дмитриевна пишет о своем участии в организационно-подготовительной работе: «я должна доставить в типографию корректуру»¹.

В имеющейся литературе за кадром остается роль жены в обустройстве журфиксов в профессорской квартире, этом уже укоренившемся в профессорской среде типе научной коммуникации. У Лаппо-Данилевских собирались по пятницам. Кружок «больших», куда входили И. М. Гревс, А. А. Кауфман, С. Ф. Ольденбург, И. И. Лапшин, М. А. Полиевктов и младшая поросль – студенты, к ним принадлежал А. Е. Пресняков, был ориентирован на занятия теорией и методологией социальных наук. Так или иначе, связи со многими из них поддерживала Елена Дмитриевна. Пресняков упоминает о ее заботливом участии в его делах, интересе к его семье, о чем он спешит сообщить своей жене². О хороших и даже доверительных отношениях с Еленой Дмитриевной свидетельствует письмо к ней А. А. Кауфмана. Он интересуется работой А[лександра] С[ергеевича], спрашивает:

«Как вы себя вообще оба чувствуете, как мальчишки?», обещает лично для нее прислать «легкое чтение» – «В июле и следующих книжках в М[ире] Б[ожем] будет печататься моя беллетристика». Просит порадовать его если не письмами, то хотя бы открытками. Делится своим настроением: «В одиночестве... мне помогает мое пианино. В квартире я один – следовательно могу врать не стесняясь, а все таки это отводит душу»³.

В этой сети межличностных контактов Елены Дмитриевны особая роль принадлежит семейству Гревсов. Лаппо-Данилевские принимают живейшее участие в судьбе И. М. Гревса, поддерживают его в критической жизненной ситуации, когда в 1899 г. он был уволен из числа приват-доцентов Санкт-Петербургского университета. Это и моральная поддержка, продемонстрированная Александром Сергеевичем в письме от 13 августа 1899 г., когда он писал:

«...я долго не мог подавить бешенства при мысли о случившемся, да и теперь не могу думать хладнокровно о твоём „увольнении“.

Я думаю, что следует во что бы то ни стало добиться выяснения

¹ Е. Д. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной. Б/д // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 438. Л. 1–1 об.

² А. Е. Пресняков – жене. 18 сентября 1905 г // Пресняков А. Е. Письма и дневники 1889–1927. СПб., 2005. С. 535.

³ А. А. Кауфман – Е. Д. Лаппо-Данилевской [1900-е гг.] // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 437. Л. 1–1 об.

причин и оснований его. Когда мне они будут ясны, вероятно, может быть принять какие-нибудь меры»¹.

Кроме этого, Александр и Елена готовы оказать и материальную помощь. Напомним, что, согласно традициям «Приютинского братства» женщинам отводилась роль хранительницы нравственных традиций, организаторов взаимопомощи, и случай Гревса – тому подтверждение. Из письма Елены Дмитриевны:

«Дорогой Иванушка, спешу отправить тебе прилагаемый билет, присланный Александром... на мое имя, так как он не знает, где ты теперь. С этим билетом надо пойти в контору Юрьева (Невский, против Казанского собора) и там получить деньги. Умоляем тебя, сделай так, не мучайся этим, разве не должны помогать друг другу друзья в тяжелые минуты жизни»².

Таким образом, оба семейства тесно связаны не только на научном, но и на житейском поле. Они готовы поддержать друг друга в экстремальных ситуациях и дружески взаимодействовать в спокойных, нормальных ситуациях, например, вместе отдыхать «в тихом и симпатичном местечке Саксонии», как это было в 1901 г., когда Лаппо-Данилевские отправились за границу раньше и «нашли для нас всех приют», вспоминал И. М. Гревс³.

Было бы ошибочным видеть роль Елены Дмитриевны в семье как функционально инструментальную, рассматривать ее исключительно как помощницу, добровольную служанку выдающегося мужа. В определенном смысле Александр Сергеевич и Елена Дмитриевна Лаппо-Данилевские – это единое целое. И не случайно письма к жене Александра Сергеевича, посылавшиеся из «Мира путешествий», принимают, по его же словам, «характер дневника»⁴. Это не только информирование жены,

¹ Цит. по: Человек с открытым сердцем... С. 267.

² Там же.

³ Человек с открытым сердцем...С. 273. В мемориальном очерке, посвященном А. С. Лаппо-Данилевскому, Гревс упоминает также об их совместный отдыхе на эстляндском взморье, прогулках «по лесам нашего севера». «В течение рабочего года взаимная перегруженность занятиями нарушала и прерывала общение, но летом мы живали вместе, и тут единство расцветало среди природы и в более свободном труде над тем, что было излюблено, в некотором удалении от трагических арен русской политической и общественной жизни...». Среди этой компании Гревс называет и Ф. Ф. Ольденбурга. См.: Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 74.

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. Июль 1896 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 49.

своей второй половины, это форма самоотчета перед собой и перед единым семейным целым. Причем для этого семейного единства, «совокупного человека» делом жизни является наука, и соответственно письма, по преимуществу содержат либо информацию из сферы науки, либо демонстрацию научного подхода к явлениям, не лежащим в этой сфере. Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского традиционно рассматривается как ценный источник для характеристики контекста его научных поисков, генезиса идей, научной повседневности, но мы вправе задаться вопросом: «Что они говорят об адресате, если даже и не содержат его вербальных характеристик?»

Александр Сергеевич обращается к Елене Дмитриевне не только и не сколько по чисто житейским проблемам, но и по научно-мировоззренческим, предполагая в ней как само собой разумеющееся интеллектуально заинтересованного корреспондента. А это уже – характеристика одного из участников диалога. В профессорской среде умение жены поддерживать интеллектуальную напряженность в семье, сохранять/длить «умственный интерес» к профессиональной деятельности мужа рассматривается как «один из существеннейших элементов личного счастья»¹.

В качестве примера обратимся к письмам из Москвы к жене, и датированных 1894 г.: в них присутствуют преимущественно две темы – «Москва научная» вообще и собственная научная работа Александра Сергеевича, в частности. Он информирует жену об основных направлениях работы после защиты магистерской диссертации: проблемы русской истории XVIII в., проблемы русской культуры, философии и методологии; он делится радостью источниковедческих находок в московских архивах. Эти находки наталкивают его на постановку некоторых важных проблем законодательства в правлении Екатерины II. Лаппо-Данилевский пишет:

«Набрел на материал, никому не известный и освещающий вопрос о так называемой комиссии 1763 г., которая, как оказывается могла, повлиять на составление екатерининского наказа и на комиссию 1767 г. Открытие меня очень порадовало»².

В Москве он встречается со своими друзьями – приютинцами, добрыми знакомыми их семейства – Д. И. Шаховским и В. И. Вернадским. Под впечатлением встречи с последним Лаппо-Данилевский задумывается

¹ Здесь процитирован фрагмент письма М. С. Корелина к супруге В. И. Герье – Авдотье Ивановне. См.: Иванова Т. Н. Женщины в судьбе В. И. Герье. // Мир историка: историограф. сб. Омск, 2008. Вып. 4. С. 36.

² А. С. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 1894 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 28.

над структурой построения «своей методологии» и делится этим планом с супругой.

Значимой чертой мира русского ученого конца XIX – начала XX вв. являлась открытость по отношению к европейской науке для диалога, а важнейшей коммуникативной составляющей научного сообщества были заграничные научные путешествия. Не единожды в такие путешествия отправлялся Лаппо-Данилевский¹. Эти путешествия обостряли сравнительный взгляд, способствовали формированию межкультурной коммуникации и одновременно – внутрисемейного диалога. Оба этих типа коммуникации оказывались у Лаппо-Данилевского сближены до взаимопроникновения и поражают абсолютным доверием к читающему. Он общается с Еленой Дмитриевной на языке профессии, когда делится с ней своими размышлениями об историческом процессе, навязанными впечатлениями от посещения крупнейших музеев мира. Показательно в этом плане путешествие, предпринятое Лаппо-Данилевским в 1896 году, официально определяемое как «командировка за границу с ученой целью в каникулярное время». Путешествие длилось несколько месяцев и поражает своим пространственным размахом – Вена, Мюнхен, Бодензее, Люцерн, Бриен, Лозанна, Дижон, Париж, Берлин, Майнц, Дрезден. Тексты писем Александра Сергеевича жене, написанные им во время заграничных поездок, весьма уникальны. Они содержат многочисленные ремарки научного характера, которые позже отзовутся в его научных исследованиях и лекционных курсах. Они также поражают читателя характерной для него жаждой понимания прекрасного (в этом плане они сопоставимы разве что с текстами Е. Ф. Шмурло и Е. А. Преснякова), эмоциональной насыщенностью и в целом диссоциируют со сложившимся в историографии его образом как человека чрезвычайно сдержанного, всецело погруженного в науку и не замечающего ничего вокруг.

Так, к примеру, в Вене А. С. Лаппо-Данилевский в естественно-историческом музее рассматривает коллекции доисторических древностей, посещает этнографический музей.

«Пришлось остановиться на одной специальной задаче – я стал следить по коллекциям, у каких из современных дикарей были каменные орудия. Этот вопрос малоизученный и интересный для проведения аналогий между культурой древнего человека и теперешнего

¹ Подробнее об этом см.: Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 92–138.

дикаря и вообще для теории переживания. Но и по этому частному вопросу материала оказалось так много, что я не успел кончить всего своевременного»¹.

Здесь же он посещает новую пинакотеку и художественные выставки, знакомится со старонемецкой школой – Дюрером и Гольбейном-младшим во главе, «...последний несомненно выше всех остальных, по крайней мере, как портретист. И теперь такие портреты, живые, колоритные, замечательно тонко написанные, – редкость»².

Париж научный воспринимается Лаппо-Данилевским через Национальную библиотеку, где он работает с древнейшими манускриптами, а также через Лувр, где сокровищ «собрано так много, что ими можно было бы прекрасно воспользоваться для изучения той непрерывности развития, которая обнаруживается воочию, когда поставишь культуру Древнего Востока зародышем греко-римской цивилизации по собранным здесь памятникам»³. Тезис о непрерывности является одним из составляющих его концепции как общественного, так и интеллектуального развития. Двумя годами позже, в июне 1898 г., посещая Британский музей, историк вновь обращается к проблеме ритмов и тенденций общественного развития:

«Нельзя ли заметить, что предметы первобытной культуры почти всюду одни и те же. Но уже в древнейший период разнообразие форм увеличивается и растет по мере развития. Далее постепенность и медленность этого развития также обращает на себя внимание даже поверхностного наблюдателя. Шаг за шагом двигалось вперед человечество, нередко даже отступая назад, для того чтобы новым путем идти дальше. Весьма вероятно при этом, что более простые формы культуры развивались быстрее более сложных. Впрочем, и в развитии простейших форм можно заметить прогресс в том смысле, что способы достижения этих форм постепенно совершенствовались»⁴.

Историк фиксирует медленность и относительность не только на протяжении развития всего человечества, но и применительно к истории

¹ А. С. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. Сентябрь 1896 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 34.

² Цит. по: Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г. Путешествия русских историков... С. 101.

³ А. С. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. Июль 1896 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 51.

⁴ Цит. по: Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г. Путешествия русских историков... 106.

отдельных народов и приходит к заключению: «...периоды его (развития человечества) постепенно сокращаются во времени».

Любопытная следующая за этим заключением ремарка А. С. Лаппо-Данилевского, подчеркивающая значимость визуального обозрения памятников культуры для формирования общей концепции:

«Все эти обобщения мне были известны и раньше, но они ярче выступают, когда сразу обзриваешь развитие человечества в таком музее, как Британский»¹.

Со всей очевидностью можно предположить, что эти наблюдения послужили отправной точкой для создания рукописи «О теории развития: прогресс и регресс» и соответствующего университетского курса. «Самое существование прогресса, – замечает Лаппо-Данилевский, – указывает на существование регресса», причем регресс понимается им как очень сложное явление. По А. С. Лаппо-Данилевскому, регресс бывает положительный («нормальный») и отрицательный («ненормальный»). «Ненормальный» регресс не что иное, как «постепенно увеличивающееся истощение народного организма, рано или поздно доводящее до гибели». Такой регресс несовместим с прогрессом относительным, хотя может служить прогрессу вообще.

Положительный регресс – это «уничтожение или отпадение (истощение) известных форм, но лишь для замены их новыми, более удовлетворительными»². Последний совместим с прогрессом и от него происходит. Позже, в первое десятилетие XX в., А. С. Лаппо-Данилевский разрабатывает идею о непрерывности развития науки в гносеологическом плане, подчеркивая при этом, что в историческом плане такая непрерывность, безусловно, наблюдается. Таким образом, мир прошлого конструируется Лаппо-Данилевским через диалог культур – историк опирается на профессиональное мастерство и установки и вызовы эпохи, с одной стороны, а с другой – «послания и указания» (по терминологии А. Я. Гуревича), которые он черпает в источниках. В этом смысле анализируемые нами научные путешествия уже в силу культурной традиции, особой настроенности на то, чтобы услышать эти «послания» и хотя бы зафиксировать (опять-таки в силу той же культурной традиции) свою первую эмоцию/реакцию на них, становятся важными текст-источниками для выявления влияния внеаучных факторов на мировоззрение историка.

¹ Там же.

² Цит. по: Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г. Путешествия русских историков... С. 107.

Но в интересующем нас ракурсе принципиально важно то, что первым человеком, с которыми Александр Сергеевич делится своими научными догадками, была Елена Дмитриевна. Ей же он доверительно описывает свое настроение, свое эмоциональное состояние, свои мысли при знакомстве с произведениями искусства, в письмах прочитывается духовная близость двух людей, ощущаются, что называется, интимные интонации. Он восхищается скульптурами в античных залах Лувра:

«...Перед двумя скульптурами – Венерой Милосской и Победой (Никой) я стоял с чувством глубокого восхищения. Никакие снимки не могут передать этой красоты. В Венере удивительное сочетание обнаженного тела со стыдливостью, женственности с твердостью, простоты с величавостью, сквозь этот мрамор просвечивается жизнь (подчеркнуто здесь и далее – А. С. Лаппо-Данилевским. – В. К.). Без рук, без ног, с попорченными плечами и обломленным плащом, Венера производит впечатление женщины в самом благородном смысле этого слова, и женщины, которая сама сознает свое благородство. Победа – Ника (305 г. до Р. Х.) – произведение другого рода. Она изображена в виде крылатого гения, который стоит на корме корабля и возвращает победу. Вся ее фигура – проникнута спокойной торжественной силой... Поза ее и направление крыльев – несимметрично, что придает ей особого рода жизненность»¹.

В Дрездене он первым делом отправился посмотреть на «Мадонну» Рафаэля:

«Глядя на эту картину, точно присутствуешь при совершении тайинства. То же настроение, может быть, и у большинства посещающих эту залу: публика стоит молчаливо в комнате, где помещается холст Рафаэля, как будто она не в картинной галереи, а в храме, куда пришла молиться. Фотографии вовсе не дают понятия о внутреннем содержании картины...»².

«Великая картина Рафаэля произвела на меня очень сильное впечатление. Сама Мадонна твердо ступает по облакам и несет на жертву человечеству Христа-младенца. Глаза ее устремлены в даль и как бы видят тот ужасный путь, какой ей придется пройти вместе с сыном, лицо отражает те страдания, которые она испытает

¹ Цит. по: Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г. Путешествия русских историков... С. 105.

² Там же. С. 108.

в будущем, когда будет присутствовать при мучениях и смерти „искупителя». Но тем не менее она идет вперед и ткани ее развиваются по ветру, образуя своеобразный нимб вокруг ее стройной фигуры, в которой так хорошо изображены кроткая покорность тому,» что написано”, и тяжелое предчувствие грядущей беды. Еще сильнее Мадонны представлен младенец. При первом взгляде на него мне даже страшно стало от той громадной духовной энергии, какая выражается главным образом в складках его губ, лба и особенно в глазах. Младенец не видит препятствий, он видит цель и видит ее не где-нибудь на стороне, а в самом себе, в своем «святое святых»; в этом взгляде есть что-то великое и могучее. И несмотря на такое выражение, Христос остается младенцем, спокойно прислонившимся к плечу матери»¹.

Как справедливо отметил Гревс, который знакомился с эпистолярным наследием Лаппо-Данилевского при составлении мемориального очерка, письма Александра Сергеевича – «это богатая, красочная и значительная летопись идейных странствований, научных и художественных паломничеств к великим святыням»².

После смерти А. С. Лаппо-Данилевского (февраль 1919 г.) глубоко расположенный к нему И. М. Гревс дает следующую обобщенно интегрирующую характеристику его деятельности: «неоконченная личная выдающаяся зиждательная задача», а саму жизнь его определяет как «чистый кристалл»³. И действительно зиждителем, созидателем Александр Сергеевич являлся и в научно-педагогической деятельности, и в отношении с друзьями, и в семейном микросообществе. В последнем случае его созидательно, культурническая в высоком смысле этого слова деятельность могла подготовить сыновей к жизни, но не могла защитить от потрясений жизни, тем более в эпоху бурных социальных трансформаций. Младший сын, Александр, закончил гимназию с золотой медалью и, казалось бы, избрал путь отца, он поступает в 1917 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета. Но «историческому» выбору он остается верен всего лишь в течение полугода, затем высказывает намерение поступить в Академию художеств и, наконец, судя по ряду свидетельств, порывает с высшим образованием. Согласно устной традиции, передаваемой питерскими историками из уст в уста, он перебазировался на юг для участия в белом движении, где и скончался от тифа.

¹ Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 75.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 80.

Запутана, не устроена и трагична, как уже мы писали в первой главе, и судьба старшего сына – выдающегося математика Ивана Александровича. В период войн и революции прерывается семейная традиция служения науке – «порвалась связь времен...». Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные источники по периоду 1914 – начала 1920-х гг. содержат информацию не о начале научного пути сыновей ученого, а об их житейских перепутьях, шатаниях и колебаниях и, наконец, о слухах и догадках по этому поводу. Так, в связи со смертью Лаппо-Данилевского Н. Н. Платонова отмечала в своем дневнике: «С[ергей] Ф[едорович] видел обоих сыновей на похоронах отца и вынес впечатление, что они как будто физически нездоровы», она муссирует тему большевистских взглядов старшего сына и замечает: «...какую ужасную драму должен был переживать отец, наблюдая коммунистическую деятельность сына»¹. Этими обстоятельством (коммунистическим соращением сына) она пытается объяснить «нетерпеливое» отношение Александра Сергеевича к большевикам вообще и к их представителям на заседаниях Союза деятелей архивного дела в частности «С. Ф., – продолжает она, – сам видел, как он держится по отношению к Рязанову, этому безусловно доброму и порядочному человеку – каково же ему было в собственном сыне наблюдать как бы Рязанова в миниатюре»².

Далее обратимся к семье Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, ставшего в конечном итоге, как известно, профессором Ленинградского университета и членом-корреспондентом АН СССР. Соответственно, нас будет интересовать момент преемственности культурных и научных традиций в рамках профессорской семьи, а также их возможные трансформации. Известный мне источниковый комплекс позволяет более или менее систематизированно и с подробностями представить жизнь семьи Ивана Александровича начиная примерно с 1923 г., до этого времени представления наши, увы, неизбежно фрагментарны...

§ 2.3. «...твое главное дело – это я...» (Из письма И. А. Лаппо-Данилевского)

Семья младшего Лаппо-Данилевского, созданная уже в новую советскую эпоху, в общем, вписывается в университетскую корпоративную традицию. Его супруга Ольга Алексеевна была дочерью профессора

¹ Платонова Н. Н. Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698. Л. 47–47 об.

² Там же. Л. 47 об.

Морской академии А. А. Петровского¹. Она окончила известную в Петербурге гимназию Е. Гада. С сентября 1916 г. по май 1917 г. была слушательницей высших архитектурных курсов в Петербурге, по окончании которых ею были успешно сданы экзамены. Ольга Алексеевна продолжила свое архитектурное образование в Кубанском техническом институте в Екатеринодаре.

Можно заметить и отступление от университетских брачных стратегий (объясняемое и временем, и личностными особенностями), что выразилось в том, что Иван Александрович вступил в брак прежде, чем состоялся как ученый, будучи материально и статусно не обеспеченным «вечным студентом». В 1921 г. в семье родилась дочь Ирина, которую называли Ирон.

При определении семейно-ролевых функций Ивана Александровича начинать следует с главной из них – всепоглощающего блистательного научного творчества. Именно творческие порывы, рациональные и вместе с тем экзотические, порывы на грани человеческих возможностей, результаты которых высоко оценивались научным сообществом, делают Ивана Александровича гордостью семьи (и это, пожалуй, его особая семейная роль). С этой ролью неразрывно связана другая – творческое перенапряжение, упоение творчеством в сочетании со слабым здоровьем делают его источником постоянных тревог и мрачных предчувствий для близких ему людей, сочувственные, сопереживательные свидетельства которых отражены в семейной переписке. Письма Ивана Александровича 1922–1923 гг. к своим родственникам – О. В. Терениной (матери Ольги Алексеевны) и дяде Д. Д. Бекарякову – традиционным сопереживательным адресатам его самого и небольшой его семьи, начинаются одним ключевым словом – работа (и это еще до восстановления в Ленинградском университете).

В письмах к О. В. Терениной он определяет свою научную работу как «осуществление жизненной цели», а занятия ею как собственно нормальное течение жизни – жизнь «наша течет по прежнему...Я занят своими математическими работами»².

В 1924 г., когда Иван Александрович возвращается в университет, интенсивность работы чрезвычайно возрастает. «Ваня все это время

¹ Петровский Алексей Алексеевич (1873–1942) – ученик и соратник изобретателя радио А. С. Попова. Видный советский электрометрист, впоследствии геофизик.

² И. А. Лаппо-Данилевский – О. В. Терениной. 1923 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.

работает как безумный, ночь и день – готовит свою работу: введение и первую главу», свидетельствует О. А. Лаппо-Данилевская в письме к матери¹. Научное творчество для Ивана Александровича – «праздник, который всегда с собой», и после окончания университета положение дел не меняется.

«Встал в 8½ и засел за теорию правильных многогранников – одно из элегантнейших творений недавно умершего математика – Felix'a Klein'a... замотался совершенно, но перед обедом ухитрилась забрести в „башку“ счастливая мысль о классификации аналитических представлений алгебраических функций»²

– в этом письме, написанном летом 1925 г. жене Ольге, Иван Александрович передает типичный для него ритм жизни. Члены его семьи сочувственно-сопереживательно воспринимают его упоение творчеством и научные достижения, эмоционально включаются в творческий процесс.

«Перехожу к Ване, О. А. Лаппо-Данилевская пишет своему постоянному корреспонденту Д. Д. Бекарюкову: он живет последнее время в состоянии опьянения своей работой и почти не спит. Сегодня утром вдруг заиграл победный марш, который играет во все счастливые минуты своей жизни. Оказывается, пришел к каким то необычным результатам, к которым никто из математиков до сих пор не мог прийти. <...> Сейчас уговорила его прилечь, так как ночь напролет просидел у письменного стола»³.

Пронзительные свидетельства истинного сопереживания, отраженные в переписке членов гениальной семьи, объясняются не только их родственной и эмоциональной близостью, высокими человеческими качествами (попросту говоря – «очень хорошие люди»). Они живут в одном культурном поле, в своего рода условной реальности. Ценностными ориентирами этого культурного поля, этой, по определению Ольги, действительной жизни, выступают наука, творчество и Рихард Вагнер. В семье существует настоящий культ великого композитора. Он выступает и как источник высоких духовных наслаждений – в день рождения Ивана Александровича жена дарит ему партитуры двух вагнеровских опер – «Золото Рейна» и «Валькирия». «Можешь себе представить его восторг, он целый день провел за роялем, – делится она впечатлениями со своей матерью, О. В. Терениной. Для семьи младшего

¹ О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной. 1924 г. // Там же. Л. 12 об.

² И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. Лето 1925 г. // Там же. Л. 40.

³ О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1927 г. // Там же. Л. 71.

Лаппо-Данилевского Вагнер – объект почти религиозного поклонения, равно как и все сопричастное к его творчеству. «В столовой в углу под нотной этажеркой, на которой лежат Вагнеровские оперы и партитуры, мы с Ваней водрузили портрет Вагнера»¹, – свидетельствует О. А. Лаппо-Данилевская. Романтический семейный культ Вагнера она оценивает с некоторым оттенком иронии – «недостает только какой-нибудь курильницы для воскурения фимиама, у нас теперь живет моя подруга, в голос которой Ваня влюблен и в которой видит будущую Изольду и Кундри»². В вагнеризме семейства Лаппо-Данилевских соседствуют, таким образом, ирония и романтика, но последняя явно преобладает. И, наконец, обращение к Вагнеру открывает возможности для семейного и дружеского сотворчества: «мы хотим, – пишет Ольга Алексеевна, – основать, вагнеровский кружок: изучение Вагнера с исторической, философской, литературной и музыкальной стороны»³. Музыкой и Вагнером в этой семье в буквальном смысле живут – это то, чем занимаются взрослые, к чему приобщают детей (Ольга Алексеевна систематически занимается музыкой с Ирон). Как видим, наблюдается несомненное сходство стилей семейной жизни отца и сына Лаппо-Данилевских: наука как вершинный и запредельный взлет главы семьи и музыка, как общекультурное и гармонизирующее начало совместной жизни.

В письмах матери и жены к Д. Д. Бекарюкову, информативных и исповедально-жалобных одновременно, присутствует постоянный сюжет – текущее состояние здоровья и «расположение духа» Ивана Александровича. Так, Елена Дмитриевна жалуется брату: «у Вани вчера определилось крупозное воспаление левого легкого... доктора смущает сердце, в котором он находит чрезвычайно сложный порок, при наличии которого ни за что нельзя поручиться», на то, что у сына «постоянная бессонница, прописаны какие-то снотворные, которых я так боюсь»⁴. Обращаясь к тому же адресату, Ольга Алексеевна информирует его:

«Ваня был в очень мрачном расположении духа», так как в соответствии с рекомендацией невропатолога «уменьшить потребление папирос... он выкурил вчера всего 11 папирос вместо обычных 45... не дает себе отдыха, потерял сон и аппетит, а разговаривать с ним я уже давно разучилась»⁵.

¹ Там же. Л. 72.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1926 г. // Там же. Л. 68, 84–84 об.

⁵ Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1926 г. // Там же. Л. 83.

Она предвидит возможность скорого трагического конца – «если Ваня будет жить по-прежнему, его хватит на 1–1,5 года», и отчаянно пытается понять «что же делать?». С одной стороны, на ней «большая доля ответственности» за жизнь и здоровье мужа, с другой – «какое насилие можно применить по отношению к взрослому человеку? А авторитетов для него, по-видимому, не существует»¹.

Близким людям Ивана Александровича приходится нести тяжелый крест жизни с трагически уязвимым гением. «Наша жизнь, – свидетельствует Елена Дмитриевна, – идет каким-то нервным темпом, который обыкновенно придает ей Ваня своей напряженной работой, выводящей и его и нас из должного равновесия»². «Вся обыденная жизнь проходит мимо него, и он совершенно игнорирует все житейские и материальные осложнения, которые систематически так и сыпятся на нас», – дополняет уже Ольга Алексеевна³. «За него всегда страшно» – чувство тревоги зримо присутствует в большинстве писем родных и близких Ивана Александровича (незримо, между строк едва ли ни во всех). И всегда трудно, что, кстати, понимает и сам Иван Александрович, чьи отношения с окружающими зависят от хода его научных занятий. Одну из таких ситуаций он с иронией описывает в письме к Ольге:

«Вчера встал в 7 часов утра злой-презлой, ворчал на домашних (почему не напомнили принять спермин⁴, почему не «булки с хвостиками», а ситный, одним словом, испортил им все утро). В 11½ ч[асов] утра опять лег спать и в конце концов сообразил, что концепцию поверхности Riemann'a можно трактовать чисто аналитически, как «переменную подстановку». Тогда я расхотел спать, помирился с домашними, записал ближайшие вытекающие из такой трактовки следствия...»⁵.

Вместе с другими житейскими, главным образом, материальными трудностями (например, трагикомическим вопросом об «аспирантских

¹ Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1926 г. // Там же. Л. 82–82 об.

² Там же. Л. 82.

³ Там же. Л. 71.

⁴ Речь идет о лекарственном препарате, изобретенном А. В. Пелем (1850–1908). Спермин содержал биологически активные вещества желез внутренней секреции. Широко использовался в свое время в терапевтических целях для повышения иммунитета, играл существенную роль при тканевом дыхании, выполняя роль химического фермента. Это был единственный лекарственный препарат, идущий на экспорт из России.

⁵ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1924 г. // ОРНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 43 об.

булках» – на какие деньги купить их для сопровождающихся чаепитиями занятиях с аспирантами на дому) такая ситуация способна была спровоцировать нервный срыв у людей, искренне сопереживавших Ивану Александровичу. В одном из писем Ольга Алексеевна повествует о неудачной новогодней ночи, с которой начался для нее 1928 г:

«решено было остаться дома, Ваня сел заниматься, а я легла, но заснуть до утра не могла, полная мрачных мыслей, злых и жалких, которые, цепляясь одна за другую, ширятся и разрастаются до невероятных размеров, захватывая полностью в свой круговорот человека с расшатанными нервами, измученного бессонницей»¹.

Среди всех житейских треволнений поддерживающим, истинно значимым началом выступает наука. Именно она придает житейским ситуациям, в которых оказывается молодой ученый и члены его семьи, осмысленную целостность, не позволяя этим ситуациям превратиться в хаотический набор раздражающих воздействий. Ведь действительно его жизненный ритм, ритм творчества «организует» и семейную повседневность.

Из письма Ольги Алексеевны:

«Утро начинается у нас так: в 7 часов Ирон открывает дверь и объявляет: „Папа, пора вставать!“ . Тут для всех начинается работа в кухне: Ирон приносит воду для бритья и вообще все, что требуется, готовится каша, яйца и чай, я делаю бутерброды, которые Ване надлежит взять с собой, и выслушиваю его поручения на данный день. Елена Дмитриевна накладывает кашу на тарелку, чтобы не была горячей (горячее Ване запрещено), и собирает на рояле все многочисленные предметы, которые Ваня рассовывает по карманам (в первую очередь флакончик со страфантом). На ней ответственность за его портфель. Из передней, где Ваня надевает пальто, он еще раза два возвращается к зеркалу, чтобы проверить, все ли в строгом порядке, с риском опоздать на лекцию и, наконец, начинает медленно спускаться с лестницы, за чем мы также следим, да, впрочем, он иначе и не может»².

(В этот период Иван Александрович интенсивно занимается и преподавательской деятельностью: он читает лекции в Ленинградском морском техникуме, в Институте инженеров путей сообщения, в Горном и Политехническом институтах и, наконец, в Ленинградском университете).

¹ О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову. 1928 г. // Там же. Л. 84.

² Там же. Л. 96.

Ольга Алексеевна сознает, что ее жизненное подвижничество уязвимо в житейском плане:

«На меня некоторые математики, которые мало нас знают, смотрят как на чудище, которое заставляет своего гениального мужа убиваться для зарабатывания денег. Мало кто может представить нашу внутреннюю жизнь и Ванино упрямство в некоторых вещах»¹.

А объем педагогической работы Ивана Александровича действительно поражает. Вот как Ольга Алексеевна передает ее ритм:

«воскресенье – 6 лекций, понедельник – 11, во вторник – 7, в среду – 8, в четверг – 6, в пятницу – 8, в субботу – 11, причем два последних часа свою теорию перед избранной аудиторией. Но это не всё: в те дни, в которые он возвращается не позднее 8-ми часов вечера, он спит часа три и потом еще пишет свой мемуар (научный жанр развернутого доказательства „ноты“. – В. К.) до двух часов ночи. Вот и приходится его всячески ублажать и нянчиться с ним как с грудным ребенком»².

О душевном комфорте в такой ситуации невозможно даже мечтать – ей приходится «ежедневно видеть, как Ваня убивает себя этой работой...»³. Она размышляет над создавшейся ситуацией и приходит к выводу, что смена жизненной позиции, своей семейно-ролевой функции практически невозможна – «так многочисленны и разнообразны» ее семейные обязанности, связанные с делами мужа. Она помогает Ивану Александровичу, выполняя подготовительно-иллюстративную работу для его докладов и публикаций (как отмечал сам Иван Александрович, плакаты с формулами для него всегда «малевала Оля»). Кроме этого, она исполняет функции курьера, осуществляя связь с редакциями, публикующими работы мужа, диспетчера, организующего занятия со студентами и аспирантами на дому (отыскивать стулья для сидения и булки для чаепития) и, само собой разумеется, заботится о его здоровье. Важно отметить и другое: степень приобщенности к делам мужа такова, что Иван Александрович разговаривает с супругой на языке профессии – жена выступает и в роли коллеги-математика («много утомительных вычислений, часть которых делает Оля», – сообщает в одном из писем И. А. Лаппо-Данилевский).

¹ О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1928 г. // Там же. Л. 84..

² О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1929 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

³ Там же.

Роль семьи, ближайшего соперяживающего житейского и интеллектуального окружения безусловно сознается Иваном Александровичем, который в письме к жене афористично заявляет: «мои результаты-то в сущности наши общие результаты», «...твое главное дело – это я»¹, хотя и отдает себе отчет в том, что такое положение может не устраивать Ольгу Алексеевну.

«Я уверен, что, получив, например, мой мемуар “Consederons in sougrues...” и т. д., ты бы посмотрела на него отчасти как на свой собственный, твое мнение, что скверный случай, когда корни характеристических уравнений не целые числа, в принципе не меняет дело, поддерживало меня всю весну, и, как видишь, оказалось совершенно справедливым...»².

Жена и мать являются свидетелями и неперемными участниками, надежным тылом научного взлета Ивана Александровича. Глубина соперяживания позволяет Елене Дмитриевне (да, как свидетельствует переписка, и Ольге Алексеевне) испытать «что-то вроде счастья на душе» по поводу возвращения Ивана Александровича в «большую науку». Речь идет об оставлении его при университете и рекомендации в аспирантуру. Поистине пронзительно формулирует свои ожидания в связи с этим возвращением Елена Дмитриевна – «теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут все его дарования и надежды, ведь это висело на волоске, вся его жизнь»³.

Есть свидетельство того, что Ольга Алексеевна не раз приходила слушать его доклады в «Математическом обществе Ленинграда», была свидетельницей произведенного им грандиозного впечатления в сообществе математиков⁴. Вместе с Еленой Дмитриевной она присутствует и на защите его кандидатской диссертации. Ольга Алексеевна с радостью и гордостью предвидит мировую известность Ивана Александровича: «Конечно, и в Европе, и в Америке станет известно его имя после появления там его мемуаров...» – и с горечью добавляет: «а между тем в университете Ваню оттирают, не давая ему даже скромной должности ассистента. И тут опять встает неизбежный вопрос, что будет по окончании аспирантской

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской 1928 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

² Там же. Л. 4 об.

³ Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1925 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 55–55 об.

⁴ О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову. 1928 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

стипендии. Как бы не был гениален человек, но ему нужно питаться, иметь время для продолжения своей работы»¹.

При всей высокой, фанатической одержимости собственным научным творчеством Иван Александрович вовсе не эгоцентрически ограничен, безусловно, способен на глубокое сопереживание, стремится, в свою очередь, играть роль поддерживающего фактора по отношению к супруге. Ей он пробует прописать такую же одержимость творчеством, которая была свойственна и ему самому –

«тебе нужно бросить все „посторонние увлечения“ (пение, архитектурное черчение. – В.К.) и заняться специально Wagner'овской музыкой, изучением литературы о Wagnerе... с осени можно будет наладить Wagner'овский кружок – вот тебе настоящая большая серьезная работа»².

Отметим, что Ольга Алексеевна обратится к самостоятельному творчеству уже после смерти мужа, в эмиграции. В 1942 г. она защитит диссертацию, посвященную исследованию внутреннего пространства архаического греческого храма³.

Как средство преодоления нестыковок семейной жизни Иван Александрович рассматривает возвращение к некоторым традиционным, ритуально закрепленным нормам профессорской культуры, например к совместному чтению. В этом он находит безусловную поддержку со стороны жены, выросшей, как уже отмечалось, в профессорской семье, где подобные занятия выступали в качестве общекультурной практики. В круг общего чтения включалась зачастую не только художественная литература, но и научная – философская, искусствоведческая и т. д. В одном из писем жене в 1925 г., когда жизнь начинает налаживаться и приобретать некоторую определенность (напомню, что к этому времени, наконец, окончен университет и он получил рекомендацию в аспирантуру. – В.К.), Иван Александрович как раз и поднимает тему совместных чтений. Их отсутствие в своей семье он считает «чрезвычайно существенным дефектом», в котором повинен он прежде всего сам – причина

«...в неумении моем распоряжаться как следует своим временем и в достаточной мере владеть своим настроением: если моя основная

¹ Там же.

² И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1928 г. // ОРНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

³ Untersuchungen über den Innenraum der archaischen griechischen Tempel / Olga Lappo-Danilewski. Würzburg: Triltsch, 1942. 67 S.

работа идет хорошо, то я пишу взасос. И не остается времени ни на что другое»¹.

Он предлагает Ольге вместе «хоть по часу три раза в неделю уделять изучению настоящих философских произведений. Я считаю это даже более важным для себя, так как исключительное пребывание в среде математиков и „Госстроев“ постепенно сушит мозг...»². Даже собираясь на дачу, где отдыхала жена с дочерью, он прихватывает литературу о Вагнере для совместного чтения³.

Планы совместных занятий, вынашиваемые Иваном Александровичем, несут неизбежный отпечаток его научной специализации и особенностей его духовной организации, попыток «отразиться в других». Свидетельством тому являются «математически окрашенные» (несколько, пожалуй, странные на взгляд гуманитария) планы обучения его трехлетней дочери – «с осени начну обучать Ирона 1) теории конечных множеств (во всяком случае привью ей основные понятия о типе и мощности) и 2) и элементарной логике»⁴. Я не располагаю данными о том, насколько были реализованы эти планы (судя по житейскому контексту, скорее всего, нет). Вообще о том, каков был Иван Александрович в роли отца, документы говорят немного. Он сочиняет песенку для дочери, заботится о ее здоровье, информирует своих друзей Нечаевых о совместных музыкальных занятиях Ольги Александровны и Ирон (в последнем случае – с оттенком сожаления о том, что ради этих занятий его жена на время оставила «своего Вагнера»). «Звуки маэстро рождаются у нас очень редко. О[льга] А[лексеевна] занята „плюгом“ и чаще играет для него симфонии Бетховена. Надеемся вознаградить себя поездкой на оперу во Frankfurt»⁵.

Как видим, представителям «профессорской культуры» не просто дается совмещение жизненных миров, «возвышенного и земного» даже в рамках одной семьи. И на этом уровне полнота совмещения достигается не только уважением к научной истине (что было свойственно, пожалуй, всем членам семьи), но и профессиональной принадлежностью отца и сына

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1925 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.

² Там же

³ Там же. Л. 46 об.

⁴ Там же. Л. 34 об.

⁵ И. А. Лаппо-Данилевский – А. М. и М. Э. Нечаевым. 20 ноября 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

к ученой корпорации, задающей стиль научного мышления, своего рода интеллектуальную моду и образ жизни в целом.

Жизнь оставшихся членов семьи естественно во многом меняется после того, как трагически уходят семейные лидеры – Александр Сергеевич и Иван Александрович. Перед их вдовами встала задача элементарного физического выживания и, в более широком плане, нового позиционирования в социальном пространстве. Приобретенные ранее знания и навыки, имеющийся у них, утилитарно используемый культурный багаж, безусловно, помогают в этом. Так, Елена Дмитриевна работает библиотекарем, используя свое знание французского и немецкого языков, занимается переводами. Нужда, однако, заставляет браться за любой труд, в том числе и не вполне соответствующий (или не соответствующий вовсе) прежнему стилю жизни. Ольге Алексеевне, согласно семейной легенде, переданной автору правнучатым племянником Ивана Александровича Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским, приходится зарабатывать себе на жизнь уроками музыки и продажей рисунков животных посетителям зоопарка. Елена Дмитриевна в 1939–1940 гг. занимается по договору в архиве Академии Наук чисто канцелярской работой – составлением карточек «по выявлению назначений, увольнений и перемещений личного состава Академии наук». Работа эта малооплачиваема (15 копеек за каждую составленную карточку), явно не по ее возрасту и здоровью. Как явствует из ее личного дела, бывали ситуации, когда Елене Дмитриевне приходилось уведомлять сотрудников архива, что она не сможет придти на работу из-за плохой погоды и болезни ног. От 53 руб. 40 коп. (ноябрь 1939 г.) до 309 руб. (апрель 1940 г.) – такова амплитуда колебаний ее заработков (в последнем случае за месяц с небольшим ей приходится выполнить огромную работу – составить 2 060 карточек)¹. Эти заработки в сочетании с пенсией, которая также очень невелика (116 руб.), едва ли могли обеспечить ей безбедное существование. Поэтому понятна ее благодарность ученикам Лаппо-Данилевского, собравшим в 1939 г. для нее «огромную сумму денег» (интересно, какая же сумма соответствовала в данной жизненной ситуации для Елены Дмитриевны этому определению?). В то же время для нее важнее даже не безусловно необходимая финансовая поддержка. «Среди многих сложных чувств, нахлынувших под впечатлением Вашего поступка, – пишет она А. И. Андрееву, – ...одно побеждает – Вам по прежнему дорога память об Александре Сергеевиче

¹ СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 38. Л. 20.

и что под влиянием этого у Вас и явилась мысль облегчить жизнь мне»¹. Елена Дмитриевна пишет о чувстве «глубокой, глубокой благодарности всем Вам, которые были для него так близки»². Благодарная память учеников (прежде всего А. И. Андреева) выражается также, в хлопотах об увеличении ее пенсии, в том, что их же заботами предохранена от разрушения могила Александра Сергеевича.

Трагическая сложность той жизненной ситуации, в которой оказалась Елена Дмитриевна после смерти мужа и сына безусловно признается ей самой – «я осталась одна, разбитая, старая, уже не способная к так называемой службе»³. Поддержка со стороны учеников помогает ей в конечном счете ощущать себя не «осколком разбитого вдребезги», а частью продолжающейся («длящейся») культурной традиции, хранителем «самого главного», что характеризовало прежний семейный стиль жизни. Эта сопричастность судьбе мужа и сына, понимание масштабности и важности совершенного ими в науке и жизни («научного подвига») – то, что побуждает Елену Дмитриевну заботиться о сохранении их научного и культурного наследия, чему она и посвящает остаток своей жизни. Используя до боли близкую конкретику, она конструирует, закрепляет в памяти научного сообщества образы двух ученых – мужа и сына. Она передает частями материалы мужа в Архив Академии наук (в 1936, 1937, 1939, 1940 гг.), дорогие для нее письма Александра Сергеевича личного характера, адресованные ей и М. С. Гревс, тщательно копирует, оставляя оригиналы в семье, в самую последнюю очередь расстается с фотографиями. До последних дней Елена Дмитриевна проявляет озабоченность судьбой рукописного наследия Александра Сергеевича. В письме от 18 февраля 1940 года (к этому времени ей уже 72 года) она пишет: «Мне самой из-за старческой беспомощности было недоступно быть на кладбище 7 февраля (21-я годовщина со дня смерти А. С. Лаппо-Данилевского. – В.К.). Но ведь я пошла, как ежедневно в последнее время, на другое кладбище, где похоронен пока жизненный труд Александра Сергеевича⁴. И мне здесь легче, чем там, потому что там чувство конца навсегда, а здесь теплится надежда, что, может быть, это не смерть, а только временный

¹ . Е. Д. Лаппо-Данилевская – А. И. Андрееву. Февраль 1939 г. // СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3 Д. 222. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Речь идет о Архиве Академии наук, где Е. Д. Лаппо-Данилевская в это время работала по договору (См. СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–20).

тлен его мысли»¹. Передавая рукописи, Елена Дмитриевна оговаривает условия их появления в печати². О творении ею мест памяти сына я уже писала во вступлении к монографии.

Сведения об Ольге Алексеевне, оказавшейся в эмиграции неизбежно фрагментарны, в 1936 г. в одном из писем к Нечаевым, Елена Дмитриевна сообщает, что Ольга и спустя пять лет после смерти мужа не может прийти в себя. Хотя она находит в себе силы «жить» – поступает в университет Людвига в Гиссене, где изучает математику, а также археологию и древнюю историю и, в конечном счете, защищает диссертацию на соискание докторской степени на философском факультете. Мы располагаем отрывочными сведениями, что Ольга Алексеевна, также как и ее свекровь, участвует в творении памяти Ивана Александровича. Как явствует из отчета ученого архивиста И. С. Лосевой, Ольга Алексеевна присылала из Берлина копии писем и рукописей мужа члену-корреспонденту АН СССР В. И. Смирнову³. Аналогичную информацию мы находим и в протоколах Отделения математико-естественных наук АН СССР за 1931 г.⁴

Как видим, профессорская семья выступает микросоциумом, не только замыкающем на себя различные коммуникативные сети, но и творящим различные дискурсивные практики, в том числе и мемориальные, оказывающие влияние на формирование идентичности научного сообщества.

¹ Е. Д. Лаппо-Данилевская – А. И. Андрееву. 18 февраля 1940 г. // СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 222. Л. 2 об.

² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1917. № 45. Л. 210.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Дело фонда. Л. 5.

⁴ Подписные протоколы наук за 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. 1931. Д. 258. Л. 67.

ГЛАВА 3

ЖИЗНЕННЫЙ МИР И НАУКА

Выявленная нами схожесть идеалов отца и сына Лаппо-Данилевских не означает их тождественности: идеальные установки реализуются в определенной исторической ситуации, вписываются в наличный социокультурный контекст. Соответственно важной представляется постановка вопроса: что же составляет устойчивое ядро профессорской субкультуры и что наиболее подвержено трансформациям? Понятно, что это насущная проблема истории науки, требующая как конкретно исторической, так и теоретической разработки. Представляется, что определенным шагом в ее постижении может стать сравнение жизненных миров отца и сына Лаппо-Данилевских, что и стало предметом исследования в этой главе.

Опорной категорией в таком сравнении для нас является категория «жизненный мир». Понятие «жизненного мира» вводится в научный оборот и делается достоянием большой гуманитаристики благодаря исследованию Э. Гуссерля «Кризис европейских наук»¹. «Жизненный мир» («дорефлексивная данность», само собой разумеющийся мир смыслового опыта) является, по Гуссерлю, смысловым фундаментом всякого человеческого знания, общей почвой, на которой вырастают все науки. Обращение к понятию «жизненного мира», в соответствии с точкой зрения самого Гуссерля позволяет включить в поле научного рассмотрения «жгучие» вопросы смысла или бессмысленности человеческого бытия, показать укорененность научной деятельности в окружающем ученого повседневном мире. Рассмотрение жизненного мира дает возможность исследователю субъективизировать деятельность ученого, соотнести ее с целеполаганием (мировоззренческими интенциями) деятеля науки, его мировосприятием, миром его повседневности. И, наконец, исследование жизненного мира в системе современного историко-антропологического подхода, позволяет соотнести сферу

¹ Тексты, вошедшие в эту книгу, были созданы автором в 1936–1937 гг., сама же работа впервые вышла в свет в 1954 г. и сразу получила широкий резонанс среди философов, историков, социологов. Об этом подробнее см.: Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля // *Вопр. философии*. 1992. № 7. С. 125.

интеллектуально-научного и социокультурного и на конкретном материале предметно выявить возможности внедрения культурологического дискурса в интеллектуальную историю (не сводить, как это случается в новейших историографических исследованиях историко-антропологический подход к биографии).

§ 3.1. «Их судьбы как истории планет...» (Е. Евтушенко)

Как уже отмечалось, отца и сына Лаппо-Данилевских объединяет принадлежность к определенному типу интеллектуальной культуры, общекультурной почве. Иначе говоря, общность базовых идей, представлений, ценностей, стереотипов, символов, мифов, «различных элементов ментальной программы». В современных исследованиях подчеркивается коммуникативная природа интеллектуальной культуры, когнитивная перспективность «анализа процесса обмена элементов интеллектуальной культуры, ее социального обращения»¹.

Характерным для обоих ученых, отца и сына, было стремление к глубинной самореализации. Для А. С. Лаппо-Данилевского, как уже отмечалось выше, служение науке и истине – неразрывный процесс:

«Я хочу жить по правде и истине... Мне кажется, что я готов отдать все, чтобы на миг взглянуть прямо на солнце, увидеть истину»².

В письме к М. С. Гревс он цитирует близкую ему по духу мысль Платона, что добродетель одна и высшее знание есть вместе с тем и высшая добродетель.

Глубоко личностное восприятие науки (основа его жизненного мира) характерно и для младшего Лаппо-Данилевского, оно пронизывает все письма Ивана Александровича, адресованные жене и матери, и достигает степени пронзительности, свойственной высказываниям его отца. Он пишет:

«Заснул с мыслью о том, что не страшна никакая жизненная ерунда, пока есть на свете прекрасные звуки и прекрасные алгоритмы»³

¹ Репина Л. П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 22. М., 2008. С. 8.

² А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. 1891 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 39 об.

³ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1926 г. // ОРРНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 62 об.

или:

«Никакую красоту мира эмпирического, конечно, нельзя сравнить с красотой мира математического»¹.

Его напряженная работа по отысканию этой красоты характеризуется матерью Е. Д. Лаппо-Данилевской как «изумительный, трепетный труд, сопровождаемый озарениями, колебаниями, торжеством новой упорной проверки»². В следовании по этому пути он беспощаден, прежде всего, к самому себе. Высокие требования, в которых прочитывается его оценочная планка людей науки и искусства, он формулирует в одном из писем:

«Люди искусства и науки, вымучивающие из себя новые формы и не вкладывающие в эти формы никакого нового содержания за полным отсутствием оригинальных научных или художественных мыслей, заслуживают сожаления, если они искренни, и презрения, если они шарлатаны»³.

Научна: формалистика (в любом ее варианте), пусть даже вытекающая из правил игры научного сообщества, его запросов, внутренне не принимается И. А. Лаппо-Данилевским. В командировке в Гиссене за полтора месяца до кончины он напишет, что от него «постоянно чего-то требуют, чего-то ждут и надо быть очень осторожным, чтобы не ограничиваться удовлетворением этих требований, а делать также настоящее свое дело»⁴.

Право на такой суровый критицизм дает Ивану Александровичу его собственное отношение к науке, степень его личной самоотдачи, самопожертвования, трагической поглощенности научным творчеством («полной гибели всерьез»), о чем, собственно, уже шла речь во второй главе монографии.

Схожесть жизненных миров Александра Сергеевича и Ивана Александровича, общность элементов интеллектуальной культуры, циркуляция их от отца к сыну – явление, бросающееся в глаза. Последнее не исключает различия в мировоззрении, вариантах проживания жизни.

Научным построениям А. С. Лаппо-Данилевского, как отмечают современные исследователи, была свойственна почти математическая логичность. Он живо интересовался математикой, самостоятельно постигал

¹ Там же. Л. 20 об.

² Лаппо-Данилевская Е. Д. Материалы для биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского // Там же. Л. 8.

³ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1924 г. // Там же. Л. 17.

⁴ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 29 января 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

ее, сожалел, что не избрал ее делом своей жизни. Весьма показательно, что в «Методологии истории» Александр Сергеевич обосновывал само значение рефлексии в историческом познании, ссылаясь на разработку методологических проблем в математике, физике, химии, других отраслях естествознания. Даже математики отмечали его сильную склонность к симметричным схемам и приемам именно математического мышления¹. Сциентизм и строгость петербургской культуры составляли тот контекст, который стимулировал подобные поиски. А. С. Лаппо-Данилевский, как вспоминают близкие к его кругу люди, пережил «полосу увлечения математикой, в зрелом возрасте он прошел полный курс математического факультета и выработал целую систему математической символизации идей всякого рода»². Свидетельством этого глубокого интереса являются обширные выписки и конспекты по математике, отложившиеся в его личном фонде. Там можно найти конспект монографии Д. Бертрана «Дифференциальные исчисления», выписки из литературы на английском и русском языках по теории вероятности, относящиеся к 1890–1910 гг. Выписки «О дифференциальном и интегральном исчислении» и («объяснительные заметки к теории конечных разностей»)³.

Откликаясь на раннюю смерть И. А. Лаппо-Данилевского, крупный французский математик Жак Адамар писал, как нами уже упоминалось, что Иван Александрович решил не только конкретную математическую задачу, но и обосновал новые аналитические методы, «создание и применение которых может быть делом только совершенного математика»⁴, его труд произвел переворот в области теории, он разработал классическую теорию дифференциальных уравнений. На эту же особенность его мышления обращает внимание и Л. Федоров: «И. А. питал неукротимое влечение к широкому обобщающим теориям и всячески стремился их высказать»⁵.

Таким образом, сын, как и отец, весьма успешно работал на поле методологии. Для обоих Лаппо-Данилевских свойственно соединение логической строгости картезианского идеала науки с многообразием способов постижения/понимания мира как единого целого. Такое устремление

¹ Федоров Л. Памяти И. А. Лаппо-Данилевского. С. 926. Хотя с другим утверждением автора, о том, что А. С. «чуждался широких обобщающих трудов и отдавал свои выдающиеся силы... отдельным, частным и мелким вопросам» невозможно согласиться.

² Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 74.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Дд. 350–353.

⁴ Жак Соломон Адамар – О. А. Лаппо – Данилевской // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.

⁵ Федоров Л. Памяти И. А. Лаппо-Данилевского... С. 926.

предполагало энциклопедизм как стиль мышления, как основу для междисциплинарного синтеза. Об этой особенности мышления А. С. Лаппо-Данилевского И. М. Гревс писал:

«Энциклопедизм ... могучий по захвату и цельности, и по организованности, настоящая нерушимая база для объединяющего построения мира... Но этот энциклопедизм... был совершенно чужд почти неизбежных недостатков всякого энциклопедизма – поверхностности и эклектичной бесхарактерности: у него же чувствовалось повсюду, и в элементах знаний, и в орудиях их синтеза самостоятельная, глубокая и сильная, именно научная мысль»¹.

Энциклопедически образованным был и Иван Александрович – в сферу его интересов, наряду с математикой, входили философия, история науки, литература, музыка.

Научность подхода являлась жизненной позицией наших героев, условием и неперемнной составляющей реализации их творческой субъективности. Они живут для науки, и окружающий мир воспринимается ими в качестве всеобщего носителя научной и философско-мировоззренческой (миросозерцательной) информации. Показательны в этом плане письма А. С. Лаппо-Данилевского жене, в которых он под впечатлением посещения архивов и музеев излагает собственные гипотезы в связи как с конкретно-историческими сюжетами, так и теоретическими построениями. Об этом речь шла во второй главе монографии. Даже восприятие природы Александром Сергеевичем неразрывно связано с мировоззренческими проблемами, образом науки:

«я ужасно люблю степь и море, в них я вижу конкретный образ отвлеченной формулы бесконечности. Их горизонт мне представляется как бы зияющей пропастью с вечным вопросом, который встает перед пробуждающимся сознанием каждого из нас и который так жутко и так хорошо чувствовать перед собой»².

Более неожиданные «преобразования» действительности в «научный продукт» мы находим у Ивана Александровича. Его сознание работает круглые сутки, озарения приходят к нему часто во сне то в виде таинственных формул, составленных из ярко-красных товарных вагонов (по дороге из Москвы в Ленинград), то в виде заявления одного из жильцов вверенного ему дома (в бытность его домоуправом) «с просьбой дифференцировать

¹ Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 62.

² А. С. Лаппо-Данилевский – М. С. Гревс. Июль 1890 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 13–13 об.

такие-то и такие-то параметрические интегралы». И эти интегралы утром оказываются не чем иным, «как базой моих характеристических функций, операции сложения, умножения и дифференцирования» – сообщает он в одном из писем к жене¹. Напомним, что роль бессознательного, интуитивного, проблемы творческого озарения принадлежат к числу наиболее любимых, сложных и загадочных проблем в психологии науки. Применительно к истории математики эта проблема рассматривалась старшим современником, коллегой и корреспондентом Ивана Александровича Жаком Саломоном Адамаром в работе «Исследование психологии процесса изобретения в области математики», вышедшей в США в 1945 г. По Адамару, бессознательное играет главную роль в творческом процессе, озарение как необходимый момент открытия является результатом длительной подспудной работы мозга. Адамар акцентирует роль красоты проблемы, ощущения ее внутренней ценности в творческой работе ученого. В своей книге он приводит свидетельство роли смутных зрительных образов, подобно тем, которые возникали у Ивана Александровича, в процессе творчества у выдающихся ученых-математиков его времени. «Цель математической строгости, – замечает Адамар, – состоит в том, чтобы санкционировать и узаконить завоевания интуиции...»².

И в современном науковедении многие исследователи воспринимают интуицию (догадка, усмотрение результата «скачком»³) и научное творчество как синонимы. В любом случае роль интуитивного озарения, как одной из сторон финальной стадии научного открытия, признается в психологии науки. Научные открытия обычно и совершаются в форме внезапных озарений (инсайта), и основным материалом творческого мышления, из которого оно лепит свой продукт, являются образы, приходящие часто во сне⁴.

Хотя можно заметить и некоторые универсальные рациональные практики получения «информации для размышления», к которым прибегали и старший и младший Лаппо-Данилевские, практики, вытекавшие из сетевых коммуникаций с представителями других наук. В этом плане представляют интерес размышления А. С. Лаппо-Данилевского после московских встреч с его другом В. И. Вернадским:

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1924 г. // ОРРНБ. Ф. 419. Д. 2. Л. 15 об.

² Цит. по: Мазья В. Г., Шапошникова Т. О. Жак Адамар – легенда математики... С. 453.

³ Фейнберг Е. Л. Две культуры: интуиция и логика в искусстве и науке. М., 1992.

⁴ См.: Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки. учеб. пособие. М., 1998. С. 68, 77, 28, 35.

«Мы интересно провели с ним время, я по крайней мере. Так, от него я узнал о сочинениях по истории математики и физики, к которым я думаю со временем обратиться. После его ухода, я занялся немного своей методологией, и много мыслей пришло в голову, мелких и более крупных, так что они не дали мне спать до 3-х часов. Я думаю о том, что первая часть моей методологии должна сильно развивать способности студентов к анализу. К анализу сейчас стремятся все науки, он не только важен как орудие мысли, которым мы рассекаем непроницаемые для нашего сознания в их целом, массы грубого материала, но имеет громадное значение и потому, что из этих мелких частей (и чем меньше, тем лучше) можно построить здание, логически гораздо более цельное»¹.

Его «Методология» рождалась в междисциплинарном поле, которое познавалось не только из книг, но и благодаря личным коммуникациям с учеными из иных научных дисциплинарных сообществ. Весьма показателен в этом плане задуманный им и частично реализованный междисциплинарный проект «Русская наука». В 1916 г. была создана Комиссия «Наука в России». Предполагалось создание очерков «Русская наука» общим объемом в 99,5 п. л. и справочного ежегодника «Наука в России», которые замасливались, кстати, по аналогии с немецкими изданиями. В подготовке и издании сборника «Русская наука» участвовали 57 ученых – специалистов разных областей знания. В комиссию наряду с гуманитариями (Н. Н. Глубоковский, Э. Л. Радлов, А. А. Кауфман, П. Б. Струве, П. И. Новгородцев, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. А. Гредескул, И. М. Гревс, И. М. Ростовцев, С. А. Жебелев, П. Г. Виноградов, А. А. Шахматов, М. А. Дьяконов, С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр) вошли также крупнейшие представители негуманитарных наук, в том числе и математики. Как особо интересующие издателей проблемы были выделены общие суждения о русской науке, а также вопросы сходства и особенностей русской научной мысли в сравнении с западноевропейской, именно эти вопросы в качестве центральных были предложены в разработанной Лаппо-Данилевским анкете для ученых².

¹ А. С. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 32 об.

² Русская наука // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 67. Л. 10–11. См. об этом подробнее: Туркина Э. В. 1) О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // Петербургская Академия в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 1. С. 182–194; 2) К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний (1921–1932): Из истории организации историко-научных исследований и Академии наук. Сб. документов. СПб., 2003. С. 637–659.

Да и Иван Александрович содержательно контактирует не только с коллегами-математиками. Так, в одном из писем он сообщает о беседе с отцом жены – профессором геологии А. А. Петровским, в результате которой им фиксируется методологическая пересекаемость математики и геологии, практическая применимость математических методов в геологических исследованиях:

«беседовал больше часа о геофизических методах исследования. Эти методы изящны с той точки зрения, что дают возможность заключать об объекте (полезном ископаемом) на основании весьма незначительных признаков этого объекта, укладывающихся в рамки математических интенсивностей»¹.

Жизненный мир ученого естественно включает и так называемые экзистенциальные вопросы, в числе которых вопросы о Боге и смысле жизни, относящиеся к важнейшим. В этих вопросах отец и сын разошлись. Вера в науку и вера в Бога составляли основу мировоззрения А. С. Лаппо-Данилевского. Напомним уже цитировавшуюся нами запись из «Зеленой книги»: «Как ум наш не может постигнуть абсолютной бесконечности Вселенной, так душа не может осознать абсолютного Божества Бога. И в то и в другое мы должны верить»².

Он считал, что «благоразумный человек хранит веру не только в то, что доказано опытом, но и в то, что несет в себе божественный отпечаток, проявление высшего разума... Песчинка в громадной пустыне, атом в неизмеримом теле, – вот что человек материальный перед Вселенной и человек духовный перед Богом»³. Мне уже приходилось в связи с этим писать о том, что этот постоянный, глубоко интимный интерес к идеальному способствовал формированию его как историка-неокантианца⁴.

Отношение к Богу у Ивана Александровича более рационализировано и менее эмоционально окрашено. Позволю сказать себе даже – профессорски схоластично. В письмах к жене (где лично-семейное переплетается с научно-мировоззренческим) молодой ученый употребляет следующий оборот: «имею возражения Евангелию». Евангельские тексты рассматриваются им не как хранилища вечных истин, которые никогда «не портятся», а как реальности идеального порядка (только в таких реальностях, – отмечает он, – может осуществляться абсолютная гармония

¹ И. А. Лаппо-Данилевского – О. А. Лаппо-Данилевской. 1924 г. // ОРНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

² Альбом с записями А. С. Лаппо-Данилевского // ОРНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³ Там же.

⁴ Корзун В. П. Образы исторической науки... С. 40.

и красота). В качестве таковых они противопоставляются эмпирическим реальностям, которые характеризуются некоторым моментом условности или относительности¹. И. А. Лаппо-Данилевский не придает особого значения религиозно обрядовой стороне религии, вера его деперсонифицирована, ему трудно принять «личного Бога» (подчеркнуто здесь и далее И. А. Лаппо-Данилевским. – В. К.), «которого просят, благодарят, или которым восхищаются». Он пишет жене:

«Мой же бог, ты знаешь есть принцип, как я могу просить что-нибудь у этого принципа, или благодарить его? Этот принцип находится за границей моего постижения, я не могу ни с чем сравнить его, я не могу применять к нему моих субъективных оценочных норм, а следовательно, не могу восхищаться им. Единственно на что я способен около этой области, – это твердое фиксированное желание, резкий волевой импульс, который неизбежно исходит из самоутверждения, ибо если я хочу чего-нибудь, то я почти всегда сознаю, что я могу это. (Не утверждаю, что такое сознание всегда соответствует действительности)»².

В этой интенции прочитывается «героический» тип личности, «прометеевский человек», который, как известно, ставит разум главным арбитром в постижении истины, для которого характерен аналитический стиль мышления. «Основу понятийного инструментария „прометеевского человека“ составляют категории истины, пользы и красоты в их прикладном значении»³.

Приведенный выше текст может быть интерпретирован и как подтверждение глубинного стремления автора к самоутверждению в науке, максимальной сближенности жизненного мира и поиска научной истины. В пользу такой трактовки, как представляется, свидетельствуют размышления Ивана Александровича о различиях между религией и суевериями в связи с прочтением книги А. Лемана «История колдовства и суеверия». Суеверие рассматривается И. А. Лаппо-Данилевским не в догматически религиозном плане (как несоответствующее истинной религии), а в историко-научном плане, как гипотеза, не имеющая на момент ее появления необходимого подтверждения. В дальнейшем, по Лаппо-Данилевскому, эта гипотеза должна либо подтверждаться и легитимизироваться, либо

¹ И. А. Лаппо-Данилевского – О. А. Лаппо-Данилевской. 1924 г. // ОРРНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об.

² Там же.

³ Дорогинин Ю. В. Стили мышления в России и на Западе (социально-философский аспект) / автореф. дисс. ...канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 2006. С. 21.

признаваться абсурдом. Ученый не отрицает существования настоящего религиозного чувства. Но позволим себе усомниться в том, что для него, нацеленного на поиск научной истины, оно является основой жизненного мира.

«Настоящее же религиозное суждение, так или иначе затрагивающее „множество всех вещей“, всегда будет находиться по ту сторону истины или абсурда; „суеверность“ суждения указывает на неприменимость в данный момент гносеологических категорий „абсурд – истина“; „религиозность суждения“ предполагает неприменимость вообще, в принципе, этих категорий, ибо религия есть система метафизики + система этики: первая никогда не может быть наукой, так как претендует на слишком широкое (абсолютное) объективное содержание (т. е. касается всех объектов), вторая вовсе не претендует на объективное содержание, так как трактует о том, как должно быть, а не о том, что есть»¹.

Средством гармонизации «жизненного мира» у двух ученых выступала не только наука, но и искусство. Они целенаправленно и логически последовательно работали над формированием такого мира. Подобную рода деятельность по строительству жизненного мира С. Франк сравнивал с работой художника, создающего великие произведения, или верующего, спасающего душу. Общей страстью отца и сына была любовь к музыке, в частности к великому Вагнеру – самому философичному композитору XIX в. И отцу, и сыну в высокой степени была присуща воля к творчеству, или, если воспользоваться определением Марины Цветаевой, «наваждение творчеством». Это наваждение находит выражение в нереализованных до конца грандиозных замыслах А. С. Лаппо-Данилевского. Как указывает И. М. Гревс,

«А[лександр] С[ергеевич] считал возможным выступать в печати по главным темам своей работы лишь тогда, когда собственное сознание говорило: Да! Дело закончено, истина найдена и получила должное (т. е. совершенное, полное) воплощение. Но сознание почти никогда ему этого не говорило, и труды оставались в папках, рукописных листах, испещренных вставками и исправлениями»².

Подтверждение этому мы находим и в письме самого Александра Сергеевича, содержание которого передает его супруга в переписке с А. И. Андреевым:

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1924 г. // ОРНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 32–32 об.

² Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 68.

«Личные чувства не должны мешать делу, которому служишь и которое выше всего частного. Только иной раз так страстно хотелось бы знать, долго ли будешь в состоянии служить этому делу. Если недолго, то надо бы поскорее свои теории обнародовать не для того, чтобы высказать цельную систему, а лишь для того, чтобы по крайней мере несколькими мыслями дать другим толчок, повод, быть может, новую теорию. Если долго, если есть время, то можно еще многое-многое обдумать и все представить в лучшем виде. Итак, успех работы зависит в значительной мере от того, что не знаешь, и элемент случайности вносится в такое дело, которое ничего случайного не должно было бы иметь»¹.

Творческому горению Ивана Александровича, не сопровождавшемуся такими постоянными сомнениями в своих силах, беспокойство об объекте исследования, порабощенность творчеством свойственны были не в меньшей мере.

Великие замыслы стимулируют волю, как сугубо субъективный акт мобилизации на самоотдачу. Этот процесс характерен для психологии творчества независимо от его вида. Перечитывая М. Цветаеву, я наткнулась на «ключевую» фразу: «нужно, непременно нужно, непременно, непременно нужно», такими записями она препровождает в своих тетрадях предстоящее рождение новой вещи. И как отмечает исследователь творчества поэта О. Резина², Цветаева определяет замысел как «явная воля к...». Вполне возможно предположить, что именно такая внутренняя работа по организации воли подпитывалась у наших героев музыкой Вагнера, полагавшего, что музыка дает доступ к воле как вещи в себе (влияние идей Шопенгауэра). Напомню, что, согласно Р. Коллинзу, был период, когда Вагнер и Шопенгауэр входили в одну интеллектуальную сеть. По свидетельству Е. Д. Лаппо-Данилевской, для Ивана Александровича «математика, в которую душа его вплетала и музыку с Вагнером, были... не отвлеченной наукой, а целым миром абстрактной гармонии и красоты, всецело его захватившим»³. С позиций абстрактной гармонии красоты с неизбежной сциентистской окраской он подходил, как мы могли убедиться, и к религии.

¹ Е. Д. Лаппо-Данилевская – А. И. Андрееву. 18 февраля 1940 г. // ОР РНБ. Ф. 934. Оп. 5. Д. 222. Л. 5 об.

² Резина О. Творчество и замысел // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: мат. конференции. Москва; Калуга. 2008. С. 17.

³ Материалы для биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об.

С этих же позиций оценивается им и художественная литература. В отличие от эмоциональных оценок произведений искусства, характерных для отца¹, И. А. Лаппо-Данилевский руководствуется критериями по преимуществу логически рациональными. Критерием оценки философской системы для него выступает логическая завершенность, критерием оценки произведения литературы – художественно-эстетическая автономность. Интересна для нас в этом плане его высокая оценка такого произведения, как «Война и мир» А. Н. Толстого:

«несмотря на то, что за ним стоит совершенно нелепая толстовская философия истории. Секрет в том, что „Война и мир“ совершенно не связана с дурацкой историко-философской точкой зрения органическим отношением формы и содержания. Мне всегда очень досадно за тех, кто тратит время и силы на расшифровывание символов, имеющих за собой некую неоформленную тину, вместо того, чтобы заняться изучением настоящих философских систем...»².

Как представляется, особую роль в складывании жизненного мира двух выдающихся ученых играл этос науки, трансляция которого в семье – исключительно заслуга А. С. Лаппо-Данилевского, в известном смысле соединявшего несколько интеллектуальных сетей в петербургском научном ландшафте – историков, философов, социологов и математиков. Под влиянием отца у Ивана Александровича рано проявился интерес к математике, философии, музыке. Именно отец ввел сына в круг общения со знаковыми фигурами среди математиков, которые выступили первыми экспертами его самостоятельных построений и ориентировали Ивана Александровича на научную работу. С раннего детства, по воспоминаниям матери, их сыновья научились понимать силу, высоту и значение умственного труда.

* * *

Возвращаясь к задачам данного раздела монографии и пытаюсь определить степень устойчивости и возможности трансформации профессорской культуры, сравнить жизненные миры отца и сына Лаппо-Данилевских, мы можем констатировать, что устойчиво традиционным является отношение наших героев к научному творчеству и организующая,

¹ Об этом см.: Русский историк в мире путешествий. Письма А. С. Лаппо-Данилевского Е. Д. Лаппо-Данилевской (подготовка и комментарий В. П. Корзун) // Мир историка. XX век: Монография / под ред. А. Н. Сахарова. М., 2002. С. 390–409.

² И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской. 1925 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

определяющая роль этого творчества в формировании/конструировании/завершении их жизненного мира. Несомненна и общность их культурных пристрастий и культурных привычек (Вагнер как знаковая фигура и своего рода культурный пароль для всей семьи). Устойчивыми являются не только научные и культурные идеалы, но и свойственные профессорской культуре ритуалы (защиты диссертаций как способ вхождения в научное сообщество, борьба за научное признание и т. д.), хотя определенная трансформация наблюдается и здесь – вхождение в науку Ивана Александровича обставляется ритуалами новой эпохи – рекомендация академической группы при поступлении в аспирантуру, обязательная сдача экзамена по «марксистскому минимуму». Происходит сужение поля научных коммуникаций – ограничиваются возможности заграничных командировок.

Существенно трансформируемым оказывается уровень житейской повседневности. Иван Александрович на протяжении 1920 – начала 1930-х гг. в буквальном смысле ведет борьбу за выживание, его материальный уровень существенно отличался от уровня его отца. Эта острейшая проблема выживания сглаживается лишь в гиссенский период его жизни, ставший для него безусловно важным в плане научных достижений и признания в мировом научном сообществе. Важен он и для современного исследователя в плане характеристики уже сформировавшегося отношения И. А. Лаппо-Данилевского к жизни.

Нельзя не заметить, Иван Александрович не столь принципиально рефлексивен, как его знаменитый отец, не столь последователен в стремлении к рефлексивному присвоению / закреплению окружающего вне-научного мира. Отношение к реалиям обыденной жизни у Ивана Александровича мужественно-иронично, добродушно-отстраненно, он внутренне готов к компромиссам без мучительных раздумий и бесплодных угрызений совести. Эта готовность проявляется как на семейном поле, так и вне его, объясняется личностными предпочтениями, катастрофически опасным состоянием здоровья, непреодолимостью жестких пост-революционных регулирующих рамок – «плетью обуха не перешибешь».

§ 3.2. Гиссен – «невыносимая легкость бытия»

Сложившееся у Ивана Александровича ироничноеприятие мира прихватывается им с собой в недолгую и трагически закончившуюся командировку в Гиссен. Этот настрой не покидает молодого ученого-путешественника

в пути к месту назначения. Его письма повествуют об ироничном присвоении / отстранении окружающей действительности –

«целый день до 6 час. вечера ехали по Латвии и Литве. Курьезные это страны. Поражает необычная опереточная пестрота форм военных, таможенников, железнодорожников и проч. Очевидно, внешняя импозантность форм обратно пропорциональна значимости государства... Всю ночь неслись по Германии и наконец в 6 час. 45 мин. утра начались берлинские вокзалы. На Фридрихштрассе два Trager'a, подхватив Ирона и багаж, отправились в Central-Hotel напротив вокзала. Номер в Central'e Ирон упорно называл «дворцом», а утренний *cofe complet* – «чудом»¹.

Ощущение «невыносимой легкости бытия» подпитывается самой устойчивейшей немецкой университетско-профессорской повседневностью, крепнущим ощущением принадлежности к интернациональному, единому «семейному» сообществу ученых-математиков. «Вот уже приходит к концу-второй день нашего пребывания в Giessen'e. Устроились мы великолепно. У нас есть пианино, которым можно пользоваться. На книжном шкафу великолепная германская каска. У меня такое чувство, что, если долго смотреть на эту каску (в письме к друзьям он припишет: „при этом попивая пиво“². – В.К.), то непременно сделаешься немцем»³, – сообщает Иван Александрович своей матери 4 октября 1930 года. Комфортность, уютность, «семейность» немецкого быта с присущей ему атрибутикой, уважительно-заботливое отношение принимающей стороны («квартиру профессор Shlesinger уже заранее нам приготовил: три очень уютные комнаты с балконом и чрезвычайно любезной хозяйкой... Вчера вечером и сегодня утром был у Shl[esingera]. Он очень мил и внимателен. Послезавтра мне будет подготовлен особый кабинет для занятий в университете (здесь очевидно заниматься дома не принято)... Городок очень симпатичный... Пансион отличный – кормят очень много и очень вкусно – а за обедом – Bier (пиво – с нем. – В.К.)»⁴. Все это воспринимается им как благоприятный фон, необходимое условие главного – успешного занятия наукой. «Вероятно, предстоит очень интересная научная

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – А. М. и М. Э. Нечаевым. 12 октября 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

² Там же.

³ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 4 октября 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

⁴ И. А. Лаппо-Данилевский – А. М. и М. Э. Нечаевым. 12 октября 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

работа»¹, определяет Иван Александрович цель своего пребывания в Гиссене.

К неизбежным темам писем из Гиссена относится, разумеется и здоровье, и поначалу эта тема звучит вовсе не трагически-тревожно – «я совсем здоров» или в худшем случае «я здоров, хотя сердце немного дает себя чувствовать». Повседневная жизнь Ивана Александровича в гиссенский период включает, таким образом, три традиционные для него составляющие – быт, работу и здоровье.

Наименьшие сложности вызывает у Лаппо-Данилевского немецкий вариант «подробной жизни», устоявшийся быт: когда «все на своем месте... способствует спокойному настроению и регулярной, „в меру“ напряженной работе».²

Наконец-то в его описаниях «подробной жизни» мы встречаемся с праздником. «Здесь к Рождеству принято делать подарки, так что Schlesinger посоветовал нам сделать подарки лечившим меня и Ирона докторам. Вследствие этого самому Sch[lesinger'u] и его жене Оля делает очень красивые Handarbeit'ы³, которые и будут отправлять им 24-го к 5 ч[асам] дня. (Надо обязательно так)»⁴. Он приятно удивлен проявлением немецкой праздничной культуры:

«Сегодня нас очень тронули наши хозяева, – пишет он матери. В 5 часов дня раздается стук в дверь, появляется хозяин с сыном и вносит разукрашенную елку со свечами. Под елкой раскладываются подарки: Оле – коробка конфет, мне – коробка папирос, Ирону – коробка с разноцветным пластилином. Оля также положила в квартире хозяев под елку Handarbeit... для хозяйки, вот Herr Direktor⁵ с сыном остались без подарков от нас, вышло неловко. От Schlesinger'a мы также получили большой пакет с разными праздничными сладостями и в свою очередь отправили наши дары. Как все это комично у немцев»⁶.

И наконец, Новый год, встреченный на чужбине не приводит к нервному срыву (о праздничных новогодних буднях в семье я упоминала во второй

¹ Там же.

² Там же.

³ Handarbeit (нем.) – рукоделие.

⁴ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 12 октября 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

⁵ Herr Direktor (нем.) – директор.

⁶ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 24 декабря 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–39 об.

главе). Иван Александрович пишет, что они так же, «как подобает честным немцам, были в кино на фильме про Шерлока Холмса. Новый год встречали дома»¹.

Такое восприятие не исключало, а скорее предполагало элементы иронии по отношению к немецким культурно-бытовым традициям, включая и академические, университетские ритуалы. Иван Александрович пишет своим друзьям Нечаевым:

«Все известные нам лица делятся в Германии на четыре категории: Herr Professor, Herr Doctor, Herr Direktor, Herr Assessor. Например, муж нашей хозяйки Emil Goetz называется “Herr Direktor”, хотя по-нашему он просто строительный подрядчик, притом прогоревший»².

Следование немецким корпоративным традициям для него мало обременительно, хотя и не вызывает восторга:

«Изредка нужно отдать дань местным обычаям: в компании профессоров посидеть пару часов в кафе “Amend”, затратив на это удовольствие одну марку. Что они в этом находят хорошего – не понимаю. Накурено, скверная музыка и кампоранты в цветных фуражках. Здесьние ассистенты тоже сидят в Café и поправляют студенческие тетради, но к профессорскому столику не допускаются»³.

Таким образом, Иван Александрович критически воспринимает ритуалы немецкого научного сообщества. Разумеется, право на вхождение в него он получил благодаря содержательной ценности своих научных трудов, но его готовность к ироническому принятию бюргерско-профессорской ритуальности облегчала процесс сближения и совместной научной деятельности.

Письма свидетельствуют о многоаспектности такого взаимодействия. Прежде всего это неоспоримые свидетельства признания со стороны научного сообщества, предложения и планы совместной научной работы – деятельностные ориентиры последних месяцев жизни Ивана Александровича. Здесь в Гиссене он получает известия о присуждении ему премии у себя на родине Главнаукой, академик А. Н. Крылов сообщает ему о наличии вакансии члена-корреспондента в Академии наук СССР по секции математики и в письме выражает надежду, что Иван Александрович

¹ Там же. Л. 39 об.

² И. А. Лаппо-Данилевский – А. М. и М. Э. Нечаевым. 12 ноября 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 об.

³ Там же. Л. 4.

«займет это место после возвращения из за границы»¹. И 30 января он единогласно (22 «за», «против» нет) избирается на эту должность. С положительными отзывами-рекомендациями выступили академики И. М. Виноградов, А. Н. Крылов, Н. Н. Лузин². Слегка иронизируя по поводу своего нового «чина» и реакции на это событие немецких коллег, он несомненно понимает значимость происшедшего: «Очень ты меня обрадовала сегодня известием об избрании меня в члены-кор[респонденты] Ак[адемии] наук. Это, разумеется, весьма важный для меня этап»³, – пишет Иван Александрович матери.

В списке на сотрудничество и такие известные персоналии, как Schlesinger и Hadamard. «Schlesinger очень заинтересован моим новым мемуаром, который я написал в Кисловодске, и требует его для печати в "Mathematische Zeitschrift"⁴, – сообщает Иван Александрович в одном из первых своих октябрьских писем из Гиссена. В октябре же он получает приглашение на съезд немецких математиков в Йене, в декабре выступает с большим докладом «на немецком диалекте frei sprechen» в Гиссене (причем отмечает, «мой Vortrag прошел очень хорошо»). 24 декабря он сообщает: «Я получил очень любезное письмо от Адамара». Иван Александрович не без гордости пишет матери, что это «факт весьма замечательный, так как обычно Hadamard даже на вопросы не удосуживается отвечать. Он приглашает меня в Париж»⁵.

Как видим, по инициативе Адамара И. А. Лаппо-Данилевский включается в уже сложившееся поле контактов между маститым французским математиком и молодыми русскими учеными, приобщается к определенному космополитическому кругу – своеобразному неформальному колледжу тех, кто не был в полном смысле учениками Адамара, но сумел многое почерпнуть от него. В этот круг входили такие значимые фигуры, как Н. Н. Лузин, Д. Е. Меньшов. Н. Н. Лузин, будучи еще 22-летним студентом, в 1905–1906 г. полгода провел в Париже, где посещал лекции Адамара, а позже, в 1923 г., – семинар Адамара в *College de*

¹ А. Н. Крылов – И. А. Лаппо-Данилевскому. Декабрь 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 759. Оп. 2. Д. 141. Л. 3.

² Подписные протоколы Отделения математико-естественных наук за 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1931. Д. 258. Л. 4 об.

³ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 6 февраля 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁴ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 6 октября 1930 г. // Там же. Л. 31.

⁵ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 24 декабря 1930 г. // Там же. Л. 38 об.

France. Д. Е. Меньшов, как стипендиат Рокфеллеровского фонда, регулярно бывал на известном семинаре Адамара в 1927 г. Русские участники семинара вспоминали, что там «ставились и обсуждались доклады по самым разнообразным вопросам математики и ее приложения» и выделяют «огромную организующую силу Hadamard'a, сильно демократизировавшего науку»¹.

Французская математическая школа была открыта для коммуникации. Это была площадка чрезвычайно привлекательная для контактов, «место встречи, которое изменить нельзя», для многих математиков из разных стран мира. Эти семинары в разные годы посещали Зигмунд Янишевский, Джерзи Нейман, Рафаил Салем, Нина Барии, Мари-Луиза Дюбрей-Жакотэн, Эйзенс Лейманис². Сам Адамар к числу любимых своих занятий относил работу с молодыми исследователями: «ничто не может более драгоценным для ученого, чем сознание того, что кому-то удалось обогнать его на том самом пути, который он некогда начинал прокладывать»³. В круг знакомства и признания со стороны Адамара входили не только те, кто у него учился, но и те, кто вызывал у него научный интерес. Речь идет о его встречах во время визитов в СССР с маститыми советскими учеными и с восходящими звездами. Среди них мы можем назвать И. Г. Петровского, С. Г. Михлина, А. Н. Крылова, Л. В. Канторовича, С. Л. Соболева, В. И. Смирнова, А. Н. Колмогорова, П. С. Александрова, Ю. В. Линника и др. Со многими учеными он состоял в переписке, был связан с ними редакторской работой по публикации трудов в «Comptes Rendus» и т. д. В этот круг и вовлекается Иван Александрович. Адамар приглашает его в Париж и пишет: «был бы особенно рад, если бы во время Вашего визита к нам, Вы пожелали коротко представить нам в College de France Ваши работы по задачам Римана и Пуанкаре»⁴. У Адамара, что называется, был нюх на талантливых ученых, умение обнаружить талант⁵.

¹ Цит. по: Мазья В. Г., Шапошникова Т. О. Жак Адамар – легенда математики... С. 194, 195.

² Там же. С. 194.

³ Цит. по: там же. С. 194.

⁴ Цит. по: И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 24 декабря 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

⁵ Существует своего рода научная легенда о том, как сам Адамар на приеме в Президиуме Академии наук СССР в 1945 г. ответил на вопрос, как он отличает хорошие работы от плохих. По легенде, он привел восточную притчу: «Жил некогда один султан, который в плохом настроении послал своего внука за новой наложницей. У красавицы, которую выбрал внук, были глаза газели, но на утро султан

Адамар и И. А. Лаппо-Данилевский в переписке обсуждают не только возможные доклады в Коллеж де Франс, но и планируют организацию лекций в Сорбонне.

В гиссенский период предлагаются и принимаются планы долгосрочного и масштабного сотрудничества с немецкими коллегами. Со Шлезингером они задумывают написать большое справочное издание по дифференциальным уравнениям, где бы полностью в «каноническом и объединенном виде» были бы представлены и изложены соответствующие теории¹, готовятся мемуары в *Crelle's Journal*, намечаются циклы лекций для студентов в университете Гиссена. В эти проекты профессионального сотрудничества Иван Александрович входит со знанием своей научной, профессиональной значимости, с не покидающей его доброжелательной иронией:

«Сегодня приковылял ко мне Sch[lesinger], это стоило ему больших трудов. Он нашел новое решение задачи Riemanna'a и приходил ко мне рассказать. Решение, по-моему, хуже моего (чисто иллюзорная эксплицидность), но старик был так доволен, что мне не хотелось его огорчать и разочаровывать»².

Научная деятельность этого короткого периода впечатляет и результатами, и интенсивностью. Январское письмо матери передает ритм этой напряженной работы:

«С количеством моей работы действительно катастрофично. Вот мой календарь. Январь – сдача первого мемуара в *Crelle's*. Февраль – второй доклад в университете. Март – доклады в Париже. Апрель – сдача второго мемуара в *Crelle's*. Май – июль – лекции

выразил недовольство. „Приведи мне другую“, – потребовал он. Евнух постарался и выбрал гурию, которая казалась ему совершенством. Но султан и на этот раз оказался недоволен и приказал: „Попробуй еще раз, и если мне опять не понравится, ты лишишься головы“. Несчастный евнух в отчаянии покинул дворец. „Почему ты плачешь?“ – спросил его оборванный нищий, сидевший у дороги. Когда евнух объяснил ему причину своей скорби, нищий сказал: „Не волнуйся“ – и привел ему девушку, которая не произвела на евнуха особого впечатления. Все же он отвел ее во дворец, и на этот раз султан остался чрезвычайно доволен. „Почему ты был так уверен, что она хорошо?“ – позднее спросил евнух у нищего. «Вряд ли ты это поймешь! Ведь ты же евнух!» – последовал ответ». См.: Мазья В. Г., Шапошникова Т. О. Жак Адамар – легенда математики... С. 248.

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 4 декабря 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 37–37 об.

² И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 23 октября 1930 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

в университете здесь. С августа писание Handbuch'a со Schlesinger'ом. Что тут можно поделывать! Как-нибудь выберусь!»¹.

Болезнь при этом воспринимается как сопутствующий фактор научного подъема – «сердце весьма прилично, но проклятая бессонница не проходит ... я в несколько возбужденном состоянии, так как третьего дня мне пришли в „башку“ великие мысли, что весьма кстати для мемуара и для Vortraga... великие мысли, о которых я писал кажется прошлый раз, приняли вполне определенную форму, и я получил новые, вполне хорошие результаты...» (из писем к матери от 21-го и 29-го ноября 1930 г.). В ноябре, таким образом, происходит временная стабилизация состояния его здоровья, кратковременное обострение вновь отступает. – «...на этот раз, моя болезнь окончилась скоро и благополучно», – пишет он матери 29 января 1931 г. И далее, как бы уговаривая самого себя:

«Для физически здорового человека мои планы... не выходят из пределов естественной интенсивности научной работы»².

Серьезное и очень опасное обострение наступает в феврале – в период интенсивной работы, «спешки перед Парижем»:

«У нас опять скучная атмосфера. Несколько дней тому назад у меня появилась кровь... Доктор считает возможным привести сердце в состояние полной компенсации, но при соблюдении надлежащего режима. Сие создает два конфликта: 1) курительный, 2) парижский»³.

Иван Александрович воспринимает происшедшее как временную досадную помеху – «писать без папирос очень трудно, а время такое горячее!». Он составляет новый график своей парижской поездки и согласовывает его с Адамаром, от которого получает очень любезное письмо. Поездка в Париж переносится на апрель, в его жизненные планы входит чтение лекций в университете в Гиссене, доклад в университете в Йене, а в августе он намеревается поехать на курорт в Наугейм, «так как новый доктор считает сие нужным». Письма от 26 февраля и 1 марта свидетельствуют о том, что он держится весьма стойко, не оставляет научной работы: «Я лежу полеживаю, мемуар пописываю... У меня уже почти

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 6 января 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 40 об.

² И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 29 января 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

³ Там же. Л. 43 об.

закончена целая новая теория»¹. В начале марта – некоторое улучшение: «...обострение прошло благополучно», – сообщает он в своем последнем письме матери от 1 марта 1931 г.² 5 марта наступает резкое ухудшение здоровья. 15 марта 1931 г. Иван Александрович скончался. По свидетельству жены, за 10 минут до конца он произнес свои последние слова: «Я так устал, так устал, что больше не могу»³. Интеллектуальная напряженность до последних минут жизни... И в этой страсти он так похож на отца. И. М. Гревс, часто посещавший Александра Сергеевича в последние дни его жизни, вспоминает:

«До потери сознания он не переставал мыслить. Он дочитывал для цели переработки своей методологии истории один из труднейших философских трактатов Гегеля и много говорил со мною... о вопросах, которые волновали его»⁴.

Об этом же написал и П. Сорокин в своем «Автобиографическом романе»:

«... лежа на больничной койке, этот умирающий человек читал „Феноменологию духа“ Гегеля. „Никогда не было времени внимательно протудировать ее, – прошептал он. – Начну сейчас“. На следующий день он скончался»⁵.

* * *

Жизненные миры отца и сына Лаппо-Данилевских сходны, но не тождественны.

То, что при несомненном базовом, основополагающем сходстве жизненных ориентиров, отец и сын Лаппо-Данилевские представляли различные варианты бытования профессорской культуры, особенно проявилось на мировоззренческом уровне.

Научное творчество сына в отличие от отца не было связано с религиозной мотивацией. Объясняется это, на наш взгляд, не только внешним давлением большой советской социальности, но и внутринаучными факторами, продолжающимися процессами автономизации науки, возрастающей «верой» в моральную добродетель рациональности, которую

¹ И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 22 февраля 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

² И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской. 1 марта 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

³ Материалы для биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского // Там же. Л. 45.

⁴ Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 79.

⁵ Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 145.

Р. Мертон считал существенной характеристикой этоса науки. Эти процессы преломлялись, разумеется, через личность ученого, его индивидуальность. (Отметим, что для ряда известных деятелей науки, современников Ивана Александровича, была свойственна глубокая внутренняя религиозность.)

Этос науки, как известно, склонен к экспансии, часть экспансионистского потенциала в данном случае безусловно представляют ученые – «рыцари науки», отличающиеся бескорыстным отношением к ней, готовностью к интеллектуальной самоотдаче, жестким максимализмом в определении цели науки и ее норм. Для такого типа ученых в периоды социальных потрясений поглощенность научным, стремление к слитности и нераздельности научного и жизненного миров («Отдай себя духу, сожги себя делом...»)¹ объясняется не только принадлежностью к определенному культурному полю и личностными пристрастиями, но и не всегда осознанным стремлением противопоставить социально-хаотичному миру гармонический мир науки.

¹ Жданов Ю. А. Отдай себя духу...(Из поэтических тетрадей). Ростов-на-Дону, 2006. С. 37.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Принадлежность отца и сына Лаппо-Данилевских к ученой корпорации вовсе не означает рутинно-безальтернативного следования социальным нормам и образцам, принятым в профессорской среде. Рассматриваемый нами семейный микросоциум предстает как бы в двух ипостасях. С одной стороны, как типичное, предельно-целостное, доведенное до логического конца явление профессорской культуры, поле повседневно-традиционных практик деятеля науки с присущим ему более или менее устоявшимся набором характеристик. С другой стороны, как феноменально содержательная, уникально интересная попытка выхода за пределы этого поля, обретения новой реальности, не до конца отрефлексированная, очевидно, и самими блистательными и невероятно привлекательными в человеческом плане ее участниками.

Семейный уклад отца и сына Лаппо-Данилевских представлял собой сочетание научных, родственных и общежитейских связей и ценностей. Доминантным было отношение к основной, научной, деятельности главы семьи. Структурируемая этой деятельностью семья выполняла следующие функции: 1) организация научного пространства, включая обустройство рабочего кабинета, поддержку и налаживание коммуникативных связей; 2) непосредственное участие в научной деятельности: подготовительная работа для написания научных трудов; 3) часть первоначального оппонентного круга, в котором проговариваются замыслы и идеи; 4) функции «воспитательно-обучающие», приобщающие к этосу науки детей – представителей подрастающего поколения и раннее введение их в мир «большой науки», в круг общения со знаковыми фигурами российских интеллектуалов. В рамках профессорской семьи происходит быстрое наращивание культурного капитала и освоение его членами семьи – участниками этого двуединого процесса; 5) сохранение памяти об ученых, своего рода творение «мест памяти» (передача в архивы личных бумаг и рукописей, фотографий мужа и сына, составление биографий, создание воспоминаний, поддержка связей с учениками и передача устных семейных преданий), что подпитывало и поддерживало культуру «академического воспоминания».

Степень и формы включения в этот процесс зависят от сложного набора факторов: «Духа Места», «Духа Времени», индивидуально-личностных

особенностей, наконец, «его величества случая». Профессорская культура в семейном преломлении, благодаря Лаппо-Данилевским (этому необычайно, трагически талантливому, в том числе и в плане информации о самом себе, микросоциуму), предстает перед нами в двух вариантах (поколенческих срезах). Первый из них, более классический – мир родителей, Александра Сергеевича и Елены Дмитриевны. Он характеризуется высокой степенью гармонизированности внутрисемейных отношений, сближающей интеллигентностью, практической бесконфликтностью общего (культурного, научного, родительского) поля внутрисемейных интересов. В основании такого варианта семейного бытия (максимальное погружение в интересы друг друга), на наш взгляд, лежит базовое, хотя и несколько противоречивое доверие к миру, характерное для Лаппо-Данилевского-отца на протяжении почти всей его жизни, стремление к «высокому слиянию» с миром в различных его проявлениях – от «космических эмоций», «мира абсолютных ценностей» до попыток гуманизирующего вмешательства в политику.

Несколько иной вариант преломления профессорской культуры являет нам семья сына А. С. Лаппо-Данилевского – Ивана Александровича. И дело не только в социальных трансформациях, хотя они, конечно, имеют немаловажное значение. Младший Лаппо-Данилевский – человек и ученый другого времени, наука для него не только основа собственного жизненного мира, но и способ противостояния миру окружающему (социальному хаосу). Гармоничная сбалансированность, свойственная высоким образцам профессорской культуры, нарушается в данном случае в общемировоззренческом плане – сфера вненаучного (религия, искусство) оценивается ученым с позиций научного *ratio*. При несомненной широте культурного кругозора Иван Александрович, по сравнению с отцом, в гораздо большей степени замкнут на собственном существовании, трансцендентные интенции Лаппо-Данилевского-старшего ему не свойственны. Экспансия профессорской культуры в таком варианте – предельная творческая одержимость, сциентизм, помноженный на Вагнера, формирует вокруг Ивана Александровича сопереживающее и поддерживающее семейное окружение, порождая в то же время значительную напряженность на внутрисемейном поле. Членам семьи Ивана Александровича, предпринимаящим поистине героические и трогательные усилия по созданию условий для его научной работы, приходится «всячески ублажать и нянчиться с ним как с грудным ребенком», жить в обстановке постоянного предчувствия возможности и даже неизбежности трагического исхода этого сверхинтенсивного творческого горения.

Творчество для Александра Сергеевича и Ивана Александровича Лаппо-Данилевских (феноменальный случай совпадения чистой объективности и чистой субъективности) – основа их жизненного мира. Таким образом, конечный вывод «мудрости земной» для отца и сына может быть определен именно этим словом – «творчество». С ним связан их опыт проживания жизни, жизнеприсутствия. Вероятно, в основе творческого процесса есть общие универсальные закономерности, общий интеллектуальный опыт, афористически схваченный Р. М. Рильке: «стихи – не чувства... стихи – это *опыт*...».

В заключении подчеркнем, что семейное коммуникативное поле, естественно, лишь сегмент общенаучного поля коммуникации. Коммуникации на этом поле наиболее лично окрашены, вплетены в житейскую повседневность, в единый поток мысли и жизни, и потому чрезвычайно информативны для историка науки, поскольку позволяют прояснить, уловить особенности циркуляции интеллектуальной культуры, осуществить легализацию роли субъекта в этом процессе. Но речь идет не только об индуктивном «единстве из множества». Общий интеллектуальный опыт выступает как связующее начало локальных, единичных познавательных ситуаций, «развертывание спиралей микроситуаций», их кружение/окружение друг друга во времени и пространстве в конечном счете и создает полифонический оркестр интеллектуальной культуры. В этом смысле трудно не разделить пафос и своего рода программу Р. Коллинза: «Макроуровень общества должен быть понят не как слой, расположенный вертикально над микро – (как если бы он находился в другом месте), но как развертывание спиралей микроситуаций. Микроситуации встроены в макропаттерны, являющимися именно теми способами, которые связывают ситуации друг с другом... Мы можем понимать макроструктуры не реифицируя (не овеществляя) их, как если бы они были сами по себе существующими объектами, но рассматривая макро – как динамику сетей, объединение цепочек локальных столкновений...»¹.

В данной монографии, и я естественно отдаю себе в этом отчет, сделаны лишь первые шаги в реализации столь масштабной программы. Известная метафора «жизнь мастера – неведомый мираж...» приобретает реально зримые черты только в поле интеллектуального взаимодействия.

¹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 67.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО», ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ЕГО МАТЕРЬЮ Е. Д. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОЙ

Публикуемый документ включает в себя «Краткий биографический очерк» об Иване Александровиче Лаппо-Данилевском, написанный Е. Д. Лаппо-Данилевской и сделанную ею же выборку писем сына и его ближайшего окружения.

При подготовке к публикации документа, орфография приведена в соответствии с современными нормами. Сокращения расшифрованы в квадратных скобках. Е. Д. Лаппо-Данилевская многих персонажей переписки обозначает лишь инициалами, что потребовало специального комментария, вынесенного в подстрочник. Некоторые инициалы остались не расшифрованными. Примечания самой Елены Дмитриевны нами вынесены из текста в его конец, примечания И. А. Лаппо-Данилевского помещены в круглые скобки. Подчеркивания принадлежат автору-составителю «Материалов к биографии...», но, скорее всего, когда дело касалось цитирования писем, Елена Дмитриевна следовала оригиналу. В предлагаемой публикации сознательно нарушено пространство авторского текста, путем введения к каждому письму архивной ссылки. Корреспондент и адресат обозначены фамилиями и инициалами, тогда как у автора-составителя, такого единообразия нет, при повторах автора и реципиента Е. Д. Лаппо-Данилевская иногда прибегала к формуле «тоже». Этот наш ход наверняка вызовет критику, так как нарушает профессиональный канон, но нами двигало желание облегчить читателю знакомство с уникальным, многослойным источником – с одной стороны, это текст-источник, созданный Е. Д. Лаппо-Данилевской, с другой – это множество текстов участников коммуникативного процесса в рамках уникальной профессорской семьи, и нам хотелось, чтобы это многоголосье было услышано.

Краткий биографический очерк

*Не так ли метеор в ночи
Срываясь, упадает
И на лету своим лучи
Последние роняет*

Н. А. Некрасов

*В страну лучей обетованную
Вошла душа, иного ждавшая,
В огнях земли звезду желанную,
Звезду бессмертную искавшая*

Иван Александрович Лаппо-Данилевский родился в Петербурге 16 октября (старого стиля) 1896 года. Он рос в нежной дружбе со своим младшим братом Александром, обещавшим быть выдающимся художником, но погибшим 22 лет от сыпного тифа в 1920 г.¹ Детство и юность обоих братьев прошли под большим умственным и нравственным влиянием их отца, известного историка – академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, скончавшегося в 1919 г.

Это был замечательный человек, у которого, по словам его биографа, сложная и богатая природа одухотворилась первоклассным дарованием: «основная связующая черта А[лександра] С[ергеевича]. – неизменная принципиальность: всегда за идею и по идее, интеллектуально – в познании истины, этически – в осуществлении добра. Страданием за отыскание правды и проведением ее была действительно вся его жизнь. Непрерывная работа его и самый отдых были полны неослабевающей думы и строящей силы. Замечательное восхищающее чудо духовности, победы духа»¹.

В те немногие свободные минуты, которые А[лександр] С[ергеевич] мог посвятить своим детям, он отдавал им изумительно много двигающего вперед ум и душу. Никто, как он, не умел рассказывать им «Сказку Гомера», заинтересовать еще очень маленьких мальчиков изображениями великих памятников искусства по большой коллекции художественных фотографий, познакомить их своей вдохновенной игрой на рояле с доступными им произведениями музыкальных композиторов. Еще в 8–9 лет Иван Ал[ександрович] не мог заснуть от волнения, когда отец играл Вагнера и при помощи своего абсолютного слуха, старался потом подобрать запавшие в душу сложные мелодии. Прогулки с отцом открывали мальчикам

¹ Гревс И. М. А. С. Лаппо-Данилевский. (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920.

глаза на красоту природы, путешествия с ним оставили неизгладимые впечатления на всю жизнь.

С раннего детства братья научились понимать силу, высоту и значение умственного труда и собственная, сначала детская любознательность, а затем и постоянный научный интерес пробудились у Ивана Александровича очень рано.

Первоначальный интерес к математике был, несомненно, заложен в нем также отцом, который считал математику самой совершенной наукой и систематически ею занимался в интересах всестороннего обоснования своих философских идей.

Еще до поступления сына в гимназию Александр Сергеевич занимался с ним геометрией полчаса каждое утро, и мальчик очень гордился этими занятиями.

Одиннадцати лет Иван Александрович поступил во второй класс частной гимназии им. Л. Д. Лентовской¹. Это был период расцвета таких частных школ, с правами правительственных гимназий, руководимых в большинстве случаев группами настоящих педагогов... И о гимназии Лентовской Иван Ал[ександрович] говорил всегда с чувством глубокой благодарности, сохранил о ней самые светлые воспоминания. Всегда вдумчивые и внимательные к индивидуальности учащихся педагоги школы Лентовской скоро убедились в незаурядности природы этого мальчика и давали ему полную возможность развиваться свободно, вне общих рамок школьной жизни.

Таким образом, уже в стенах средней школы стремительно стало расцветать математическое дарование Ивана Алексеича, и к концу гимназии им уже пройден был полностью университетский курс математики математического факультета.

В то же время под влиянием отца он стал увлекаться чтением книг по философии, положившим начало его широкому философскому образованию. В 16 лет он, как взрослый, мог рассуждать на труднейшие философские темы.

Пятнадцати лет Иван Александрович заболел стрептококковой ангиной, осложнившейся сердечным заболеванием. Несколько месяцев, проведенных в хорошем климате, при строгом режиме, значительно восстановили

¹ Школа образовалась спустя несколько лет после революции 1905 г. из числа преподавателей, изгнанных из казенных гимназий за революционную деятельность. Гимназия была основана на деньги Л. Д. Лентовской – известного театрального интeпренера. (См.: Лихачев Д. С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 21.)

его силы, но вполне здоровым он с тех пор никогда уже не был: образовавшийся порок сердца был неизлечим.

В год окончания гимназии Ив[ан] Ал[ександрович] был уже всецело поглощен своими собственными математическими исследованиями, но тут ему были суждены тяжелые переживания, оставившие такие глубокие последствия на всей его жизни ближайших лет.

Одну из своих первых работ, которой он придавал особенное значение, Иван Александрович показывал академику С.¹ и профессору Ф.² Оба они, хотя несколько недоверчиво отнеслись к юному математику и его «фантастическим теориям», однако уже тогда очень заинтересовались его оригинальностью и горячо поощряли его к дальнейшей работе. Но случилось так, что ни тот, ни другой не обратили внимание на «нестрогость» в одном доказательстве, которую Ив[ан] Ал[ександрович] вдруг заметил и которая, как ему казалось, разрушала все построение. Это открытие подействовало на него ошеломляющим образом, он долго не мог ему поверить, долго искал выходы, жил между отчаянием и надеждой, пока не настал день, когда, убедившись в том, что выхода нет, он все бросил.

Эта его юношеская душевная драма совпала с моментом окончания им гимназии. Не чувствуя в себе совершенно сил для дальнейшей математической работы, он, страстно любя музыку, думал держать экзамен в консерваторию по классу композиции, но все таки, в конце концов, как то механически и инстинктивно, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета³.

Этот шаг не помог ему тогда. Новая университетская жизнь, обычно такая долгожданная и много обещающая, не увлекла Ив[ана] Ал[ександровича]. Подорванный болезнью и душевными переживаниями, организм его не выдержал, и началось длительное нервное заболевание, при котором всякая умственная работа была ему запрещена. Да и сам он не рвался к ней тогда, как впоследствии в таких случаях, когда напрасны бывали все угрозы докторов.

Середины Иван Александрович никогда ни в чем не знал. Он давал или слишком много или ничего не давал и, пока не прошла эта полоса его

¹ Скорее всего, речь идет о **Владимире Андреевиче Стеклове** (1863–1926), крупном математике, акад. Петерб. АН (1910). По инициативе Стеклова при АН организован физ.-мат. ин-т (1921), директором которого он был до конца жизни. (См.: Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М.: Наука, 1999. С. 93).

² Вероятно, это был Григорий Михайлович Фихтенгольц.

³ В 1914 г. И. А. Лаппо-Данилевский стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета.

жизни, когда он чувствовал, что по разным причинам широкий размах, единственно ему свойственный в области математики, для него невозможен, он совершенно отошел от нее.

Только постепенно, при постоянной, по его собственному выражению, «подсознательной» математической работе, происходившей с ним помимо его воли, а затем, по мере восстановления физических сил, снова все более и более увлекаясь этой работой, Ив[ан] Ал[ександрович] к весне 1922 г. оставил службу, которой занимался в ряде советских учреждений, чтобы получив университетский диплом, вполне отдаться научно-исследовательской математической работе.

И с этого времени началась та головокружительная, никогда не прекращающаяся работа его, то неудержимое стремление вперед, которое, несмотря на чрезвычайно трудное в начале материальное положение и слабые физические силы, подняло Ив[ана] Ал[ександровича] на такую высоту, сделало в несколько лет его имя известным.

Борьба за существование в эти годы расцвета его математического творчества брала у Ивана Александровича трагически много сил и времени, несмотря на то, что потребности его и его семьи были сокращены до минимума. Так, например, с 1922 г. Иван Александрович, будучи избранным председателем правления дома, в котором он жил, вел в течение трех лет, за более чем скромное вознаграждение, все запутанные дела этого большого дома, предпочитая заработок такого рода службе, отнимающей слишком много времени от научных занятий. Но расчет этот оказался ошибочным и Ив[ан] Ал[ександрович] был очень счастлив, получив возможность освободиться от этого дела.

Трудность совмещения научной работы с борьбой за существование очень ярко отразилось в его письмах того времени, но бодрости духа он никогда не терял, считая такое положение временным и твердо веря в то, что сила его творчества преодолет все эти внешние препятствия к будущей свободной математической работе.

В 1924 г. Ив[ан] Ал[ександрович] был восстановлен в качестве студента математического отделения физико-математического факультета Ленинградского университета и в следующем 1925 г. уже окончил его, так как готовиться ему пришлось только по тем дисциплинам, которыми он не занимался ранее (физика, механика и некоторые другие). С осени 1925 г., по представлению академика С[мирнова] и профессора Ф[ихтенгольца], он был оставлен при университете по кафедре математики, что поставило его в более соответствующие научной работе внешние условия жизни.

С этого же 1925 г. началась его педагогическая деятельность лекциями в Ленинградском морском техникуме.

Улучшение материального положения, благодаря аспирантуре и лекциям в техникуме, создало Ив[ану] Ал[ександровичу] более уравновешенное настроение и сравнительную возможность «спокойной регулярной работы», о которой он всегда так мечтал. Но в действительности на спокойную регулярную работу он был совершенно не способен: работа захватывала его вихрем и мысль его не отпускала даже во сне.

Сохранившиеся письма Ивана Александровича дают очень ценный, живой материал, касающийся этой изумительной работы. Они рисуют приемы ее, открывают вдаль неожиданные перспективы, обнаруживают сопровождающий этот трепетный труд эмоции: озарения, колебания, торжество новой, упорной проверки.

Иначе работать в этой области Ив[ан] Ал[ександрович] и не мог, потому что математика, в которую душа его вплетала и музыку с Вагнером, была для него не отвлеченной наукой, а целым миром «абсолютной гармонии и красоты», всецело его захватившим.

Главным результатом такой работы в течение первых трех лет под ближайшим руководством профессора В. И. Смирнова, была его известная диссертация, защитой которой в апреле 1929 г. он закончил свой аспирантский стаж.

В следующем 1929/1930 г. Ив[ан] Ал[ександрович] очень расширил свою педагогическую деятельность, состоя ассистентом и профессором по кафедре математики в ряде Институтов, читая курс лекций по своей теории в университете и обаянием всей своей личности вызывая к себе совершенно исключительное отношение со стороны своих слушателей.

Но физические силы его все слабели. Больное сердце не поспевало за переливающимся через край творчеством его гения, над которым он сам был не властен.

Осенью 1930 г., совершенно больной, каким-то чудом нервного подъема, уехал он в заграничную командировку в Gissen, по предложению и на стипендию американского Рокфеллеровского Института и там, забыв о грозящей опасности, связанной для него с напряженными занятиями в новом расцвете своей математической работы, пережил еще глубокое удовлетворение от широкого признания своих научных достижений (единогласное избрание в члены корреспонденты Академии Наук СССР, приглашение в Париж и другие европейские города для чтения курсов лекций по своей теории, предложение печатания в первоклассных математических

изданиях своих работ и т. д.), с бесконечными планами на будущее, счастливый и жизнерадостный, никогда не веривший в возможность для себя смерти, погиб 34[х] лет 15 марта 1931 г. в Гиссене.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–9 об.

Из писем 1922–1931 г[г].

Заснул с мыслью о том, что не страшна никакая жизненная ерунда, пока есть на свете прекрасные звуки и прекрасные алгоритмы.

(Из письма 1926 г.)

Никакую красоту мира эмпирического, конечно, нельзя сравнить с красотой мира математического.

(Из письма 1924 г.)

Повесть о том, как он сгорел^{II}

1922 [г.]

И. А. Лаппо-Данилевский – О. В. Терениной

Работаю над вопросом «Теория приводимых классов функций». Я очень счастлив, что Оля относится к моей научной работе, как к осуществлению жизненной цели и, довольствуясь скромной материальной обстановкой, категорически протестует против всяческих отвлечений в сторону «выколачивания денег». Вполне уверен в том, что на этих основаниях мы сумеем создать простую и счастливую жизнь.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

1923 [г.]

И. А. Лаппо-Данилевский – О. В. Терениной

Жизнь наша течет по-прежнему. Я занят своими математическими работами. Мы с Олечкой стараемся не пропускать интересных концертов, хотя таких в этом сезоне не особенно много (культивируются, главным

образом, композиторы вроде Стравинского, Ипполитова – Иванова, а Вагнер и Скрябин, которые нам гораздо понятнее исполняются сравнительно редко). По понедельникам бываем на теософических беседах и чтениях у О. М. Я лично очень мало склонен к мистицизму; но тем не менее, мне очень интересно ознакомиться с теософией, как с весьма своеобразной философской (преимущественно даже метафизической) концепцией.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 2. Оп. 1. Л. 11 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

Сейчас я занят своей работой «Опыт структурной теории множества аналитически представленных функций», причем уже почти готовую первую часть, трактующую о сведении операции интегрирования к арифметическим операциям с некоторыми числами, приходится перерабатывать заново, так как установленные мной методы и положения применимы в гораздо более широких пределах, чем я полагал раньше.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 2. Оп. 1. Л. 12.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Пишу тебе под чудные звуки «Тангейзера»¹, которого играет Ваня... Дело в том, что мы не могли устоять перед соблазном и когда оставались деньги, Ваня взял ложу на «Тангейзера». Слушали его вчера с друзьями и на нас он произвел необыкновенное впечатление.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

1924 [г.]

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Ваня это время работает, как безумный, ночь и день – готовит свою работу: введение и первую главу.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

...Ваня сейчас занят: не прерывая своей научной работы сдает Хвольсону² (для окончательных экзаменов в университете) физику по одному

¹ «Тангейзер» – опера Р. Вагнера.

² **Хвольсон Орест Данилович** (1852–1934) – физик, с 1891 г. – профессор петербургского университета, с 1920 г. – почетный член АН СССР. Его пятитомный «Курс физики» несколько раз переиздавался и оставался основным пособием для вузов,

тому в неделю. Кроме того, отрывают его постоянно домовые дела... Я его напрасно уговариваю бросить дом, доказывая, что мы проживем и без этого.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской (Лето) (в поезде из Москвы в Ленинград)

Во сне видел таинственные формулы, составленные из ярко-красных товарных вагонов с какими-то гербами и из финансовых инспекторов, которые по форме должны были носить желтые галстуки.

Проснулся в Мал[ой] Вишере и до Ленинграда читал «Машину времени»¹, где обнаружил несколько интересных мыслей, касательно этого весьма не ясного для меня понятия.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской Ленинград

Засел за Хвольсона т. II. Затем ходил по квартире и обдумывал состав моих работ – «нот» для “Comptes Rendus”². Трудно это ввиду необходимости изложить мои совершенно новые в математике мысли кратко и в тоже время достаточно понятно. В два часа засел за Хвольсона.

В девятом часу забрался на зеленую кушетку и погрузился в созерцание оптической безолаборщины. Работалось надо сказать неважно, в голове такие «зайки, зайки стоят»^{III} что не дай Боже! К 11 часам отупел и расхандрился окончательно. До 11½ извлекал из рояля какие то весьма неопределенные аккорды. На ночь буду читать Витте³.

был переведен на немецкий, французский и испанский языки. Среди его учеников был один из создателей атомной бомбы Ю. Б. Харитон. См.: БСЭ. 1935. Т. 59. С. 477–478; Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. С. 478.

¹ Речь идет о произведении Г. Уэллса (1866–1946) – английского писателя, автора социально-фантастических и бытовых романов, рассказов, а также работ по истории политики, биологии и педагогике. Упомянутое в письме произведение «Машина времени» впервые издано 1896 г., на русский язык переведено в 1966 г.

² “Comptes Rendus” – сокращенное название наиболее популярного во Франции научного журнала “Comptes rendus de Academie des Sciences de Paris”, выходящего еженедельно и публикующего краткие доклады, представленные в Академию наук.

³ Полагаем, что речь идет не о математической работе С. Ю. Витте, а о его воспоминаниях, вышедших в Берлине и переизданных Ленгизом в 1924 г. См.: Витте С. Ю. 1) Воспоминания. Детство. Царствовании Александра II и Александра III.

Встал рано и засел снова за Хвольсона т. II. Туман в голове лондонский... однако, все-таки, прикончил микроскопы, лупы и иные очки. Вечером снова читал Хвольсона т. II «башку»^{IV} о глазах (и на кой мне... все это!) Ох! Но не будем хандрить, а то я не выполню и половины моих многообразных заданий. Давай лучше думать как будет хорошо, когда кончится это тоскливое лето.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–13 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

Сегодня опять почти весь день читал Хвольсона, т. II. Теперь ликвидация его в четверг 12-го обеспечена. Спи хорошо и на сон грядущий слушай как поют лягушки, это вовсе не так безобразно как кажется! Сейчас вернулся из Народного Суда, где пребывал с 11 часов утра. Дело выиграл блестяще^V. Дело Т. и дело К. отняли у меня в общей сложности весь сегодняшний и вчерашний день, сдачу II тома Хвольсона пришлось перенести на четверг 19-го, хотя II том у меня почти готов. Два или три дня в ближайшее время займут неотложные домовые дела: обход всех квартир в связи с установлением новой платы, смета на ремонт, общие собрания и заем в Коммунальном банке, а затем буду опять относительно свободен от домашних пакостей.... С А.[лексеем] А.[лексеевичем]^{VI} беседовал больше часа о геофизических методах исследования¹. Эти методы изящны с той точки зрения, что дают возможность заключать об объекте (полезном ископаемом) на основании весьма незначительных признаков этого объекта, укладываемых в рамки математических интенсивностей.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 14–15.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской²

...Курьезный случай произошел со мной. В ночь со вчера на сегодня мне снится: приходит управдом и говорит: «вот заявление от Боднэка (один из жильцов дома) об уменьшении квартирной платы». Разворачиваю сложенную в четверо бумажку и читаю: «Председателю Жилтоварищества гр. Ю. Ю. Боднэка заявление. Прошу о разрешении дифференцировать Берлин, 1923, Л., 1924; 2) Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. Берлин, 1922, Л., 1924. Т. 2. М., 1923. Т. 3. Л., 1924.

¹ Речь идет об отце жены Ивана Александровича Петровском Алексее Алексеевиче.

² Скорее всего, далее в документе речь идет не об одном письме, а о подборке писем Ивана Александровича к жене. Елена Дмитриевна Лаппо-Данилевская не разделяет этот текст на отдельные письма, не указывает хронологии. Создается впечатление, что перед нами, возможно, страницы дневника Ивана Александровича, но никаких ссылок и упоминаний на сей счет в тексте мы не находим.

под знаком такие то и такие то интегралы. Боднэк». Я нисколько не удивляясь проверил равномерную сходимость этих интегралов и написал красными чернилами: «Дозволяю дифференцировать под знаком И. Л. Д.». Проснувшись утром, я обнаружил, что интегралы Боднэка суть ничто иное, как базы моих характеристических функций операции сложения, умножения и дифференцирования. Эти базы я представлял раньше в виде довольно злокачественных рядов, а теперь у меня есть выражения для них, в виде прекрасных параметрических интегралов. Как раз упомянутые ряды и портили мне вторую «башку» и из-за них я так долго над ней сидел. Вообще должен тебе сказать, что параметрическое интегрирование

$$\infty \infty$$

$$[g(x) = \int_N (x, t, f(t)) dt \text{ или вообще } g(x) = \int_E (x, t) dt]$$

$$a a$$

есть весьма мощная, прямо таки великая функциональная операция, дающая ключ ко множеству чрезвычайно важных вопросов и, если нужно вводить какую-нибудь рационализированную религию, то прежде всего следует поклоняться именно этой функциональной операции.

Сегодня «башка» кристально четкая и ясная. Если бы всегда так было, то я давным-давно уже кончил бы диссертацию. В два счета докушал утром Хвольсона, т. II, так что экзамен буду ликвидировать не 19го, а 17го. Затем очень удачно привел в систему теорию «интегралов Боднэка» (сон), чем почти и прикончил «башку» вторую, захватив даже начало третьей.

Мысли по поводу «Машины времени» следующие: а) с одной стороны, *Wells* дает весьма картинную интерпретацию того обстоятельства, что время есть одна из координат, значение которой, в совокупности с координатами пространства, определяет элемент, (или, геометрически выражаясь, точку) многообразия эмпирической действительности, называемой фактом; б) однако, «движение во времени» есть понятие внутренне-противоречивое, ибо под движением, в самом широком смысле, понимается функциональная зависимость некоторой эмпирической интенсивности Z от времени (t):

$$Z=f(t).$$

Это вполне понятно, когда Z , например, некоторое пространственное протяжение, но, если интенсивность Z , как это у *Wells'a*, есть само время, то получается неизбежно $t = f(t)$ или $t = t$, т. е. «движение во времени» необходимо вырождается в пребывание в данной современности, другими словами, никакого движения во времени, принятого в основу, не существуют.

17го-я вполне прилично ликвидировал т. II (Хвольсон), хотя сильно болела голова. Рассказывал о дифракции, при чем, разумеется, поспешил

свести все дело к теории интегралов Fresnel'я¹, о которой, главным образом, и разглагольствовал около 15 минут.

Дальнейшая программа у меня следующая: 30/VI – гл. IV (Хвольсон) и 7/VII – т. V. Вместе с тем движение ноты для «Comptes Rendus».

Вчера вечером мы с Ниной собрались проехаться за город. У Летнего сада сели на пароходик, который довез нас до Елагина. На Елагине было очень хорошо: великолепная зелень, замечательно уютные пруды внутри острова и прекрасный дворец, в котором в былые годы жила лето Витте и Столыпин. Дворец мне особенно понравился. Его следует охарактеризовать прилагательным, которое находилось бы в таком же логическом отношении к слову “vulgar”, как признак «белый» к признаку «черный». У мостика на Крестовский мы взяли лодку и совершили трехчасовое плавание по взморью во время захода солнца и восхода луны. Я плохой ценитель красот мира эмпирического вообще и природы в частности, но должен сознаться, что нежность тонов голубоватой и фиолетовой окраски моря и неба (такие тона можно видеть только в северных морях) на меня произвела очень хорошее впечатление. А в воздухе летало множество мошек и аэропланов.

Люди искусства и науки, вымучивающие из себя новые формы и не вкладывающие в эти формы никакого нового содержания, за полным отсутствием оригинальных научных или «художественных» мыслей, заслуживают сожаления, если они искренни и презрения, если они шарлатаны. (Тезис о современном состоянии русской культуры).

«Зайки, зайки» пока «не стоят» и вообще после инцидента с «интегралами Боднэка»^{VII} состояние погоды в «башке» в среднем удовлетворительное (4-).

Очень рад, что все наше семейство объединено любовью к железной дороге. Быстрое движение есть несомненно один из тонких наркотиков, не только при участии в этом движении, но даже при созерцании его.

Хандра у меня загнана в подсознание, хотя все-таки дает некоторую муть на поверхности. Пока справляюсь.

По поводу «астрального плана» напрасные беспокойства, так как я физически бессмертен^{VIII}.

По поводу мыслей о мировоззрениях имею возражения Евангелию. Евангельские тексты меня не удовлетворяют, ибо преимущество идеальных ценностей, по сравнению с эмпирическими, заключаются, конечно, не в том, что первые «не портятся», а вторые «портятся», а в том, что абсолютная гармония и красота может осуществляться только в реальностях

¹ Френзель Августин Джон (1788–1827) – изобретатель оптики (См.: www.seadogs.ru/portae/viewtopic.php?t=16580#16449).

идеального порядка, в то время как все эмпирические реальности всегда характеризуются некоторым моментом условности или относительности.

Все последние дни читаю Хвольсона, т. IV и свои наброски последующих глав первой части и первых глав второй части (для ноты). Погода в «башке», как я уже сообщал, удовлетворительная.

С ремонтом^{IX} дело будет очень просто: я отремонтировать буду не хозяйственным способом, а подрядным, т. е. единственно, что нужно будет сделать это: 1) сдать подряд, 2) принять работу по окончании ее. Наблюдать за ремонтом и вести еженедельные расчеты с рабочими не придется.

Сегодня ночью во время сна (очень не спокойного) я воспринял очень странное рассуждение о том, что мне надлежит опасаться некоторого вида интегралов с бесконечными пределами.

Сегодня был на концерте в консерватории. Есть недурные пианисты, но программа скучная. Кроме Глазунова (концерт для двух роялей), фуги Франка и сонаты Шопена (с известными траурным маршем), все вещи тошнвые и нудные (например, громадный концерт Листа), а некоторые даже отвратительные (Прокофьев).

Последние два дня сожрал целиком дом (возня с исполнительным листом на Т., сдача подрядов и т. д.). Я одолел приблизительно $\frac{2}{3}$ IV тома (Хвольсона) и избрал «специальный вопрос» – математическая теория магнитного поля (для экзамена по физике), однако, боюсь, что к понедельнику 30го все же не успею привести все в порядок. Например, завтра с утра нужно ехать к судебному исполнителю (по делу дома). В крайнем случае отложу на четверг 3 июля.

Я чрезвычайно не доволен прошедшей неделей. Меня «туркали» беспощадно, конечно, главным образом дом. Масса возни с подрядчиками. Торги на сдачу подряда по ремонту ничего не дали, так как явились какие-то голодранцы, которые не смогли внести 100 р[ублей] залога. В конце концов я решил сдать подряд «Севзапгострою». Сегодня должен приехать инженер оттуда для заключения договора.

В результате (IV т. Хвольсона) двигается за эту неделю довольно медленно, с «нотами» для “Comptes Rendus” так же плохо, о них я думаю только по ночам в постели. IV т. собираюсь ликвидировать 7-го, а V (он гораздо проще) – 14-го. Это уже твердые цифры, ибо за всю первую половину месяца дом может испортить только один день 11-го июля. «Ноту» до приезда к тебе конечно не закончу.

И рад бы в рай^X, да грехи – четвертый и пятый тома (Хвольсон[а]) не пускают!

Никакую красоту мира эмпирического, конечно, нельзя сравнить с красотой мира математического. Первую красоту я чувствую гораздо менее

остро, чем вторую, все-таки красоту форм (зрительных) острее, чем красоту красок, красоту звуков острее, чем красоту форм.

Новый месяц начался очень хорошо. «Башка» свежая и работа ладится. Заканчиваю IV т. (Хвольсон[a]) и, безусловно, сдам его 7-го. С «нотой» вышел маленький перебой: в связи с «интегралами Боднэка»...был уж очень большой соблазн закончить вторую главу и начать третью, что я и сделал. Этим самым я почти справился с первым мемуаром. Для «нот» (их будет две: применительно к первой части «Общая теория главных характеристических функций» и ко второй «Структурная теория множества алгебраически определимых функций». (Первая часть есть общее учение о методе характеристических отображений. Вторая часть – эффективное («действительное», конструктивное: ведь одна сторона вопроса заключается в том, чтобы доказать существование известной конструкции, а другая – в том, чтобы выполнить эту конструкцию применительно к некоторой области математических объектов) выполнение построения, предусмотренного указанным методом в отношении наиболее существенных в анализе (с точки зрения логической – основных, с точки зрения практической – почти единственных, имеющих техническое применение) функций, определяемых алгебраическими дифференциальными уравнениями). Я придумал особый способ конспективного изложения, с указанием, что подробности и доказательства имеют быть изложенными там-то и там-то. Боюсь только возможных коллизий с основным текстом, который, по всей вероятности, начиная с третьей главы, будет подвергаться неоднократным переработкам. Особенно трудна будет вторая нота, так как основной текст существует далеко не полностью. Отказаться же от второй ноты жалко, ибо она придает много жизни и красочности всей концепции, являя ее действительное применение в основном случае.

Дела идут удачно по всем фронтам. Сегодня закончил т. IV (Хвольсона) и завтра буду его ликвидировать.

Сегодня прекрасно работал, вечером играл Вагнера и хроматическую фантазию Bach'a.

Третьего дня благополучно провел т. IV (Хвольсона). Рассказывал о магнитном поле и конечно остановился преимущественно на математической стороне теории Махwell'a (пункт по программе не обязательный). Говорил на этот раз не быстро, как обыкновенно, а наоборот, очень медленно, с внушительным побрякиванием и откашливанием, был в очень веселом настроении. Со вчерашнего дня засел за V т. (Хвольсона). Но ликвидировать его удастся вероятно не раньше 17-го, так как два дня

назначены к убиению (Разбор в суде домовых дел). Сегодня вечером, вероятно, не смогу удержаться от искушения пойти в «Сад отдыха», послушать «Tristan und Isolde»¹, под управлением Павлова-Арбенина². Днем и утром меня ничто не отвлекает и для расширения «рабочего дня» я упразднил дневной сон, заменив его холодным обтиранием.

Работать буду исключительно над V т. (Хвольсона) и, вероятно, завтра изберу себе «пункт». По ночам последнее время мне снятся различные «эпизоды» из классического анализа, конечно, из теории дифференциальных уравнений. Быть может метод характеристических отображений положит начало дисциплине, трактующей те же вопросы, но с совершенно другой точки зрения: эту дисциплину, мне кажется, следует назвать классическим синтезом, так как именно она реализует синтез теории функций (представленных посредством конечного числа каких-нибудь оперативных знаков) и теории чисел в единой математике исчислимого. Для наглядности нарисую картинку, где синим изображены пути классического анализа, а красным – перспективы теории характеристических отображений (синтеза). Радиусы анализа, исходящие из данных специальных понятий пересекают окружность «вопросов» только в некоторых частных случаях, которые этими путями и разрешаются. Красные пути метода характеристических отображений охватывают, наоборот, оба круга вопросов полностью сводя белый (неизвестный) к синтезу (арифметике). Возможна ли эффективная и конструктивная математика неисчислимого и не является ли исчислимость логической границей эффективной конструкции в математических концепциях?

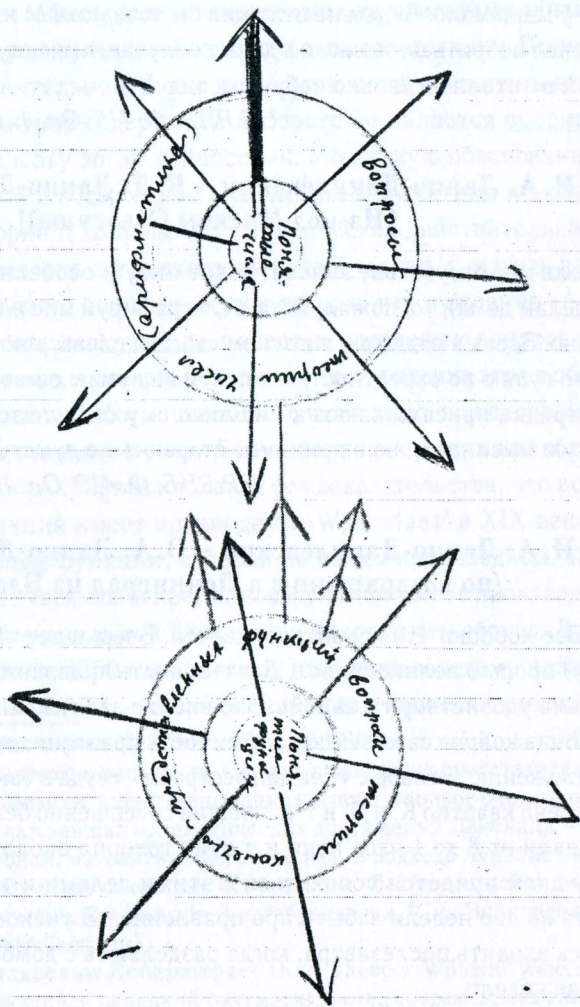
Надеюсь, что нет. Это чрезвычайно трудный вопрос, над которым я все чаще и чаще задумываюсь. Я уверен, что ты чувствуешь все эти отношения, а ведь есть люди, усматривающие жизненность только в убогом мире эмпирической действительности. Неужели ты до сих пор не замечала, что я могу быть и очень умным, и очень глупым, и очень чувствительным, и очень сухим, очень последовательным и точным и очень туманным и «недоговаривающим». Я далеко не всегда владею выбором в этих антитезах. Все эти туманности и «внутренние убеждения», которые тебя так развеселили, конечно, можно бы отлить в законченные формы (или во всяком случае более приличные и менее забавные), но для этого нужно много думать, а я хотя и умею иногда думать вне времени (интуиция), но бывает это очень редко.

¹ Нем. – «Тристан и Изольда». Опера Р. Вагнера, партитура которой была написана в 1858 г.

² Павлов-Арбенин Александр Васильевич (1871–1941) – дирижер. С 1897 г. дирижер оркестров оперных театров Петербурга. Засл. деят. РСФСР 1937 г.

43

Невозможна война германска.

1924г.

23

А как общее правило, «много думать» занимает «много времени», которого у меня мало. Ведь я не отложил бы поездки в Москву из-за того, что не успел побриться, так же и в данном случае, я рискнул выступить перед тобой в интеллектуально небритом виде^{XI}.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 15 об. – 24.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской [Из-под Москвы (Благуша)]

Если мое отсутствие вызовет какое-нибудь особенное неудовольствие (по делам дома), то, пожалуйста, телеграфируй мне и я выеду незамедлительно. Здесь я отдыхаю в полном смысле слова, много ем, много сплю, много гуляю по окрестностям и почти не думаю о математике.

Изредка присаживаюсь к письменному столу, чтобы записать парую другую мыслишек, но в принципе стараюсь не думать о математике.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–24 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской (по возвращению в Ленинград из Благуши)

...Все хорошо, что хорошо кончается. Вчерашнее общее собрание (по дому) прошло великолепно... Деятельность правления... была признана «весьма удовлетворительной». Это вполне заслуженный отзыв, так как я в конце концов свел всю задолженность правления к 21 рублю. Все мои предложения: договор с «Севзапгосстроем», ссуда в банке в сумме 2000 р., перемена квартир К. и Д. и т. д. прошли совершенно без возражения. Зато заседали от 8 до 1 часа ночи и я один говорил около 3 ½ часов. Теперь пару дней придется повозиться с этими делами и тогда можно будет опять на две недели забыть про правление... В ученое настроение собираюсь входить послезавтра, когда разделаюсь с домом приблизительно на две недели...

Вот мои соображения относительно Лемана¹ (его книги «История колдовства и суеверия»). Методологический путь, указанный в предисловии прекрасен: первая часть установление объекта исследования в его историческом развитии, вторая часть – критическое исследование этого объекта. Это вообще две основные точки зрения, возможные при изучении

¹ **Альфред Леман** – немецкий исследователь, директор психофизической лаборатории в Копенгагене, автор работы «Иллюстрированная история волшебства и суеверий» (1893 г.). Переводы этого исследования на русский язык: Леман А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. М., 1900, репринт Киев, 1993. (См.: http://www.domyunik.nm.ru/History/Vavilon_06.html).

человеческой мысли... Понятия: «заблуждение», «ненаучный», «ложный», «ошибочный» должны быть, если не определены, то во всяком случае возвращены, так как в них значительная часть соли исследования. По-моему, суеверием, применительно к некоторой эпохе, следует считать всякое суждение, объективное содержание которого не является обоснованным опознанными в эту эпоху данностями. Указанную обоснованность надлежит понимать в абсолютном смысле для математики и в относительном... для теории о природе (об эмпирической действительности). Таким образом, суеверие есть категория историческая, а отнюдь не гносеологическая, другими словами, если я говорю, что суждение «А есть В» есть в настоящее время суеверие, я вовсе не предreshаю вопроса о том истинно оно или ложно, я утверждаю только, что суждение это не обоснованно (или недостаточно обоснованно) тем, что я знаю, но одновременно и не противоречит тому, что я знаю. В этом отличие суеверия от абсурда. Например, Leibnitz¹ в XVII веке полагал без доказательства, что всякая непрерывная функция имеет производную. Weierstass² в XIX веке дал пример непрерывной функции, которая не имеет производной. Таким образом, суждение «всякая непрерывная функция имеет производную» есть суеверие применительно к XVII веку и вместе с тем абсурд. Другой пример: Fourier³ около 1850 года полагал, применяя заведомо неточный метод доказательства, что всякая монотонная функция разложима

¹ **Готфрид Вильгельм фон Лейбниц** (Gottfried Wilhelm von Leibniz) (1646–1716) – немецкий философ и математик. Один из важнейших представителей новоевропейской метафизики, в центре внимания которой – вопрос о том, что такое субстанция. Среди важнейших математических достижений Лейбница – создание, наряду с Ньютоном, математического анализа. В подходе Лейбница к математическому анализу были некоторые особенности. Лейбниц мыслил высший анализ не кинематически, как Ньютон, а алгебраически. (См.: Википедия (wiki.warpcity.ru/show?text=Лейбниц)).

² **Карл Теодор Вильгельм Вейерштрасс** (Karl Theodor Wilhelm Weierstrass) (1815–1897) – выдающийся немецкий математик, «отец современного анализа». Исследования Вейерштрасса существенно обогатили математический анализ (теории действительных (вещественных) чисел, теорию специальных функций, вариационное исчисление, дифференциальную геометрию (теорию минимальных поверхностей), и линейную алгебру (теория элементарных делителей). Был учителем С. В. Ковалевской. (См.: Википедия (ru.wikipedia.org/wiki/Вейерштрасс)).

³ **Жан Батист Жозеф Фурье** (Jean Baptiste Joseph Fourier) (1768–1830) – французский математик, среди открытий которого формула представления функции с помощью интеграла, играющая важную роль в современной математике. Аналитическая теория тепла Фурье и примененные в ней методы стали основой для создания теории тригонометрических рядов (ряды Фурье) и разработки некоторых других общих проблем математического анализа. (См.: <http://n-t.ru/tp/in/fr.htm>).

в тригонометрический ряд с коэффициентами в виде интегралов. Dirichlet¹ около 1870 г. доказал это положение вполне точно. Следовательно, рассматриваемое суждение – суеверие, применительно к 1850 г. и вместе с тем истина. Отсюда ясно, что всякое суеверие может быть как истинным, так и ложным, подобно тому как жирный gentleman может быть как блондином, так и брюнетом. Более тонкое отличие имеет место между суеверием и религией. Относительно суеверного суждения я не могу отрицать, что придет время, когда его можно будет считать научно – обоснованным, или отбросить как абсурдное. Настоящее же религиозное суждение, так или иначе затрагивающее «множество всех вещей», всегда будет находиться по ту сторону истины или абсурда: «суеверность» суждения указывает на неприменимость в данный момент гносеологических категорий «абсурд – истина»; «религиозность суждения» предполагает неприменимость вообще, в принципе, этих категорий, ибо религия есть система метафизики + система этики: первая никогда не может быть наукой, так как претендует на слишком широкое (абсолютное) объективное содержание (т. е. касается всех объектов), вторая вовсе не претендует на объективное содержание, так как трактует о том, как должно быть, а не о том, что есть. Таким образом, суеверие есть теория, а магия – соответствующая этой теории техника. Г. Леман говорит: «За всяким суеверным представлением находится какое-нибудь наблюдение, которое только неверно объясняется, ...интересно найти те физические и психические явления, которыми были обусловлены эти ошибки...». Автор делает сам грубую ошибку, смешивая понятия суеверия и абсурда. Из предыдущего ясно, что вовсе не всякое «суеверное представление» есть вместе с тем ошибочное, как, например, вышеприведенное суждение о рядах Fourier. В тех же случаях, когда суеверие действительно оказывается абсурдным, конечно весьма интересно проследить психо-физические условия генезиса таких ошибочных преставлений, хотя не менее, если не более интересным является аналогичное исследование относительно прочих «суеверий». Как видишь, книжка Лемана и твои рассуждения мне очень интересны. Я совсем расфилософствовался.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–29 об.

¹ **Петер Густав Лежен Дирихле** (Johann Peter Gustav Lejeune Dirichlet) (1805–1859) – немецкий математик. Основные труды в области теории чисел и математического анализа. В области математического анализа Дирихле впервые точно сформулировал и исследовал понятие условной сходимости ряда, дал строгое доказательство возможности разложения в ряд Фурье функции, имеющей конечное число максимумов и минимумов (интеграл Дирихле). Значительные работы Дирихле посвящены механике и математической физике. (См.: <http://www.college.ru/mathematics/courses/algebra/content/scientist/dirichlet.html>).

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

...Сон в эту ночь был тяжелым¹ и для того, чтобы придать себе устойчивое равновесие, я вынужден был выкурить около десятка папирос. В течение этого курения для меня совершенно выяснились те вопросы по поводу ноты № 2, которые беспокоили меня во время моего пребывания на Благуше. Смысл ноты № 2 для меня теперь вполне очевиден и сегодня я набросал вчерне главу восьмую (первую во второй части): «Основные принципы теории алгебраически определимых функций». Печалит меня только громоздкость обозначения: некоторые формулы напоминают по характеру небольшие архитектурные проекты...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об. – 31.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

...Боюсь, что ты переоценила значение странных событий ночи со 2-го на 3-е августа: из твоего письма я усмотрел, что ты сочла выстрел направленным прямо в меня. Я же уверен, что палил какой-нибудь пьяный оборот «так прямо» без определенной цели, от чрезмерного давления винных паров на содержимое его черепной коробки, ибо откуда же могли взяться такие враги, которые стреляли бы в меня из за угла!... Крестик ты купишь мне сама и наденешь мне на шею. Так будет лучше. Жалко, что ты не написала мне подробно про молитву. Мне кажется, что молитва предполагает, так или иначе, веру в личного Бога, которого просят, благодарят, или которым восхищаются. Мой же Бог, ты знаешь, есть принцип. Как я могу просить что-нибудь у этого принципа, или благодарить его? Этот принцип находится за границей моего постижения, я не могу ни с чем сравнить его, я не могу применять к нему моих субъективных оценочных норм, а, следовательно, не могу восхищаться им. Единственно на что я способен около этой области – это твердое фиксированное желание, резкий волевой импульс, который неизбежно исходит из самоутверждения ибо, если я хочу чего-нибудь, то я почти всегда сознаю, что я могу это. (Не утверждаю, что такое сознание всегда соответствует действительности)... Сейчас пойду играть Tanhauser'a, помнишь твой любимый кусочек после молитвы Елизаветы? В начале одиннадцатого мне предстоит выехать в город для совершения ряда дел (домовых): 1) В нарсуде на Московской подать дополнительные заявления по второму делу Т.; 2) в Губсуде на Фонтанке подать заявления о том, что кассационная

¹ В ночь со 2-го на 3 августа, когда И. А. вышел в 10½ часов вечера отправить письмо с песенкой для Ирон, и в него чуть не попала шальная пуля. Речь идет о дочери И. А. и О. А. Лаппо-Данилевских Ирине, которую в семье называли Ирон.

жалоба Т. есть сплошное идиотство; 3) в Севзапгосстрое на Кировной подписать договор на ремонт и внести аванс (чеком). А вчера день прошел таким образом: 1) был в Коммунальном банке, где получил ссуду в 2000 р. (для дома). ее дали с большим трудом, так как обычные ссуды не превышают 300–500 р.; 2) составил с Севзапгосстройским юриконсультантом договор на ремонт и диктовал его машинистке; 3) настукал сам на машинке у А. тексты заявлений в Нарсуд и Губсуд; 4) ловил членов правления для подписания всех этих бумажек и разглагольствовал с ними...

Головной барометр поднимается, т. V готов на 70 %, набросал вчера текст первых двух, т. е. восьмой и девятой глав второй части (это есть резервуар, из которого будет черпаться нота). Прежде чем приступить к ноте непосредственно, нужно будет, однако, прочесть несколько мемуаров (журнальных). А главное, «башка» хорошая, свежая!

Был у Т., который обещал похлопотать на рабфаке и в Институте Инж[енеров] Пут[ей] Сообщ[ения], где математику не сократили. Я молчал, потому что у меня развилась математическая лихорадка, результатом которой явились значительные успехи во второй части, а, следовательно, и во второй ноте...

Ты так ругаешь бедный дом, что я должен буду осмотреть стены: нет ли где трещины... С осени начну обучать Ирона 1) теории конечных множеств (во всяком случае привью ей основные понятия о типе и мощности и 2) элементарной логике.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

Вчера покончил навсегда с Хвольсоном.

Вчера вечером был у Григория Михайловича^{XII}, свез ему готовую ноту № 1 и готовую вторую «башку». Он меня очень торопит с продолжением и говорит, что я выдал математике крупнейший вексель, по которому никак нельзя отсрочивать уплату... В сентябре нужно будет обработать какой-нибудь кусочек из первых глав второй части в качестве дипломной работы для университета. Вообще Григ[орий] Мих[айлович] очень одобряет окончание университета, так как, по его мнению, «ученый с вполне определенной научной индивидуальностью в роли студента производит комичное впечатление»...

Сегодня ночью мне пришел в голову очень курьезный параллелизм между миром эмпирическим и идеальной действительностью. В мире идей есть категория, которая вполне соответствует времени в эмпирической области: это логическое обоснование. И то и другое суть принципы

упорядочения множеств. Если концепция f_1 , обосновывает концепцию f_2 , то f_1 фигурально предшествует f_2 . Закону природы в эмпирическом мире: $x = \int (t) t$ (время) отвечает метод построения в мире концепций: $\int = M (B)$, где B – координата логической обоснованности. Такая аналогия значительно уяснит мне строение понятий о времени.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 35–36.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову¹

<...> Сейчас у него температура нормальная и третий день он уже на ногах. Пытается бедный работать, а уж вид! Устраиваем ему по возможности санитарный режим: больше лежать и чаще питаться. Что же другое можно сделать?! Стараюсь не заглядывать в будущее.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 36 об.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Горячо благодарю тебя за новую помощь. Эти деньги спасли нас от окончательного запутывания в долгах, благодаря тяжелым болезням. Просто иной раз не знаешь, что делать... Требуем от него (Вани) лежания в определенные часы и усиленно питаем. Доктор советует как можно больше жиров. Этим питанием Ваня сильно тяготится, в виду расходов на него. Страшно, что всякая случайная простуда, от которой так трудно уберечься, может Бог знает что наделать. Но пока стараюсь об этом не думать. Оля держится, не смотря на то, что нам с нею сильно приходится сокращать свое питание, для того, чтобы усиленно питать Ваню.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

1925 [г.]

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

<...> Наше «житие» течет по известному тебе шаблону. Я канителюсь с инженерами, рабочими, банками, жильцами и т. д.^{xiii} и пишу. Написал три “notes” для “Comptes Rendus” Парижской Академии, фиксирующих в весьма общих чертах мое изобретение. Эти ноты в ближайшее время отправятся по назначению и, согласно уверениям сведущих людей, будут напечатаны. Сейчас засяду за окончание и отделку первой части исследования, которое, кажется, будет издано отдельной книжкой. В ближайшую

¹ В начале письма Елена Дмитриевна сообщает о тяжелой болезни Ивана Александровича в связи с обострением старого туберкулезного процесса.

сессию после зимних каникул ликвидирую политические экзамены. В общем очень устал. Угнетает сознание некоторой хозяйственной неустойчивости и обилие разнородных пакостей внешней жизни, впрочем за письменным столом от всего этого отвлекаюсь. С внешним миром, за исключением деловых отношений, не имею почти никакого общения.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 38. (Т. 1)

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Вот опять целую зиму прожили. Для меня лично это была сплошная тревога за Ваню, но молодые бодры, не падают духом не смотря на все... Этой весной надеется Ваня окончить университет, экзамены, затем ему рисуются какие-то научные перспективы, но я об этом его не спрашиваю, чтобы своими сомнениями не смущать его. Во всяком случае придется искать более обеспечивающего заработка, потому что жить, как теперь, долго невозможно. Дом дает ему только 40 р[ублей], а ответственность и возня огромные.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 38 об. – 39.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Ваня окончил университет по двум уклонам: математическому и механическому. Начал хлопотать об оставлении при университете. Он надеется, что удастся, так как академик Стеклов и проф. Фихтенгольц дали о нем хорошие письменные отзывы.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

В общем дела с оставлением Вани при университете обстоят так: аксекция¹ (студенческая организация) еще раз вызывала Ваню и вела с ним те же посторонние разговоры на дровах (в университетском дворе). В конце концов же ему заявили, что до осени вопрос не может быть решен, так как большинство членов разъехались, и оставшиеся не правомочны что-нибудь постановить. Ваню это решение очень расстраивает. Факультет также не доволен (в виду² Стеклова) и обещал также содействовать ускорению дела. Так что все это до сих пор еще тянется и тянет нервы у Вани.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 39 об.

¹ Академическая секция.

² Скорее всего, это описка, следует читать: в лице Стеклова.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской (Лето)

Встал в 8½ и засел за теорию группы правильных многогранников – одно из элегантнейших творений недавно умершего математика – Felix'a Klein'a¹... Сегодня начал хлопотать о получении лекций в Морском техникуме. Вечером заседание ревизионной комиссии (дом). Одним словом замотался совершенно, но перед обедом ухитрилась забрести в «башку» счастливая мысль о классификации аналитических представлений алгебраических функций. Это деталь первой части, которая мне долго не давалась... В университете невозможная волокита: оказывается, что только сегодня имеет докатиться мое заявление до Т.², так что в понедельник нужно проследить дальнейшее движение дела^{XIV}.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 39 об. – 41.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

<...> Начал хлопотать о получении лекций в Морском техникуме...

В Университете невозможная волокита: оказывается, что только сегодня имеет докатиться мое заявление до Т., так что в понедельник нужно проследить дальнейшее движение дела. Работа по трактату сейчас сводится главным образом к «напитыванию литературой» по алгебраическим функциям, которая очень обширна. Вчера достал еще одну книжку Hensel'a, толстенный Handbuch в 750 страниц...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

<...> Весь последний месяц я был под угрозой весьма неприятного судебного процесса с Ликвидационной Коммисией Севзапгостроя, требовавшего с нас (дом) 1700 р., из коих мы признавали только 500, да и те, конечно не могли бы внести одновременно. Вчера я был у юрисконсульта Ликв.[идационной] Ком.[иссии] и в результате добился скидки в 1000 р. [ублей] и права внести остальные 700 частично векселями... Представь себе, что если бы суд взыскал с нас 1700 р., то в течение трех с половиной

¹ **Феликс Клейн** (Felix Christian Klein) (1849–1925) – немецкий математик, которому принадлежит идея алгебраической классификации различных отраслей геометрии. Одним из важнейших его достижений стало первое доказательство непротиворечивости геометрии Лобачевского, для чего им была построена ее интерпретация в евклидовом пространстве (модель Клейна). (См.: Википедия (ru.wikipedia.org/wiki/Феликс_Клейн)).

² Фамилия не атрибутирована.

месяцев вся квартплата поступала бы не в правление, а к судебному исполнителю, мы сидели бы без воды, без света, была бы разбита ремонтная кампания и т. д. ...на общем собрании я безусловно откажусь от всех домашних должностей.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

Вчера встал в 7 часов утра злой-презлой, ворчал на домашних (почему не напомнили принять спермин¹, почему не «булки с хвостиками», а ситный, одним словом, испортил им все утро). В 11½ ч. утра опять лег спать и в конце концов сообразил, что концепцию поверхности Riemann'a можно трактовать чисто аналитически, как «переменную подстановку». Тогда я расхотел спать, помирился с домашними, записал ближайшие вытекающие из такой трактовки следствия...

Относительно Тагора, хотя я его никогда не читал, но полагаю, что нужно идти далее в принятом тобой направлении: а) литературное произведение может только в том случае быть именно таковым, когда имеет свой собственный автономный, чисто эстетически художественный смысл и *raison d'être*, причем с ним может оказаться связанной философская система автора только единством творящего субъекта, т. е. тем обстоятельством, что и литературное произведение и философская система суть творения одного и того же субъекта. Взаимоотношения формы (художественного произведения) и содержания (философская система) здесь совершенно недопустимы, ибо художественная форма должна иметь свое собственное художественное же содержание, иначе получаются басни Крылова с морализмом. У Wagner'a художественные произведения имеют свое собственное автономное единство художественной формы и чисто музыкального содержания. За этими произведениями может чувствоваться некоторая философская система автора, но их не коим образом нельзя трактовать только как подсобные орудия, только как символы для выражения этой системы. Да они совсем и не символы – просто это музыкальные композиции не только музыканта, но и философа; б) об авторах вроде Тагора мне всегда думается, что 1) они не настоящие философы, ибо настоящая философская система, поскольку автор хочет передать ее окружающим,

¹ Речь идет о лекарственном препарате, изобретенном А. В. Пелем (1850–1908). Спермин содержал биологически активные вещества желез внутренней секреции. Широко использовался в свое время в терапевтических целях, для повышения иммунитета, играл существенную роль при тканевом дыхании, выполняя роль химического фермента. Это был единственный лекарственный препарат, идущий на экспорт из России.

никогда не нуждается ни в каких «шифрах» и символах, последними обычно прикрывается убожество и нищета системы. (Ну можно ли представить себе, например, Кант'а или Н. Hehel'я как авторов каких-нибудь «Королей темного покая»!), 2) что они не настоящие художники, так как у них не хватает сил создать автономное эстетическое произведение в совершенно инородном скелете. Например, «Война и мир» – прекрасное, совершенно автономное художественное произведение, несмотря на то, что за ним стоит совершенно нелепая толстовская философия истории. Секрет в том, что «Война и мир» совершенно не связана с дурацкой историко-философской точкой зрения органическим отношением формы и содержания. Мне всегда очень досадно за тех, кто тратит время и силы на расшифровывание символов, имеющих за собой некую неоформленную тину, вместо того, чтобы заняться изучением настоящих философских систем...

Отсутствие у нас совместных чтений – чрезвычайно существенный дефект, причина которого кроется в неумении моем распоряжаться как следует своим временем и в достаточной мере владеть своим настроением: если моя основная работа идет хорошо, то я пишу вчасос. И не остается времени ни на что другое. Если же получаются какие-нибудь «гажива»^{XV} в трактате, то я зол, как тысяча чертей и ограничиваюсь преследованием домашних. Осенью, когда жизнь наладится и войдет в постоянную колею, когда не будет домовых дел, неуклонно подтачивающих мою нервную систему и отравляющую существование, необходимо хоть по часу три раза в неделю уделять совместному изучению настоящих философских произведений. Я считаю это даже более важным для себя, так как исключительное пребывание в среде математики и всяких «Госстроев» постепенно сушит мозг...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 43 об. – 46.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

Спешу сообщить тебе о моем успехе на восточном фронте – университет расположен на восток от нас. Только что я собственными глазами видел заключение Студкома, где сказано, что Студком «всемерно поддерживает представление академика Стеклова и профессора Фихтенгольца об оставлении тов. Л[аппо]-Д[анилевского] при университете». Теперь остается только утверждение правления университета, в котором никто никогда не сомневался. Я получаю право на защиту диссертации в течение трех лет и вполне реальной делается профессорская перспектива.

С внутренним фронтом – домом надеюсь покончить в начале будущей недели, так как старое правление автоматически прекращает свое

существование. В связи с этим я сейчас очень занят отчетом и ликвидационным балансом.

Разрешение внешнего кризиса в основных его моментах – устройство дел в техникуме и университете создало более спокойное настроение и в связи с этим приличное физическое самочувствие. Для окончательного урегулирования внешних обстоятельств, от которого, в конечном счете зависит сравнительное благосостояние моей семьи и возможность регулярной научной работы, остается только свести последние счета с правлением. Этому предстоит отдать всю наступающую неделю...

Это первый день, чуть ли не за целый месяц, который я спокойно могу провести дома. Могу спокойно читать, писать, думать, играть на рояли. Несколько ближайших дней придется посвятить уяснению себе некоторых методических и дидактических принципов, необходимых для того, чтобы не чувствовать себя ослом на лекции в техникуме...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 49 об. – 51.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

<...> Для того, чтобы оставить службу по дому, нужно около сотни рублей. Это наш долг, который накопился за все время и который, при всем нашем нищенском существовании, мы еще не могли выплатить. Твоя помощь делает это возможным <...>

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 53.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

Не нахожу слов благодарить тебя за твою помощь. Без тебя пришлось бы еще несколько месяцев совмещать правление (дома) с техникумом, что кончилось бы неминуемым скандалом, ибо я и так совершенно не в силах продолжать выкручиваться из всяких домовых ситуаций, а совмещать это выкручивание с чтением лекций в техникуме уже абсолютно не мыслимо...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 53 об.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Я также горячо тебя благодарю. Переходное положение Вани такая сложная и запутанная (как впрочем и вся его жизнь), что без этой твоей «скорой помощи» не известно чем все это бы кончилось. Теперь же главное достигнуто, можно в самом ближайшем будущем оставить службу по дому и начать более человеческую жизнь.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

**И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской
(Ленинград)**

Спешу тебя порадовать. Только что кончилось заседание общего собрания (дома), на котором я отказался от председательства в правлении... Не могу сказать, чтобы у меня было сейчас особенно приятное настроение: боюсь не поступил ли я легкомысленно, отказавшись от дома прежде получения первых денег из техникума и университета и можно ли действительно рассчитывать на получение этих денег в ближайшее время. Пенсию мамы также задерживают. Одним словом: «пока солнце взойдет, роса очи выест». В техникуме я буду занят от 6 до 10½ час[ов] вечера и целый день смогу отдавать своей научной работе. Со вчерашнего дня у меня очень странное состояние: нет серьезных обстоятельств, о которых нужно беспокоиться. Давно я уже не испытывал такого блаженства! Вчера разбирал все свои рукописи (их накопилось солидное количество) и принялся за работу. Дело пошло очень хорошо, «башка» свежая (сегодня даже не чувствую никакой потребности спать днем). Кашель почти прошел. Играл Peirsifal¹ (конец, вступление ко второму действию «Смерть Изольды», полностью) и увертюру к Ziegfrud'y². К сожалению мало и плохо.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 54 об. – 55 об.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову

Хочется сказать тебе только, что у меня что-то вроде счастья на душе, по поводу оставления Вани при университете. Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды, ведь все это висело на волоске, вся его жизнь...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 55–55 об.

1925 г.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. В. Терениной

После ликвидации дома моя диссертация двигается несравненно лучше.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 55 об. (Т. 1).

¹ Нем. – «Парсифал». Опера Р. Вагнера.

² Нем. – «Зигфрид». Опера (муз. драма) Р. Вагнера (3-я опера из тетралогии «Кольцо Нибелунга»). В России впервые поставлена нем. труппой А. Неймана в Москве и Петербурге в 1889 г. Первая постановка на русском языке 27 января 1894 г. в Большом театре.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Пока у нас все благополучно, если не считать Ваниных провалившихся щек и глаз и его отчаянного вида. Не знаю, чем это грозит в будущем, но сейчас он очень бодр, лихорадочно работает с 6 час[ов] утра и очень доволен тем, как идет его работа. В техникуме у него пока 15 часов, но на днях, вероятно, определится и остальное. Если будут платить в университете (аспирантура), то в теории уже постановлено, что можно не набирать лишнего. От университета получил звание научного сотрудника II разряда. Дом понемногу отпадает...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

<...> Фактически техникум съедает только четыре вечера в неделю, так что все остальное время, вероятно, удастся посвятить по-прежнему диссертации. Курсы у меня готовые почти с прошлого года. Сначала я был в большом унынии: никто из слушателей, видимо, ничего не понимал. Однако все-таки приспособился: соединил лекционную систему с лабораторной и значительно упростил материал. Результаты получились более или менее благоприятные, по крайней мере, IV курс (самый трудный – солидные усатые и бородатые штурмана) выразили декану факультета свое полное удовлетворение курсом, а студенты I курса, после четырех часов подряд моих лекций по математике, систематически задерживают меня еще на 15–20 мин. для окончания начатого перед звонком примера. Работа с диссертацией последние три недели несколько задержалась, в связи с подготовкой к лекциям и выработкой программы, но это явление временное.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 56 об. – 57.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

<...> Мне вообще всегда «везет» в принципе и «не везет» в частности. Например, сравнительно скоро устроился преподавателем в Морском техникуме, но новые ставки еще не всюду согласованы, и сижу на половинном окладе. Уже три месяца оставлен при университете в качестве штатного аспиранта и не получаю вообще ничего. Все-таки нахожу достаточное количество сил, чтобы отвлекаться от всей этой житейской мерзости научной работой, которая идет полным ходом. Техникум отнимает немало времени, ибо нужно создать курс с соответствующим «производственным уклоном» и соответственно с этим заниматься совершенно чуждыми мне предметами, например, навигацией и морской астрономией.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 57 об. – 58.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

...Наши материальные дела все не могут наладиться. Благодаря этому и Ваня находится все время в подавленном состоянии, от которого отдыхает только в кабинете, зарываясь в свою научную работу. По-видимому, из-за этого состояния он и тебе ничего не пишет, так как вообще не любит делиться своим скверным настроением с другими, даже со мной. Я лично не сомневаюсь, что все наладится в ближайшем будущем.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. В. Терениной

В университете получены 2 аспирантские стипендии, но одна без указания кому именно – университет отправил запрос в ГУС¹, кому выдать эту стипендию и пока не будет ответа из Москвы, т. е. не раньше недели через две эта стипендия будет лежать неприкосновенно. Наши же ресурсы окончательно истощаются, и поэтому вынужден опять просить Вас выяснить в Гусе это дело.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 58 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Ведь надо же такую неудачу! (Безымянная стипендия). Просто нарочно не придумать такого осложнения. Кажется, не дожидаться дня, когда можно будет вздохнуть свободно и не занимать свою голову измышлениями, у кого достать дров, у кого занять денег и т. д.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 58 об.

1926 г.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

...Ванина поездка в Москву была вызвана тем, что он и еще несколько других утвержденных еще в октябре штатными аспирантами не получили до сих пор следуемых им стипендий и наше материальное положение вследствие этого было очень тяжело.

Ждать больше стало невозможным и, пользуясь правом бесплатного проезда, Ваня решил сам ехать в Москву, узнать, в чем дело. Университет официальной бумагой уполномочил его на это. И вот, в эти несколько часов своего пребывания в Москве, Ваня сделал невероятные

¹ Государственный ученый совет.

вещи: раскопались огромные бумажные залежи и он на руки получил из финансовой части бумагу об открытии в здешнем финотделе кредита на стипендии семи аспирантам! По полученным здесь сведениям, никакой задержки больше быть не может, и вот сегодня, приехав с вокзала, Ваня прямо в пальто и галошах бросился к роялю, сыграл свой победный марш и в изнеможении упал на диван, после такой упорной и напряженной борьбы с московскими чиновниками^{XVI}. Надеюсь, теперь легче будет жить.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 59 об. – 61.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову

Вчера вернулся Ваня из Москвы. Вы представить себе не можете, как мы были счастливы, что он здесь, да еще с такими добрыми вестями... Последнее время мы тянули существование, за исключением некоторых проблесков надежды, нудно и безнадежно, благодаря материальному вопросу, висевшему над нашими головами как громадная паутина, опускавшаяся все ниже и ниже, и это ощущение кошмарной паутины действовало особенно угнетающе на Елену Дм[итриевну]. Когда в пятницу в 9 час[ов] 15 мин[ут] вечера я проводила Ваню на вокзал и смотрела на пробегающие мимо вагоны и потом, когда мы с Еленой Дм[итриевой] сидели за столом, право, нам казалось, что серая паутина все затянула. Утром в субботу мы обнаружили, что имеем десять пирожков, немного сахара и чая, дрова на одну печку и 70 коп[еек] денег. Елена Дм[итриевна], кажется, совсем упала духом, и нам почему-то не верилось, что из Ваниной поездки что-нибудь выйдет и даже, что он вернется в воскресенье <...>

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 60–61 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарякову

<...> Сейчас наши обстоятельства начинают, кажется, налаживаться и несколько восстанавливается равновесие. Без твоей моральной и материальной поддержки мы, конечно, за эти годы «впали бы в полное ничтожество». Мечтаю, когда-нибудь в свою очередь быть тебе полезным. Моя жизнь по-прежнему проходит между техникумом и диссертацией. К удивлению я, кажется, справился с условиями преподавания в техникуме, где стараюсь всецело проводить «производственный уклон». Для этого приходится много времени затрачивать на ознакомление с руководствами по навигации, мореходной астрономии, теории корабля и морской практики. Начальство и слушатели, видимо, довольны. На днях слушатели II курса

обратились ко мне с откровенным вопросом: «Кто вы собственно такой? По разговору моряк, а форму не носите». Все же преподавательское дело меня совершенно не удовлетворяет и страшно тормозит диссертацию, в которой мое основное будущее. Единственное утешение – это скорое окончание учебного года и большие каникулы, когда я смогу наконец вплотную засесть за диссертацию.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 61 об. – 62.

1926 г.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской (Лето). Ленинград

<...> Читал докторскую диссертацию московского математика Г.¹ (1916 г.) об аналитических функциях с совершенным множеством особых точек. Автор касается ряда тем, имеющих «предварительное значение» для моего построения (в частности, исследует то положение, которое есть еще в диссертации Сохоцкого² и доказано не изящно у Courant'a³). На последней странице книги автор подходит к постановке вопроса уже почти в моем стиле. Это, к моему удовольствию, показывает, что вопрос, рассматриваемый мною, уже действительно «назрел» в литературе. Заснул с мыслью о том, что не страшна никакая

¹ Фамилия не атрибутирована.

² **Сохоцкий Юлиан Васильевич** (1842–1927) – русский математик, ординарный профессор математики Санкт-Петербургского университета (1882), где читал курс лекций по высшей алгебре и теории чисел. Основные труды – по теории функций комплексного переменного. В магистерской диссертации «Теория интегральных вычетов с некоторыми приложениями» (1868) сформулировал и доказал теорему о поведении аналитических функций в окрестности существенно особой точки (теорема Сохоцкого – Вейерштрасса). В докторской диссертации «Об определенных интегралах и функциях, употребляемых при разложениях в ряды» (1873) изучил граничные значения интегралов типа интеграла Коши при весьма общих условиях. Эти результаты имеют важное значение для приложений к механике. Автор оригинального курса «Высшая алгебра» (ч. 1 – «Решение численных уравнений», 1882; ч. 2 – «Начала теории чисел», 1888), который был принят за основное руководство не только в Петербурге, но и в Москве, Казани, Харькове (См.: [http:// bse.sci-lib.com/article104821.html](http://bse.sci-lib.com/article104821.html)).

³ **Рихард Курант** (Richard Courant) (1888–1972) – американский математик немецкого происхождения. Основные научные результаты Куранта относятся к теории конформных отображений, к краевым задачам для уравнений математической физики, разработал метод «конечных элементов». В 1922 г. опубликовал книгу по теории функций. В 1966 г. Курант стал иностранным членом АН СССР. См.: Википедия ([http:// ru.wikipedia.org/wiki/](http://ru.wikipedia.org/wiki/)).

жизненная ерунда, пока есть на свете прекрасные звуки и прекрасные алгоритмы.

Все воскресенье и понедельник был занят программой и объяснительной запиской для Морск[ого] техн[икума], т. е. собственно для всех техникумов, так как программу полагается проводить на конференции. Вчера гулял с дядей (Д. Д. Бекарюковым). Погуляли хорошо, но я здорово устал.

Диссертацией эти дни совсем не занимался, да и вряд ли придется до отъезда (под Москву) что-нибудь сделать в этом направлении. Согласно моего дневника, я уже с 14-го июня ничего не делаю, две недели, таким образом, выкинуты совершенно зря. Прямо одно отчаяние! В Благуше (под Москвой) придется с места в карьер засесть за работу и сделать передышку лишь по окончании второй «башки».

Канитель по делам ревизионной комиссии (дома) и получения денег из университета и техникума для отъезда испортили мне настроение.

Вчера очень переволновался вот по какому поводу: в книжке Г., о которой я тебе уже писал, я наткнулся на такое место. «Интегралы вида Cauchy¹ с успехом применяются к доказательству ряда теорем теории аналитических функций; как пример можно указать на исследования Plemelj² (венгерская фамилия), который приложил интегралы подобного вида к доказательству основной теоремы Riemann'овской теории аналитических функций». Ссылка: "Journal für Mathematik und Physik" 1910 (11,12). Если это действительно так, то вероятности О.г что Plemelj «обскакал» меня, ибо нужно быть дураком, чтобы, выбрав этот «мой путь», остановиться на доказательстве и не установить алгоритма. Но, по всем видимостям, тут что-то не так, ибо 1) в сочинении Courant'a, изданном в 1925 г. и трактующем очень подробно о задаче Riemann'a, нет ни одного упоминания о Plemelj; ничего не говорил мне о Plemelj

¹ **Коши Огюстен Луи** (Augustin Louis Cauchy) (1789–1857) – французский математик, член Парижской академии наук, разработал фундамент математического анализа и внес огромный вклад в анализ, алгебру, математическую физику и многие другие области математики. Коши впервые дал строгое определение основным понятиям математического анализа – пределу, непрерывности, производной, дифференциалу, интегралу, сходимости ряда и т. д. [см.: Википедия (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>)].

² **Иосиф Племель** (Josip Plemelj) (1873–1967) – австрийский математик. Основные труды относятся к теории функций комплексного переменного, дифференциальным и интегральным уравнениям, алгебре, теории чисел. Занимаясь изучением предельных значений интегралов типа Коши, вывел вновь соотношения, содержащиеся в теоремах Сохоцкого (формула Сохоцкого – Племели); одну из формул в теории римановых поверхностей называют теперь формулой Сонина – Племеля (см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Josip_Plemelj).

также и В. И. Смирнов, являющийся знатоком этих вопросов (сейчас его, к сожалению, нет в городе). 2) В библиотеках университета и академии журнала "Journal für Mathematik und Physik" совсем нет. 3) В справочном "Journal für Mathematik und Physik" (где реферируются все книги и мемуары по математике за каждый год), также нет указанного журнала. Посмотрев годы 1908–1923, я обнаружил реферат единственной статьи Plemelj, касающейся вопроса об интегралах Cauchy. Она занимает 5 страниц в "Journal für Mathematik und Physik" за 1908 г. и содержит просто ту самую теорему § 4 моей первой главы, которая была установлена Сохоцким в 1873 г. и доказательство которой мне не понравилась у Courant'a. Правда, в конце статьи Plemelj высказывает предположение, что эта теорема представляет собой «den Schlüssel zu einem neuen Beweis der Riemannschen Existenztheorien»¹, но ни доказательства, ни алгоритма фактически нет.

Канитель с отъездом и этот «венгерец» – мои главные неприятности последних трех дней.

Думаю, что основания, которые я привел, достаточны, чтобы отбросить мысль о предвосхищении моего построения «венгерцем», но «мыслеобраз» интегральных уравнений системы Riemann'a все же чувствуется в воздухе.

Положение с диссертацией, если рассуждать объективно, не должно наводить на грустные размышления: 1) история с «венгерцем» (Plemelj) окончательно исчерпана. Кроме хороших намерений и теоремы Сохоцкого у него ничего нет, касательно моей темы. 2) Уже намечен в общих чертах путь решения системы моих интегральных уравнений; я применяю метод E. Schmidta² так называемых фундаментальных функций, который, впрочем, для моих систем приобретает совсем своеобразный характер и сам по себе имеет самостоятельную ценность.

Приведенные соображения позволяют точно фиксировать состав исследования по главам. Гл. I «Интегральные уравнения Riemann'овской поверхности». Гл. II «Фундаментальные функции ядра Cauchy». Гл. III «Фундаментальные разложения элементов алгебраических функций». Гл. IV. «Построение алгебраических уравнений, принадлежащих данной Riemann'овской поверхности». Дополнения. (В дополнениях будут

¹ Пер. с нем. – «Ключ к новому доказательству сущности теории Римана».

² Шмидт Эрхард (Schmidt Erhard) (1876–1959) – немецкий математик, с 1917 г. профессор Берлинского университета. Основные труды им созданы по теории функций, интегральным уравнениям и функциональному анализу. Определил и изучил геометрически гильбертово пространство в полной аналогии с геометрией Евклида. Известен оператор Гильберта-Шмидта (см.: Большой энциклопедический словарь. Математика. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 764).

рассмотрены частные случаи и примеры). Устрашающе действует главным образом целая «поленница» книг, приготовленная для укладки в «рыжий» сундук.

Сейчас занят второй главой. Удалось свести ядро Cauchy к такому виду, что к нему можно будет применить метод Schmidta. Предстоит масса вычислений (в широком смысле), не знаю, как справлюсь с ними при моем теперешнем вялом состоянии. А время бежит, бежит... Это самое ужасное!

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 62 об. – 66.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской (Лето) Благуша (под Москвой)

<... > Голова у меня не совсем уже плохая, но не так, чтобы очень свежая, скорее все-таки плохая. Уменьшить сейчас интенсивность занятий очень трудно, так как, пока хоть вчерне, не готова вся вещь, все равно нельзя почти ни на минуту перестать думать о ней. Как только будет готов самый примитивный черновой набросок, конечно, дам себе длительный отдых, которым действительно сумею воспользоваться¹.

Сейчас усиленно занимаюсь в связи с предстоящим отчетом по аспирантуре, к которому хочу приложить первую главу диссертации и введение, а может быть, и первую главу моей большой работы.

Этот отчет несколько затормозил общий ход моей работы. Приходится заниматься шлифовкой первой главы, которую я хочу приложить, вместо того, чтобы развивать тему дальше, что было бы сейчас гораздо важнее. Сейчас дописываю последние примеры к первой «башке» и вечером буду печатать на машинке отчет.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 66 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской (Лето). Ленинград

Видел Г. М.² Он обещал в течение сегодняшнего и завтрашнего дня просмотреть отчет и первую «башку» и наложить резолюцию на отчете в понедельник на заседании предметной комиссии в университете. Заключение должно быть подписано кроме того В. И. Смирновым, так как первая «башка» касается функции комплексного переменного, а Г. М. специалист по вещественному.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.

¹ Мечта, которой никогда не суждено было осуществиться (примечание Е. Д. Лаппо-Данилевской).

² Речь идет о Фихтенгольце Георгии Михайловиче.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Ваня за лето совсем не поправился, хотя и говорит, что голова свежая. Непростительно, что не дал себе никакого отдыха. А здесь сразу очень много работы со вступительными экзаменами ввиду огромного наплыва поступающих в техникум. Ему предлагают там 42 часа в неделю, но общим советом мы решили, что это бы была гибель его здоровья и научной работы и он возьмет двадцать один час <...>

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Вот уже две недели, как Ваня кис да кис. А вчера утром у него оказалась температура 39,5 и боль в боку. Доктор определил грипп и плеврит.

В день Ваниного рождения я подарила ему «Золото Рейна»¹ и «Валькирию»². Можешь себе представить его восторг. Он целый день провел за роялем.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

<...> У Вани определилось крупозное воспаление левого легкого. Температура вчера поднималась до 40,1. Доктора смущает его плохое сердце. Сидим без денег, так как из-за начала нового учебного года задерживают жалование и стипендию.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 67 об. – 68.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Сейчас получили твои деньги и горячо благодарим за них. Доктор боится, что процесс перейдет на сердечную оболочку и говорит, что характер болезни исключительно тяжелый. Ваня говорит, что когда ты приедешь, у него будет другое настроение.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Последние дни были очень тяжелые. Температура все время около 40. Двойной процесс легочный и плевральный. Доктора смущает сердце,

¹ «Золото Рейна» – опера Р. Вагнера, часть тетралогии «Кольцо Нибелунга».

² «Валькирия» – опера Р. Вагнера, часть тетралогии «Кольцо Нибелунга».

в котором он находит чрезвычайно сложный порок, при наличии которого ни за что нельзя поручиться. Ваня мечтает о твоём приезде.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 68 об.

Е. Д. Лаппо – Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Ваня вообще ужасно слаб и почти не открывает глаз. Но доктор говорит, что это в порядке вещей, после всего им перенесенного. Конечно, на скорую поправку нечего рассчитывать. Ждет тебя... Ваня мечтает о двух вещах: твоём приезде и возможности сесть за письменный стол. Вчера Ваня в первый раз встал. Он с такой радостью ждал этой минуты, но принесла она ему большое разочарование: он так слаб, что постоянно должен ложиться и отдыхать, а бедная голова совсем не работает, в чем он с грустью убедился, попробовав заставить ее работать, вопреки всем убеждениям не делать этого. А изменился как, ты не можешь себе представить!

Ваня страшен, как смерть, но уверяет, что особенной слабости не чувствует и работает с утра до вечера, что очень нас волнует, но ничего с ним не поделаешь. Говорит, что работа идет прекрасно. Я до сих пор еще не опомнилась от пережитого.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 69 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

Я уже вполне здоров, работаю над диссертацией, начал чтение лекций в техникуме и вообще веду мой обычный образ жизни. Контрольная врачебная комиссия дала мне трехнедельный отпуск, но я им не могу воспользоваться, ибо положение дел в техникуме требует моего личного присутствия.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.

1927 г.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Мы хотим основать Вагнеровский кружок: изучение Вагнера с исторической, философской, литературной и музыкальной стороны. Председатель, конечно, А. М.¹

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 70–70 об.

¹ Речь идет об **Александре Михайловиче Нечаеве** – близком друге семьи молодых Лаппо-Данилевских.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

<...> Перехожу к Ване. Он живет в последнее время в состоянии опьянения своей работой и почти не спит... Сегодня утром вдруг заиграл свой победный марш, который играет во все счастливые минуты своей жизни. Оказывается, пришел к каким то необычайным результатам, к которым никто из математиков не мог до сих пор прийти. Завтра будет сообщать об этом В. И. Смирнову, посмотрим, что он скажет. Сейчас уговорила его прилечь, так как ночь напролет просидел у письменного стола, но слышу из соседней комнаты, что курит и не спит. А вечером у него еще занятия с аспирантами. Также до поздней ночи. Вот тебе картина его жизни, не упоминая еще вечерней работы в техникуме до шести часов пять раз в неделю, связанную с поздним возвращением домой... В моменты возврата к действительной жизни Ваня очень интересуется организацией кружка изучения творчества Вагнера.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

<...> В столовой в углу под нотной этажеркой, на которой лежат Вагнеровские оперы и партитуры, мы с Ваней водрузили портрет Вагнера, перед которым недостает только какой-нибудь курильницы, для воскурения фимиама. У нас теперь живет моя подруга, в голос которой Ваня влюблен и в которой видит будущую Изольду и Кундри¹. Ваня сейчас одержим нелепой идеей к 1 апреля вчерне окончить свою работу, чтобы выступить с нею на съезде математиков в конце апреля. Еще в феврале он очень усиленно работал, в марте был еще раз прилив энергии, теперь он представляет из себя выжатый лимон и все же, благодаря своей идее окончить к 1 апреля, не дает себе ни отдыха, ни срока. Потерял (вот уже полтора месяца) сон и аппетит, а разговаривать с ним я уже давно разучилась...

Такое его состояние имеет то существенное преимущество, что вся обыденная жизнь проходит мимо него и он совершенно игнорирует все житейские и материальные осложнения, которые систематически так и сыпятся на нас.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 72.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

<...> Я уже получил все главные результаты и мечтаю о том, чтобы доложить их на всесоюзном съезде математиков, который откроется

¹ Кундри – героиня оперы «Парсифаль», последней работы Р. Вагнера.

в Москве 27 апреля. Но докладывать их неудобно, не наведя предварительно достаточной строгости. Резюме доклада, если вообще делать доклад, следует отправить в Москву на днях, «строгости» не клеятся, и вообще скверно. Вместе с тем о наличии результатов известно нескольким профессорам и моим коллегам по аспирантуре. Возникла атмосфера ожидания опубликования моей работы, что нарушает спокойствие, нужное для наведения «строгостей».

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 72 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской (Лето). Ленинград

<...> Влад[имир] Ив[анович]... признал, что мои новые результаты 1) содержат алгоритмы для прямой задачи дифференциальных уравнений, которые Poincaré¹ решал и не решил и 2) и можешь себе представить, действительно доказывают сходимость моих гиперлогарифмических рядов, с которой я бился столько времени. Остается не доказанной только возможность аналитического продолжения до окрестности любой системы подстановок. Вл[адимир] Ив[анович] советовал мне в ближайшее время подумать над этим и если выйдет, то публиковать сразу прямую и обратную задачу, причем последнюю только для окрестности идентичной подставки (так как раньше у меня и было), но во всяком случае для общей группы, а не для убогой коммутативной. О моих достижениях в прямой задаче (т. е. не в моей основной задаче Riemann'a, а в той, которую я получил в виде «бесплатного приложения») Вл[адимир] Ив[анович] сможет мне сообщить только 16-го, когда он выйдет из больницы.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 73–73 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской (Лето)

Сейчас получил готовый уже отзыв от Вл[адимира] Ив[ановича]. Отзыв хотя и составлен, как говорит Владимир Иванович, в «общих тонах», но все же конкретно указывает, что я решил задачу Riemann'a для случая подстановок близких к тождественным как для коммуникативной, так

¹ **Пуанкаре Жюль Анри** (Poincaré Jules Henri) (1854–1912) – французский математик, физик и астроном. Фундаментальные открытия Пуанкаре, касающиеся поведения интегральных кривых дифференциальных уравнений, тоже связаны с решением задач небесной механики. Пуанкаре опубликовал большое число работ по теории так называемых автоморфных функций, а также по дифференциальным уравнениям, топологии, теории вероятностей (см.: [http:// www.krugosvet.ru/articles/39/1003949/1003949a1.htm](http://www.krugosvet.ru/articles/39/1003949/1003949a1.htm)).

и для некоммунитивной группы, что результаты мои «новы и представляют безусловный интерес»...

Я все время живу в каком-то угаре, почти не сплю. Масса возни была с отчетом, который я, наконец, передал сегодня Григорию Михайловичу... Мне предстоит писать 1) текст полной «алгоритмической теории Riemann'овых корпусов» 2) параллельно текст ноты...

Составил для университета resume моих результатов: «формальное исследование задачи Riemann'a, задача Riemanna'a в случае коммутативной группы», и самое главное, «алгоритмическая теория Riemann'овых корпусов»....

Я достал мемуар Poincaré, касающийся задачи, которую я получил в виде «бесплатного приложения». Poincaré действительно задачу не решил. Однако он именно ограничивается выписыванием этих функций, и не располагал концепцией «аналитической функции от подстановок» (эта концепция возникла у меня в ту замечательную ночь, когда с 3 часов утра ты должна была заняться чтением мне Диккенса), совершенно не в состоянии заставить эти гиперлогарифмические функции «действовать», и, таким образом, вся задача у него осталась в сфере благих намерений. Все это дает мне право содержание моей «алгоритмической теории Riemann'овых корпусов разбить на две ноты для “Comptes Rendus”: I. “Le problème de la construction du groupe de monodromie d'un système donne des équation differentielles linéaires” (задача Poincaré); II. “Le problème de la construction des Fonctions Riemanniennes et du système corréspondent des equation differentielles lineaires admittant un groupe de monodromie donné”. Такое разбиение очень выгодно, так как для каждой из нот отводится по закону лишь 2½ страницы.

Вполне уверен, что Вл[адимир] Ив[анович] одобрит такой план. Параллельно с нотами будут писаться две соответствующие большие статьи, которые вместе и составят диссертацию. Если ограничиваться задачей Riemann'a для окрестностей идентичных подстановок, то работы для выпуска всех этих четырех вещей предстоит не очень много: кроме чисто редакционной части, нужно будет закончить все вычисления, касающиеся обращения. Все это, конечно, чисто техническая работа, с которой я справлюсь в течение июля в Благуше.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 74–76.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской (Лето)

Вчера отправил тебе мрачное письмо. Написанное под непосредственным впечатлением неприятных переговоров по техникуму (приказ о замещении преподавательских мест специалистами-инженерами), но...

долго пребывать в унынии я вообще не в состоянии. Вчера же вечером, чтобы отвлечься от скверных мыслей, я засел за вычисление «периодов» и привел его к виду вполне достаточному для ноты. Я пришел к мысли, что в сущности в несколько дней я сумею написать обе ноты, посему сегодня прекращаю лекции аспирантам и в ожидании решения вопросов в техникуме сажусь за ноты.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 76 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

Вчера целый день писал и приобрел знакомый тебе по Благуше полумный и небритый вид. Все вычисления закончены; осталась только техника изложения...

Времени я не теряю, «в разложение не впадаю» и сразу же, как бы чувствуя твое ко всему этому отношение, взял «прямой курс» на окончание работы в пределах всех четырех вещей, о которых я тебе писал. Расчет с периодами закончен, расчет обращения также, и если не вдаваться в детали, не рассматривать пока задачи Riemann'a без ограничения относительно уклонения подставок от идентичной и не очень увлекаться открытой мной ветвью анализа – «теорией аналитических функций от подставок», то в сущности осталась чисто «литературная» работа, которую, быть может, я успею закончить здесь.

С техникумом все уладилось. Сегодня видел В[ладимира] И[вановича], который одобрил все мои намерения и советует опубликовать доказанные результаты: 1) О задаче Poincaré, 2) задаче Riemann'a при ограниченных уклонениях данных подстановок от идентичной, 3) о задаче Riemann'a для коммуникативной группы, оставив общий случай (подстановок, уклонение которых от идентичной неограниченно), как говорит Влад[имир] Ив[анович], «на потом». – Есть ученый немец Schlesinger, который занимается задачей Riemann'a с 1904 года, но не может дать алгоритма, вероятно, потому, что не располагает теорией аналитических функций от подстановок. С сегодняшнего утра засел за писание мемуара (большого). Пишу сразу по-французски.

Написал за день 18 больших страниц. Мемуар будет называться: “La théorie algorithmique des systemes des fonctions Riemann”. Слова “corps de Riemann” велел В[ладимир] И[ванович] из заглавия выбросить, так как это новое выражение. Вообще же всю мою новую терминологию В[ладимир] И[ванович] признал целесообразной. К нотам перейду, закончив мемуар, так как это будут выборки из мемуаров. Печататься большая статья будет, вероятно, в М[осковском] математическом сборнике.

Сейчас закончил черновик мемуара, вышло 64 страницы...

Иду второй раз по тексту мемуара с красным чернилом. Есть кое-какие шероховатости, которые приходится восполнять весьма нудными вычислениями. Боюсь, что не выдержу и не сегодня-завтра сяду в поезд и поеду к тебе. Ведь, по крайней мере, неделю писание должно «вылежаться», ибо в такой спешке, в которой я сейчас работаю, можно весьма легко надевать ошибок в вычислениях.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 78–79.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

<...> Получил из университета повестку, что на вторую пол[овину] сентября назначено испытание для аспирантов по «Марксистскому минимуму», причем приложена большая программа. Нужно будет заняться этим в Благущее.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 80.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской

Ноты в Париже выйдут в свет в конце августа или начале сентября. Мемуар в Москве либо в конце сентября, либо в начале ноября, так как в октябре типография будет занята материалом для десятилетия революции. Об этих вещах, сданных уже в печать, я совсем не думаю больше, наоборот, у меня почти готов в голове следующий мемуар и следующая нота, которые я надеюсь занести на бумагу в сентябре, до начала занятий в техникуме.

Сейчас математикой совсем не занимаюсь и читаю книги для политического экзамена.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 80–80 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарькову Ленинград

Не могу не поделиться с тобой приятным сюрпризом, который ожидал меня сегодня в библиотеке физико-математического института. Я нашел в нем только что прибывший из Парижа номер “Comptes Rendus” Парижской академии наук, с напечатанной в нем моей первой нотой... Вторая появится, очевидно, в следующем номере.

Теперь я усиленно работаю над вычислениями, связанными с третьей и четвертой нотами. Эти ноты следует отправить так же возможно скорее, иначе лица заинтересованные, несомненно, воспользуются

опубликованными мною методами и результатами, для получения в той же области ряда новых результатов, которые у меня почти готовы и которые я бы очень хотел сохранить за собой.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 80 об. – 81.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

Всю истекшую неделю я был сильно занят экзаменами в техникуме, теперь нужно готовиться к политическим экзаменам. Урывками строчу второй мемуар и соответствующие ему третью и четвертую ноты. Вчера видел номер “Comptes Rendus” с моей второй нотой.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 81 об.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Ванин успех для нас большая радость, а ему дает новую энергию для дальнейшей работы.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 81 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

Я сегодня очень хорошо выдержал экзамен по Марксистской методологии. Сейчас предстоит внести ряд дополнений в текст новой третьей ноты и второго мемуара, который в основе вполне одобрен моим руководителем В. И. Смир[новым].

Думаю, что успею это сделать до начала занятий в техникуме.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Наша жизнь идет каким-то нервным темпом, который обыкновенно придает ей Ваня своей напряженной работой, выводящей и его и нас из должного равновесия: его от переутомления, нас от беспокойства за него. На днях он получил свои первые оттиски из Парижа и был в детском восторге. Уже готовы к отсылке новые работы.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 82–82 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Ваня страшно кашляет, а завтра у него уже начинаются лекции, так что дома сидеть нельзя. Пока температура не повышена, но сердце не важно. За это время почти закончил новый мемуар, а вчера я отправивла в Париж

его новую ноту, которая по своему содержанию еще гораздо значительнее предыдущей. 3 декабря предположительно Ванин доклад в Москве.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 82 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Ваня был недавно у невропатолога, который нашел у него сильную невротению, дал ему ряд предписаний, между прочим, уменьшить потребление папирос, регистрируя каждую выкуренную. Выкурив вчера всего 11 папирос, вместо обыкновенных 45, он был в очень мрачном расположении духа.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. В. Терениной

Мои научные дела идут как будто хорошо. Продолжаю печатать свои ноты в "Comptes Rendus". Первый мемуар скоро появится в Московском Математическом журнале и почти готов второй мемуар для следующего выпуска. Вчера не без успеха делал доклад в Математическом обществе. Профессора находят, что мне необходимо выступить на международном математическом конгрессе в Болонье в сентябре 1928 г. Не знаю, как все это устроится. С концертами в этом месяце наши дела обстоят печально: Wagner'овский концерт не нашего абонемента вынуждены были пропустить по безденежью^{XVII}, последний же концерт нашего абонемента пришлось переуступить по той же причине.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 83 об.

1928 г.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Как мы вам благодарны за помощь, и рассказать нельзя. Вчера часа в 4 дня Елена Дмитриевна, Ваня и я стояли в кабинете и смотрели друг на друга недоуменно и растерянно. Это была собрана «чрезвычайная комиссия», которая должна была решить не терпящий отлагательства вопрос об «аспирантской булке». Дело в том, что в прошлую субботу были установлены два раза в неделю аспирантские занятия, которые должны производиться у нас. Для этого была куплена и перевезена к нам черная доска, и были распределены между пятью участниками этих занятий расходы по чаепитию.

И вот, вчера уже вечером должны были быть у нас аспиранты. Масло, сыр, чай, сахар у нас были, но булки? И вот в такой-то полный трагизма момент раздался звонок почтальона. Представьте себе нашу радость: ведь этим разрешался не только вопрос, поставивший в тупик «чрезвычайную комиссию», но и много-много других вопросов, которые должны были явиться перед нами в самом ближайшем будущем и которые каждый из нас уже предчувствовал. Накануне Нового года решено было остаться дома. Ваня сел заниматься, а я легла, но заснуть до утра не могла, полная мрачных мыслей, злых и жалких, которые, цепляясь одна за другую, ширятся и разрастаются до нелепых абсурдных размеров, захватывая полностью в свой круговорот человека с расшатанными нервами, измученного бессонницей.

Неудачная, новогодняя ночь!

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 84–84 об.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову

Ваня, по большей части, в невменяемом состоянии благодаря невероятной умственной работе. Пишет ноту за нотой, очевидно, просто уже не может справиться со своими мыслями. Получил приглашение на Международный съезд математиков в Болонье будущей осенью и теперь должен хлопотать о командировке туда, так как придает этому большое значение для себя.

У него постоянная бессонница, прописаны какие-то снотворные, которых я так боюсь...

Отзыв о научной работе Ив[ана] Ал[ександровича] Лаппо-Данилевского, в связи с желательностью командировки его на Международный Математический Съезд в Болонье в сентябре 1928 г.¹

Настоящим своим заявлением мы хотели бы указать на то, что, по нашему мнению, было бы чрезвычайно желательно дать возможность аспиранту Ленинградского университета И. А. Лаппо-Данилевскому осуществить поездку в заграничную командировку в текущем году для посещения Всемирного Математического Съезда, который будет проходить в сентябре в Болонье.

В октябре месяце настоящего года исполняется три года со времени оставления И. А. Л[аппо]-Д[анилевского] при университете. За этот

¹ Текст отзыва Елена Дмитриевна помещает в письме к брату.

период его математическое образование стало настолько законченным и его самостоятельные научные работы настолько определились, что в настоящее время общение с заграничными учеными принесло бы большую пользу для его дальнейших научных занятий. Кроме того, было бы весьма существенно дать возможность И. А. Л[аппо]-Д[анилевскому] доложить результаты собственных научных работ на Всемирном Математическом Съезде.

Все последнее время И. А. Л[аппо]-Д[анилевский] занимался задачей Riemann'a и смежными вопросами. Задача Riemann'a в общих чертах, как известно, состоит в построении системы аналитических функций, преобразующих заданные линейные преобразования при обходе заданных точек плоскости комплексного переменного, или в построении системы линейных уравнений по заданным производящим преобразованиям их группы монодромии.

Задача эта, как выяснилось, представляет большие трудности. Она привлекала к себе усилия многих крупных математиков, и в настоящее время имеется общая теорема о существовании решения упомянутой задачи. И. А. Л[аппо]-Д[анилевский] поставил для себя целью найти явное алгорифмическое решение задачи Riemann'a. Чтобы добиться цели, что ему вполне удалось сделать, он обобщил начала теории аналитических функций на таблицы линейных преобразований. С помощью этого аппарата он дал сначала простое решение задачи обратной задаче Riemann'a, т. е. задачи определения группы монодромии данной системы линейных уравнений и затем получил и явное решение задачи Riemann'a.

Мы считаем работу И. А. Л[аппо]-Д[анилевского] выдающейся не только по полученному в ней результату, но и по тому своеобразному и новому методу, которым автор пользуется для получения этого результата. Научная ценность этой работы дает все основания считать желательным выступление И. А. Л[аппо]-Д[анилевского] на Всемирном Съезде с докладом.

Подписи проф. В. И. Смирнова и Г. М. Фихтенгольца.

1928 г. 21 января.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 85–87.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарыкову

Ваня вчера послал четвертую ноту в Париж и написал за это время третий мемуар.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову

Ваня продолжает безумствовать с работой. Получил предложение печатать текущий мемуар в здешнем математическом издании, но нужно к 1 марта, и он пишет без отдыха.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 87 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской Москва (по дороге в Крым)

Вчера узнал в наркомпросе, что в командировке на съезд (в Италию) мне отказано. Ленингр[адское] Математическое общество ходатайствовало о моей командировке. Бумага, подписанная правлением, говорит о том, что я получил выдающиеся результаты в одном из основных вопросов математического анализа и что необходимо, путем доклада на конгрессе, познакомить иностр[анных] ученых с этим сделанным в СССР открытием.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской

<...> Вычисления идут медленно, голова устала, боюсь, что не кончу к сроку!

<...> Влад[имир] Ив[анович] категорически воспротивился, чтобы я назвал мой доклад на конгрессе “Resolution algorithmique des problèmes de Poincaré et de Riemann”, находя, что решение задач Poincaré и Riemann’a суть только отдельные плоды построенной мною общей аналитической теории дифференциальных уравнений, которая дает в сумме гораздо больше, чем решение этих задач. Решили мой доклад на конгрессе озаглавить так: “Analyse de la construction d’integrales et de groupes de d’equations differentielles lineaires coefficients de causes systemes...”.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 93.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

Уже несколько дней не писал тебе толком, ибо был в полусумасшедшем состоянии в связи с окончанием мемуара и докладом в Москве. Доклад готов. Влад[имир] Ив[анович] вчера одобрил его по всем пунктам. Теоретически говоря, доклад этот должен произвести [впечатление] гораздо больше, чем предыдущий доклад здесь 17.XII.27. Plemelj изгнан, все рассуждение покоится на внутренней сущности вещей и в значительной мере вскрывает эту сущность. По мнению Влад[имира] Ив[ановича], это гораздо важнее, чем решение задач Poincaré и Riemann’a – решение

указанных задач получается в виде деталей общей теории. Кроме того доклада, правда весьма кратко, будут упомянуты результаты для уравнений с произвольными рациональными коэффициентами (четвертая нота). В связи с изменением в ходе рассуждений пришлось пририсовать еще 13 новых таблиц. Я сделал это вчера самостоятельно и сидел с 7 час[ов] вечера до 3 час[ов] ночи. Вчера же сделал аспирантский отчет Влад[имиру] Ив[ановичу]. Я перечислил восемь названий моих уже напечатанных и принятых к печати вещей. Полагаю, что это для одного года немало. Итак сегодня в 9.30 вечера вместе с четой S. выезжаю в Москву... Сдача мемуара Влад[имиру] Ив[ановичу] до 10 июня, и, кажется, это уже последняя мыслимая отсрочка. Я демонстрировал Влад[имиру] Ив[ановичу] все результаты последних дней, и он несколько раз произнес свое «прекрасно»...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 93–94.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

<...> Я не в восторге от вчерашнего выступления. Было много народа (человек 40) но из действительно квалифицированных лиц только несколько. Громадный материал пришлось скомкать в 45 минут, чтобы оставить время другим. Один из математиков сделал несколько дельных и весьма сочувственных замечаний. Особенно понравилась ему иррегулярная задача Poinsagé (четвертая нота). Остальные безмолвствовали. Получил отписки из Московского Математического сборника. Вышел хороший мемуар.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

<...> Пишу только открытку, так как совершенно невменяем в связи с окончанием мемуара, который надо дать 10-го. (Два-три дня, вероятно, все-таки еще оттяну). В общем, дело идет не плохо, но обилие невыясненных деталей и местами недостаточная строгость доказательств выводят меня из себя. Завтра даже не иду на концерт (6 симфония Чайковского).

<...> Наконец закончил черновик текста этого злополучного мемуара. За сегодняшнюю ночь предстоит еще переписать 30 страниц набело. Завтра самый крайний срок. Последнее «гажево» оказалось весьма заковыристым, и я его раскусил только в воскресенье 10-го...

Вчера отвез мемуар Влад[имиру] Ив[ановичу]. С этим мемуаром вообще получилась курьезная история. Все последнее время (с весны) у меня были некоторые ложные предвзятые мнения, которые неизбежно заводили меня

в тупик. Наконец, в субботу 9-го, накануне срока сдачи мемуара, я оказался в генеральном тупике и был в полном отчаянии. В ночь с субботы на воскресенье мне приснилась совсем новая формула. Я запомнил ее общий вид, только забыл чередование индексов j и h справа, что, впрочем, оказалось очень не трудно восстановить...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской

У меня три твоих неотвеченных письма, они очень, очень меня поддерживали в весьма неприятные минуты последних дней.

Сегодня с утра приводил в порядок свои бумаги, сжег бесконечное количество негодных черновиков и набросков. Теперь, наконец, спокойно могу тебе ответить на твои письма №№ 16, 17, 18. Твой ум станет яснее, когда поправишься более основательно. Чтение совместное непременно с собой захвачу – что-нибудь о Wagne'ге. Ты клевещешь на себя, что у тебя нет ни к чему большой настоящей склонности. Тебе нужно бросить все «посторонние увлечения» и заняться специально Wagne'говской музыкой, изучением литературы о Wagneге и т. п. и стать таким образом настоящей обоснованной Wagne'гисткой. Может быть, с осени можно будет наладить Wagne'говский кружок. Вот тебе настоящая большая серьезная работа. А пение, архитектурное черчение, вообще архитектуру и т. п. – все это безжалостно отмести. Тогда будет толк, и я уверен, большой толк. Кроме того, должно, конечно, оставалось твое главное дело – я. Хотя это и не дает, как ты говоришь, настоящего удовлетворения, но все же результаты, налицо. Потому что мои результаты – это, в сущности, наши общие результаты. Я уверен, что, получив, например, мой мемуар “Consederons in sougrues...” и т. д., ты бы посмотрела на него отчасти как на свой собственный, твое мнение, что скверный случай, когда корни характеристических уравнений (...)¹ не целые числа, в принципе не меняет дело, поддерживало меня всю весну, и как видишь, оказалось совершенно справедливым...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову Крым

Какое это было счастье, что Вы прожили с Ваней все это сумбурное время гонки «к сроку» его мемуара, время, полное для него то надежд, то сомнений и разочарований, которые так угнетающе на него действовали,

¹ Слово неразборчиво.

уже давно переутомленного работой. И как хорошо, что Вы вырвали его из этой атмосферы и заставили ехать сюда. Приехал он в таком виде, что здешние жители только ахали. Но настроение у него сразу повысилось, что отразилось неминуемо на его самочувствии. Он отоспался и привел в порядок свой мемуар.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
(Лето). Крым**

Сегодня я слегка развил математический фронт, занимался часа четыре. Работаю на открытой веранде в сотне шагов от моря, так что все время на морском воздухе. Чувствую себя физически и психически много лучше. Уверен, что справлюсь со всеми математическими неприятностями, хотя как-то не закончу мемуары, завтра или послезавтра. Вообще буду работать спокойно, не думая о сроках. Так будет лучше...

Физически чувствую себя гораздо лучше, но работа пока еще не наладилась.

Здесь обстановка превосходная, прекрасная погода, чудный воздух и т. д., так что в смысле восстановления физических сил лучшего нельзя желать. С работой все еще не клеится, это до известной степени отравляет мне все прочее...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
(Лето). Крым**

Работа сейчас идет несколько лучше, так что надеюсь в июле закончить мемуар и в августе отдохнуть как следует.

Голова полна работы. Занимаюсь здесь довольно усиленно.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
(Лето). Крым**

Моя работа уже, кажется, близится к концу, и настроение хорошее.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Сегодня мы еще под впечатлением большого Ваниного успеха, который он имел вчера вечером на заседании математического общества. Неделю

тому назад ему предложили прочитать там доклад на первом заседании этого сезона, что он вчера и исполнил, произведя сильное впечатление на аудиторию своей грандиозной теорией. (Я ведь также была на заседании). Подумайте, ведь это достигнуто им только за последние два с половиной года! После заседания долго не расходились, и даже на улице продолжались оживленные разговоры по поводу его доклада. Конечно, и в Европе, и в Америке станет известно его имя после появления там его мемуаров, а между тем в университете Ваню оттирают, не давая ему даже скромной должности ассистента. И тут опять встает неизбежный вопрос, что будет по окончании аспирантской стипендии. Как бы ни был гениален человек, но ему нужно питаться и иметь время для продолжения своей работы.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарыкову

Ваня вчера, проведив тебя и возвращаясь с вокзала, еле-еле дошел от трамвая домой из-за сердца, как это часто с ним теперь случается. Нужна спокойная жизнь, на которую нет никакой надежды.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 об.

1929 г.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарыкову

Ванин диспут состоялся 5 апреля в 7½ час вечера. Зала совета была полна. Кроме математиков, были и известные физики и химики. Были некоторые из наших друзей и знакомых и, что очень трогательно, почти все Ванины слушатели из Морского техникума. Ваня с полчаса излагал свои достижения, потом взял слово оппонент академик У[спенский]. Он говорил почти час. В своей речи он выставил прежде всего те принципы, в силу которых можно установить объективную ценность данной научной работы: конкретные результаты, новый метод исследования и открывающиеся перспективы. Затем с этих точек зрения подробно разобрал Ванину работу и вывел заключение, что эта работа превосходит самые строгие требования...

Таким образом, Ванин труд является фундаментальным и классическим и через несколько лет изучения его метода войдет в число общеобязательных университетских курсов. Заканчивая свою речь, академик [Я. В.] У[спенский] сравнил Ваню с Ньютоном. Затем говорил профессор

[В. И.] С[мирнов], отметивший Ванину работу с исторической точки зрения, запестрели имена всемирных математиков прошлого и этого столетия, которые уперлись в своих исследованиях в тупик, который пробит теперь Ваней. В заключение проф[ессор] С[мирнов] горячо пожелал Ване здоровья и сил для продолжения своей блистательной творческой деятельности. Проф[ессор] [А. Н.] К[рылов] сказал несколько лестных слов, выразил пожелание, чтобы были Ваней, при помощи его нового метода, разработаны некоторые частные вопросы (которые до сих пор представляли собой самостоятельные области исследования). Проф[ессор] [Н. В.] Л[ипин] с большим подъемом заговорил о великом научном значении Ваниной работы, но усматривает лишь один недостаток: форма изложения ее в виде небольших мемуаров не соответствует, по его мнению, классичности научного труда.

«Но, – заканчивает он, – и на солнце есть пятна и, тем не менее, оно светит и дает жизнь». Проф. Т.¹ поздравил Ваню с великим делом, которым он разрушил стену и открыл анналистам широкий путь. После таких речей высококвалифицированных ученых и научных авторитетов странные возмущения и обвинения Вани в «схоластике» со стороны одного из членов факультета внесли какой-то мимолетный диссонанс в общее праздничное настроение, но испортить его, конечно, не смогли. Ваня всем отвечал. После этого декан факультета внес обычное официальное предложение считать работу аспиранта Лаппо-Данилевского удовлетворительной и закрыл заседание. Дружные продолжительные рукоплескания. Ваня долго раскланивался, потом начались восторженные поздравления. Даже нам с Еленой Дмитриевной кое-что перепало.

Потом сердечное короткое слово сказал проф[ессор] [Б. Н.] Д[елоне], так как его предшественники уже все сказали, что он хотел, сказал мне после диспута, что, вероятно, редко стены нашего университета видели такой триумф. Все последующие дни Ваня как именинник принимал без конца поздравления и лично, и по телефону. Теперь жизнь входит в нормальную колею, но Ваня переутомлен и нравственно, и физически. Его мучает мысль, что он не имеет времени писать свой большой мемуар, который необходимо кончить до отъезда в санаторий для того, чтобы лечение шло успешно. Да, еще забыла сообщить Вам, что накануне диспута проф[ессор] [Г. М.] Ф[ихтенгольц] неожиданно получил письмо из Германии от известного немецкого математика Schlesinger (письмо это было прочитано вслух ак[адемиком] У[спенским] во время диспута), в котором он пишет о том, как он заинтересован Ваниными работами.

¹ Фамилия профессора не атрибутирована.

Вообще письмо очень лестное, принимая во внимание, что Schlesinger занимался 25 лет этими же вопросами без особого результата, Ваня в три года разрешил их так блестяще. Вот наши последние новости. Как жаль, что Вас нет с нами.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 8 об. – 10 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
(Лето). Кисловодск**

Я устроился в одном из лучших санаториев, который находится непосредственно в парке... Пока лечение ограничивается отдыхом и спрыскиванием мышьяка. Большую часть времени провожу на веранде моей комнаты и немного пишу «суплемент», хотя это и запрещено докторами. Мне предписано преимущественно горизонтальное положение, и я за пределы санатория почти не выхожу. Вчера меня смотрела целая комиссия из пяти докторов. В дополнение к обычному пороку сердца они нашли какое-то очень редкое заболевание аорты – склероз аорты. Говорят, что придется продлить пребывание в санатории до 4 июля. Ванны пока еще не дают. Курю значительно меньше и вообще чувствую себя значительно лучше...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
(Лето). Кисловодск**

День проводится так: встаю в 7 часов, совершаю свой туалет, спрыскивание мышьяка, в 8 часов первый завтрак. От 8½ до 9½ немного занимаюсь математикой. С 9½ до 11 опять спать. В 11 – второй завтрак, с 11½ до 1 часа приходят Оля с Ироном, с которыми проводим время в саду. В 1 час обед, с 1½ до 3-х опять спать. С 3-х до 4½ немного математики, в 4½ чай. С 5 до 7 опять со своими в саду, в 7 ужин. С 7½ до 8½ вечернее пребывание в саду с М. С 8½ до 9½ немного математики. С 9½ легкое чтение и спать. Нарзанные ванны обычно утром через день. Вот и весь мой день. Очень благодарен тебе за «сплетни»^{xviii}, они меня развлекают.

Сейчас меня вторично осматривала целая комиссия врачей и, сравнив рентгеновские снимки с данными объективного исследования, пришла к весьма неутешительным для меня результатам: характер порока сердца для них уже был ясен и они интересовались преимущественно аортой. Поставили диагноз – склероз аорты... Заключение комиссии: необходимость продолжения срока лечения минимум до 20-го июля. Я полагаю, конечно, что непосредственной опасности нет (тем более

что я бессмертен), но печально иметь в молодые годы такую стариковскую болезнь...

В весе я прибавил в санатории 3,4 кило. Щеки все-таки еще с провалами.

К Владимиру Ивановичу еду завтра в Эссенуки, чтобы сообщить ему кое-какие новые мои математические мысли, которые бродят в «башке», хотя я систематически не занимаюсь.

Последний раз был у Владимира Ивановича в Эссенуках в эту среду. Он остался очень доволен одним совсем новым открытием, которое я здесь между прочим сделал, и велел писать на сей предмет ноту в “Comptes Rendus”. Это новое открытие, независимо от самостоятельности его значения, дает ключ к решению проблем, которые должны трактоваться во втором мемуаре об иррегулярных системах. У меня на очереди следующие самые спешные писания: 1) Нота в “Comptes Rendus”, 2) Suhllements к мемуару для премии, 3) большой мемуар о регулярных системах для Парижа, 4) второй мемуар об иррегулярных системах № 1 и № 4 как с неба свалились в самое последнее время.

Владимир Иванович говорит, что я должен себя чувствовать очень счастливым человеком, но мне кажется, что я ничего не имел бы против, чтобы именно в данный момент материалов было бы поменьше. Эта необходимость лихорадочной спешки положительно меня изводит. А необходимость налицо, так как напечатанными уже мемуарами и мемуаром, который сейчас печатается, я открыл новые пути и надо же первому самому и пройти по ним.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–13.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской Батум

Взяли здесь комнату на горе (150 м) над морем. Роскошная природа, умеренная жара и совершенно изолированное положение. Несмотря на длинные и довольно утомительные путешествия, я чувствую себя прямо превосходно, сказывается влияние санатория.

Я занимаюсь в тени магнолий и лавров с роскошным видом на море. Я чувствую себя очень хорошо и удачно пишу.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову Ленинград

Ваню ждет здесь приятный сюрприз – длинное письмо от проф. Schlesingera (из Германии), который начинает с благодарности за

полученные от Вани "super schöne Noten"¹ и предлагает ему печататься в немецких изданиях.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову

Мы надеемся, что своим личным вмешательством и присутствием можешь помочь приведению в порядок Ваниной жизни, которая губит его на наших глазах... За этот месяц непосильной работы состояние его здоровья значительно ухудшилось...

Особенно тяжелы ему ранние вставания четыре раза в неделю, лекции у него начинаются в 8 ¼ и то, что нет свободных дней. Недавно его обычный кашель усилился от говорения целыми днями...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 16 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Ваня от Горного еще не освободился, надеюсь, что освободится со следующего семестра. Все же ухитрился почти ежедневно понемногу писать свой мемуар. Лекции в университете идут очень успешно. Чувствует себя, к удивлению, сносно, даже по ночам кашлять перестал, хотя курить все еще не бросил.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 17 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову

Утро начинается у нас так: в 7 часов Ирон открывает дверь и объявляет: «Папа, пора вставать!» Тут для всех начинается работа в кухне: Ирон приносит воду для бритья и вообще все, что потребуется, готовится каша, яйца и чай, я делаю бутерброды, которые Ване надлежит взять с собой, и выслушиваю его поручения на данный день. Елена Дм[итриевна] накладывает кашу на тарелку, чтобы не была горячей (горячее Ване запрещено), и собирает на рояле все многочисленные предметы, которые Ваня рассовывает по карманам (в первую очередь флакончик со страфантом). На ней ответственность за его портфель. Из передней, где Ваня надевает пальто, он еще раза два возвращается к зеркалу, чтобы проверить, все ли в строгом порядке, с риском опоздать на лекцию, и наконец, начинает медленно опускаться с лестницы, за чем мы также следим, да, впрочем, он иначе и не может. Ваня читает в воскресенье шесть лекций, в понедельник 11, во вторник – 7, в среду – 8,

¹ Пер. с нем. – «очень хорошая нота».

в четверг – 6, в пятницу – 8, в субботу – 11, причем два последних часа в университете свою теорию перед избранной аудиторией. Но это не все: в те дни, когда он возвращается не позднее 8 часов вечера, он пишет свой мемуар до двух часов ночи. Вот и приходится его по всякому ублажать и нянчиться с ним, как с грудным ребенком. На меня некоторые математики, которые мало нас знают, смотрят как на чудище, которое заставляет своего гениального мужа убиваться для зарабатывания денег. Мало кто может представить нашу внутреннюю жизнь и Ванино упрямство в некоторых вещах. Вы, наверное, понимаете, каково у меня на душе: ежедневно видеть, как Ваня убивает себя этой работой и как медленно (хотя и успешно).

И главное, это бессилие что-нибудь сделать! Поступить самой на службу? Но это дает мне всего 80 руб[лей] и лишит лета, а один Ваня не захочет никуда ехать. Кроме того, мои обязанности дома, главным образом связанные же с Ваниными делами, так многочисленны и разнообразны, что описать и перечислить их прямо невозможно. Относительно Ваниного здоровья не написала, потому что сама не знаю, что сказать: он уверяет, что чувствует себя хорошо, но при его состоянии разве двигается из-за этого его научная работа.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

У нас все тот же бешеный темп жизни, как и при тебе. Что будет у Вани со следующего семестра, еще не известно, так как теперь, в связи с новым учебным планом, будет вообще сокращение часов. Отказываться можно будет тогда, когда все выяснится. Чувствует себя Ваня кажется ничего, но за него всегда страшно.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 19 об.

1930[г.]

Е. Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарюкову

Сейчас ночь под Новый год. Ваня и Оля встречают его со своими самыми близкими друзьями Н.¹ С каким страхом гляжу я в этот Новый год! Ваня сегодня первый раз вышел. Считает, что день был сравнительно не очень тяжелый: ушел в 9 часов утра, вернулся к семи из Политехникума! Кашляет, может быть, немного меньше, температуру мерить не хочет. Вчера

¹ Александр Михайлович и Марта Эрнестовна Нечаевы.

у него было 16 студентов из Путьейского, чтобы не заставляяь его самого туда идти. Поставили два больших стола в столовой и заняли стулья у соседей.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 19 об. – 20.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Учебные заведения рвут Ваню на части. Надеюсь все-таки, что удастся сократить эту работу.

1 час ночи. Из Политехникума Ваня приехал в 9 часов вечера в плохом виде: у него шла горлом кровь. Профессор Т., который сам не мог приехать, направил к нам другого доктора. Он нашел, что у Вани из-за сердца застой крови в легких. Велено несколько дней пребывать без движения.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Последние недели так проходят, что некогда собраться с мыслями и написать тебе. До 14-го Ваня лежал спокойно, но 14-го решил непременно ехать читать лекции в Политехнический, так как студенты просили, чтобы он закончил семестр и принял бы от них зачеты. И вот 14-го и 15-го я его возила в Политехнический в автомобиле туда и обратно. 15-го вечером у Вани опять появилась кровь и скверное самочувствие. Профессор Т. звонил мне в 11 часов вечера, дал разные наставления, велел Ване лежать и сказал, что приедет на другой день после 12. А Ваня на другой день с 10 часов утра читал лекции в Путьейском (конечно, тайно от профессора Т., а то бы он отказался иметь с Ваней дела). Я его и туда волей-неволей сопровождала!

В начале первого привезла его домой и уложила в постель. Сама же поехала в Политехнический передать студентам приглашение Вани прийти к нему на дом, сдавать зачеты. Договорились на 17-ое в 11 часов утра. Профессор Т. приехал в 7 часов вечера, всячески урезонивал Ваню и, между прочим, прописал полный покой до 20-го числа. Но Ваня вчера встал и не только принял зачет от 20 студентов, но еще прочел им вдохновенную лекцию у своей доски! В результате появление крови, продолжавшееся и вчера и всю ночь. Сегодня он лежит наконец спокойно целый день и завтра уговорила его в Политехнический не ехать. Профессор Т. очень тревожится за Ваню, но при нем многого не говорит и напрасно, так как Ваню ничем не запугаешь. Между прочим, профессор Т. предполагает

и я также думаю, что Ваня читать лекции с 1-го не сможет (а он уже составил расписание) и что ему лето придется лечиться, если он хочет еще существовать. Вот я и ломаю голову, как это осуществить на практике. Отпуск по болезни ему дадут очень легко, но как только он поступит на иждивение страховой кассы, то будет получать только 180 руб[лей]. Сама можешь себе представить, как обойтись с этими деньгами, принимая во внимание усиленное питание Вани, которое стоит огромных денег. Какое тут может быть лечение? Что делать?^{xvii} Ваня не пишет сам, потому что когда он не хорохорится, чтобы лететь на лекцию, он все время спит, так как очень ослабел.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–21 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Ваня чувствует себя недурно, с 15-го уже приступает к занятиям. Очень за него беспокоюсь, как он выдержит.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Очень жалею, что не могу сейчас приехать с Ироном погостить у Вас, стоят такие прекрасные дни! Но Ваня нас держит в странном беспокойстве за свое здоровье, кроме того, мне эти две недели приходилось исполнять всевозможные его дела.

Жизнь идет все так же. Большие и маленькие события сменяют беспрерывно одно другое, но для меня все затушевывается беспокойством за Ваню, а он ведет себя отчаянно-легкомысленно, курит, не хочет сбавить количество лекций. Противоречия вызывают у него волнения, которые ему так вредны.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

Я сразу из двух мест представлен к получению Rockfeller'овской премии: Schlesinger/ом от Giessen'e и Birchhoff'ом¹ в Cambridg'e. Говорит, что все шансы за то, что я ее действительно получу. Тогда 1-го октября сего года мы отбудем на один год за границу – Giessen и Cambridge (только это не английский Cambridge – а американский – 300 километров от New-York'a). Принимая сво внимание, нельзя не прийти к заключению, что

¹ **Биркгоф Джордж Дейвид** (George David Birkhoff) (1884–1944), американский математик, известен трудами по динамическим системам.

твой приезд сюда в июне экстренно необходим. Пока что читаю лекции, пишу мемуары для немецкого журнала и готовлюсь к докладам на конгрессе. Чувствую себя относительно вполне прилично.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

О. А. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову

Ваня читает лекции, а остальные члены семьи всячески его улаживают, смотрят, чтобы он не делал слишком больших глупостей, исполняют его поручения и т. д. Чувствует он себя сравнительно сносно. К сожалению, все же мало приходится ему уделять времени научной работе. Сейчас звонил фотограф из какого-то журнала о том, что придет завтра снимать Ваню.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 23 об.

О. А. Лаппо-Данилевская – О. В. Терениной

Ваня вернулся из Москвы в ужасном виде. Доктор прописал ему лежать минимум неделю. Лежал же он два дня и за эти дни проделал огромную работу, составил программу по Воздушному институту (Институт Гражданского Воздушного Флота), куда его пригласили профессором, и подготовил доклад на Харьковский съезд. Ваня писал, а я переписывала и писала плакаты и формулы. Все это забрал с собою В. И. Смирнов, который по Ваниной просьбе и читал за него доклад в Харькове. 22-го рано пришла телеграмма от директора Европейского представительства Rockfeller'овского института профессора Джонса о том, что он приедет в тот же день из Финляндии для интервью с Ваней. Ване было много хлопот со встречей его, которая прошла очень удачно. Профессор Джонс приехал с сестрой. Вечером Ваня возил их в театр, на другой день проф[ессора] Джонса – в Академию наук, к академику К[рылову] и в разные ученые учреждения, а я показывала его сестре город. Потом мы съехались в Европейской и вместе обедали. Произвели они на нас очень милое впечатление. Вечером водили их в балет. К себе их не приглашали, извинившись тем, что у нас в квартире ремонт. Вчера Ваня показывал профессору Джонсу ученые учреждения Лесного. Сегодня профессор Джонс говорил с Ванею утром и заявил, что Rockfeller'овская стипендия ему будет утверждена с 10-го июля. Вечером мы поедем Джонсов провожать. Потом, наверно, начнется что-нибудь другое. Так всегда у нас бывает.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 23 об. – 24 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – О. А. Лаппо-Данилевской
(Лето). Ленинград**

Вчера получил из Bad Nauheim¹ записку от профессора Shlesinger. Он очень мило поздравляет меня с Rockfeller'ом. Угнетает масса внешних дел, не дающих возможности заниматься математикой.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 24 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
(Август). Кисловодск**

Вчера состоялся мой первый торжественный выход за пределы второго этажа корпуса санатория, где мы живем. Мы с Олей слушали в столовой санатория концерт Духовской. Сам концерт не представлял из себя ничего особенного, но уж очень было приятно вылезти из своей норы. Вверх и вниз по лестнице меня несли на руках И. И. Привалов² и А. В. Лютин. В зале в первом ряду мне было приготовлено особо удобное кресло. Сегодня доктор разрешил раз в сутки спускаться в сад уже самому, но очень медленно ползти по лестнице. Видите, какой прогресс!

Вчера я уже сам спускался вниз и после подъема на лестницу пульс оказался нормальным. Теперь мне разрешили ежедневные прогулки, когда не жарко. Весь же дом по-прежнему на веранде или в номере. Сегодня в Цекубу приходил фотограф и я снимался на веранде. Принимаю основной цикл гомеопатии. Занимаюсь очень мало, курю, так же очень мало.

Вчера получил телеграмму о том, что выезд за границу разрешен также еще Оле и Ирону.

Сегодня меня смотрел доктор и остался очень доволен сердцем. Судя по старым рентгенограммам, он считает, что я сейчас в таком состоянии, как в феврале 1929 г. Прилагаю при сем мою фотографию, я опять на балконе, где пролежал около месяца. Я очень беспокоюсь о делах с Институтом и отъездом за границу и просил достать билет на 7, 8 или 9 сентября.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 29 об. – 30.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
(Август). Кисловодск**

Мы выезжаем отсюда 6-го вечером и 8-го вечером будем в Москве, где останемся на несколько дней для устройства заграничных дел, если

¹ Bad Nauheim – город в Германии, курорт, расположенный в земле Гессен.

² **Привалов Иван Иванович** (1891–1941) – российский математик, тема диссертации «Интеграл Cauchy» (Саратов, 1919), в которой он рассматривал граничные свойства однозначных аналитических функций. См.: [http:// engeneqr.ru/2006/12/20/granichnye_svojjstva_analiticheskikh_funkcij.html](http://engeneqr.ru/2006/12/20/granichnye_svojjstva_analiticheskikh_funkcij.html)

от тебя не будет телеграммы о том, что кафедральные дела в Воздушном Институте требуют немедленного моего возвращения в Ленинград.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Октябрь 3. Giessen**

<...> Вчера вечером наконец приехали в Giessen. Квартуру профессор Shlesinger уже заранее нам приготовил: три очень уютные комнаты с балконом и чрезвычайно любезной хозяйкой. Вчера вечером и сегодня утром был у Shlesinger'a. Он очень мил и внимателен. После завтра мне будет приготовлен особый кабинет для занятий в университете (здесь очевидно заниматься дома не принято). Я совсем здоров. Городок очень симпатичный.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 30 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Октябрь 4.**

Вот уже приходит к концу второй день нашего пребывания в Giessen. Устроились мы великолепно. У нас есть пианино, которым можно пользоваться. На книжном шкафу великолепная германская каска. У меня такое чувство, что, если долго смотреть на эту каску, то непременно сделаешься немцем.

Schles[inger]'а я уже видел три раза. Он чрезвычайно любезен. Он считает, что моя теория функций от подстановок и его аппарат Product-integral дадут решение всех вопросов теории линейных дифференциальных уравнений. Таким образом, вероятно, предстоит чрезвычайная интересная совместная работа. Я здоров, хотя сердце немного дает себя чувствовать. Собираюсь пойти к специалисту. Пришлите, пожалуйста, гомеопатические рецепты.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 31.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Октябрь 6.**

Sch[lesinger] очень заинтересован моим новым мемуаром, который я написал в Кисловодске и требует его для печати в "Mathematische Zeitschrift"¹.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 31.

¹ нем. – «Математический журнал».

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Октябрь 10.**

Я стал чувствовать себя хуже и хуже с одышкой и по рекомендации Sch[lesinger'a] пригласили доктора, очень симпатичного старого немца. Он нашел плеврит и уложил в постель. Это было дня три тому назад. Сегодня мне уже гораздо лучше и ночью я спал, не задыхаясь. Так что в основе у меня настроение очень хорошее. С 26 по 28 октября в Yene¹ состоится какой-то математический съезд немецких математиков. Sch[lesinger] очень советует мне туда поехать, познакомиться с рядом людей. Не знаю как будет со здоровьем.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 31 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
20 Октября.**

Моя поездка в Yene вероятно не состоится, так как сегодня доктор сказал, что он собирается выпустить меня на улицу через две недели. Вообще я сердцем не доволен, но доктор уверяет, что оно много лучше и, при соблюдении режима, придет и порядок. Занимаюсь еженедельно и работа идет хорошо. Жаль только, что не имею возможности видаться со Sch[lesinger'om]

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 32 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
23 Октября.**

Я все еще не совсем доволен сердцем, малейшее движение или напряжение вызывает неприятную одышку. Доктор сегодня сократил часы моего пребывания вне постели и прописал дигиталис в новом виде. Он смотрит на болезнь весьма оптимистически и считает, что уже через три недели я приду в себя. Сегодня приковылял ко мне Sch[lesinger], это стоило ему больших трудов. Он нашел новое решение задачи Riemann'a и приходил его мне рассказать. Решение по-моему хуже моего (чисто иллюзорная эксплицитность), но старик был так доволен, что мне не хотелось его огорчать и разочаровывать.

Сегодня же он передал мне официальное предложение прочесть в Giessen'sком университете в Sommersemester'e² курс лекций по моей теории.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 33.

¹ нем. – город Йена.

² Нем. – летний семестр. Предложение прочесть в Гиссенском университете в летнем семестре курс лекций.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Октябрь**

Мои дела как будто лучше. Доктор сказал сегодня, что если я еще на две недели отложу Liegekur¹, то затем смогу бегать по городу, сколько угодно. (Разумеется, "Keine Reise Steigen"², но ведь это мне и нужно). Наберусь терпения и буду еще две недели писать лежа.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 33.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Ноябрь 4.**

Относительно Т. В. С. (туберкулеза) результаты категорически отрицательные. Сердце значительно лучше, но все-таки надо доканчивать Liegekur и я все еще лежу. Работа идет хорошо, только много утомительных вычислений, часть которых делает Оля.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 33 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Ноябрь 13.**

Вчера был у доктора и остался Zufrieden³ моим сердцем. Разрешили выходить на улицу и я немного прошелся до Marburgerstrasse⁴, а сегодня был Schlesinger'a (что немного больше, чем от нас до 6 линии и Большого просп[екта]). Все это без всяких неприятных ощущений и без одышки. Вообще на лицо целый ряд симптомов выздоровления. Впрочем, я разумеется буду очень осторожен, лишнее ходить не буду, преимущественно все, что можно делать лежа и т. д. Sch[lesinger] все советуется со мной по поводу своего мемуара. Помнишь, я писал, что он хотел дать эксплицитное решение Riemann'a, иначе, чем у меня. Все предварительные рассуждения у него выходят хорошо, но окончательного результата не получается и по-видимому получить не может. Боюсь, что это огорчит старика. У меня работа идет хорошо, но тормозят длинные и скучные вычисления.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 34.

¹ Нем. – лечение постельным режимом, или лечение лежанием на свежем воздухе.

² Нем. – «Никаких поездок по крутым (проезжим) дорогам».

³ Нем. – удовлетворенный, довольный; остался удовлетворен.

⁴ Нем. – Марбургская улица.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Ноябрь 17.

Ты умоляешь меня не переутомляться, но это очень трудно исполнить, так как 13 декабря я должен делать доклад в здешнем Математическом обществе и кроме того торопят с первой частью мемуара для Crelle's Journal. Для меня делают исключение: обычно мемуары лежат в редакции по два года, а мой будет напечатан в ближайшем номере, что для меня очень важно...

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 35.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Ноябрь 21.

У меня последний раз был доктор третьего дня. Остался мною доволен и сказал, что я уже могу перейти на нормальный режим.

Post carte любимому коту^{xx}.

Дорогая Кисенька, мы очень рады, что ты заказал свой портрет, ждем его с нетерпением. Мы решили отправлять тебе все открытки, которые дают в виде бесплатного приложения, для реклам. Так ты будешь иметь хоть маленькое представление о Германской культуре. На днях вышлю тебе новую книгу "The philosophy of cats"¹.

Сердце весьма прилично, но проклятая бессонница не проходит, хотя сейчас я в несколько возбужденном состоянии, так как третьего дня мне пришли в «башку» великие мысли, что весьма кстати для мемуара и для Vortrag'a². Общение со Sch[lesinger'om] дает конечно много и мне и ему (кажется не меньше). Завтра мы с ним едим (у него наемный автомобиль) на заседание местного Математического общества, причем в повестке сказано: "Nach dem Vortrag zwangloses Treffen in Hotel Schutz"³. Для отдыха читаю «Преступление и наказание» по-немецки и "Giessener Anzeiger"⁴.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 35 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Ноябрь 29.

«Великие мысли», о которых я тебе писал кажется прошлый раз, приняли вполне реальную форму и я получил новые очень хорошие результаты,

¹ *Анг.* – «Философия кошек»

² *Нем.* – доклад, лекция.

³ *Нем.* – «После доклада неофициальная встреча в гостинице Шутц».

⁴ *Нем.* – «Гиссенский вестник».

представляющие "Sehr bedeutender Fortschritt". Sch[lesinger] посоветовал мне написать ноту в "Comptes Rendus", что я и сделал. Мемуар движется параллельно и будет готов к Рождеству. Моя работа – это дальнейшее развитие моей теории дифференциальных уравнений и предназначается часть для Crelle's Journal.

ОР РНБ. Ф. 419. Он 1. Д. 3. Л. 36.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской Декабрь 4.

Твои страхи напрасны: сплю я теперь гораздо лучше и чувствую себя совсем хорошо. Доктор был тогда в последний раз и просил вызывать его только если будет ухудшение. Ухудшения не было и его не вызывали. Все лекарства, в частности, дигиталис, давно оставлены и никаких особенных предписаний относительно режима нет.

Даже относительно сна после обеда доктор сказал, что его можно заметить дремотой в кресле с сигарой в зубах. Впрочем, я все-таки после обеда два часа сплю, лежа и без сигареты. Сегодня был у Schlesinger'a. Строили планы о том, что мы будем делать, когда я окончу свой мемуар, а он свой. Sch[lesinger] предложил мне писать совместно большой Handbuch по дифференциальным уравнениям, где бы полностью и, так сказать, в каноническом и объединенном виде были бы изложены соответствующие теории. Этот Handbuch должен заменить устаревший Schlesingerовский Handbuch 1895 г. (в трех томах, около 1800 стр.). Я конечно согласился. Очень благодарю Б.^{XXI} за выполненный портрет кисеньки. Он стоит на моем письменном столе, рядом с карточкой Wagner'a.

ОР РНБ. Ф. 419. Он 1. Д. 3. Л. 37.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской Декабрь 12. (подготовка к докладу)

Не писал тебе немного дольше обыкновенного, так как все эти дни был очень занят предстоящим докладом. На нем будут математики из Frankfurt'a² и из Marburg'a³, и даже один (Haunt) приедет из Hamburg'a. Schlesinger категорически воспретил мне читать, он говорит, что я совершенно свободно могу "frei sprechen". Оно конечно верно, что читать доклад плохо, по два часа на немецком диалекте "frei sprechen"⁴ вещь довольно утомительная.

¹ Нем. – «очень значительный прогресс».

² Нем. – город Франкфурт.

³ Нем. – город Марбург.

⁴ Нем. – «свободно говорить».

Вместо обычных «плакатов» с формулами, которые всегда перед докладом «малевала» Оля, завтра будут розданы всем присутствующим особо отпечатанные на сей случай листки с моими формулами. После доклада разумеется, “Zwangloses Treffen in Hotel Schutz”.

<...> Надо сказать, что здесь у меня все-таки много дела и притом такого, которое требует гораздо большего напряжения, чем чтение лекций, как это было в Ленинграде. Иногда и хотелось бы просто отдохнуть, да нельзя отказываться от разных предложений (лекций, докладов, мемуаров и т. д.). Попробую пока воздержаться от «сонной гомеопатии», в случае же крайней необходимости разумеется ее закажу...

Здесь к Рождеству принято делать подарки, так что Schlesinger посоветовал нам сделать подарки лечившим меня и Ирона докторам. Вследствие этого самому Sch[lesinger'u] и его жене Оля делает очень красивые Handarbeit'ы¹, которые и будут отправлять им 24-го к 5 ч. дня. (Надо обязательно так).

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 37.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской Декабрь 16.

Мой Vortrag 13-го прошел очень хорошо. Я говорил 1 ½ часа, потом задавали вопросы и Schlesinger прославил меня особой речью. За ужином в Hotel Schutz я чокался каким-то здешним боржомом. В феврале предстоит еще один Vortrag. Я не раскрывал портфеля и все время говорил “frei” не пользуясь ни одной бумажкой. Сейчас завален работой по окончанию первой части мемуара для Crelle's Journal. Sch[lesinger] приходит в восторг от каждой новой мелочи и щедрой рукой подсыпает новые задачи, которые должны хорошо решаться моим методом. Прямо не знаю, как справлюсь со всей этой горой материала к Рождеству. С бессонницей почти хорошо, только поздно засыпаю, но зато и поздно встаю, так что сегодня телефонный звонок Schlesinger'a в 11 час[ов] утра застал меня еще в постели

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 38 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской 24 Декабря.

Сегодня я получил письмо очень любезное от Hadamard'a. Это факт весьма замечательный, так как обычно Hadamard даже на вопросы не удостоивает отвечать. Он приглашает меня в Париж и пишет между прочим: “Je serais particulièrement heureux si lors de votre visite vous vouliez nous

¹ Нем. – рукоделие.

résumer au Collège de France vos travaux sur les problèmes de Riemann et de Poincaré”¹.

Выйти из спешки в работе никак не могу к сожалению. Как всегда у меня одно наворачивается на другое. Предстоит теперь: на днях сдавать первый мемуар в печать, готовиться к Vortrag’у и здесь в феврале, к докладам в Париже, сдавать второй мемуар к Пасхе, готовится к лекциям в здешнем университете, которые будут в Sommersemester’a (май – июнь). Сегодня нас очень тронули наши хозяева. В 5 часов. дня раздастся стук в дверь, появляется хозяин с сыном и вносит разукрашенную елку со свечами. Под елкой раскладываются подарки: Оле – коробка конфет, мне – коробка папирос, Ирону – коробка с разноцветным пластилином. Оля так же положила в квартире хозяев под елку Handarbeit ...² для хозяйки, вот Heiz Direktor³ с сыном остались без подарков от нас, вышло неловко. От Schlesinger’a мы также получили большой пакет с разными праздничными сладостями и в свою очередь отправили наши дары. Как все это комично у немцев.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 39–39 об.

1931 [г.]

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Январь 1.**

Вчера немцы праздновали своей Silvester Feiertag⁴ и мы также, как подобает честным немцам были в кино на фильме про Шерлока Холмса. Новый год встречали дома.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп 1. Д. 3. Л. 39 об.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Январь 6.**

Вчера отправил вторую ноту в “Comptes Rendus”. Первая моя нота уже напечатана 8-го декабря (Я послал ее в Париж 3-го декабря). Хотя оттиски

¹ *Фр.* – «Я был бы особенно рад, если бы во время Вашего визита к нам Вы пожелали коротко представить нам в Колледж де Франс Ваши работы по задачам Римана и Пуанкаре».

² *Нем.* – рукоделие

³ *Нем.* – директор Хайц.

⁴ Новогодний праздник в Германии называют Silvester (Сильвестр). Деятельность этого святого католической церкви с Новым годом и календарем была никак не связана, просто последний день уходящего года, 31 декабря – дата его смерти и день его поминовения.

еще не пришли. Несколько дней тому назад получил письмо от Jones'a, где он сообщает, что Rockefeller¹ позволяет мне поездку в Париж для докладов в College de France, без перерыва в платеже стипендии, по их правилам всякая моя отлучка из Giessen'a сопровождается прекращением платежа стипендии впредь до возвращения. Теперь вопрос о разрешении советского правительства в Берлине. Я туда написал и полагаю, что с их стороны препятствий быть не может. С количеством моей работы действительно катастрофично. Вот мой календарь, Январь – сдача первого мемуара в Crelle's Journales. Февраль – второй доклад в университете. Март – доклады в Париже. Апрель – сдача второго мемуара в Crelle's. Май – июль – лекции в университете здесь. С августа писание Handbuch'a со Schlesinger'ом. Что тут можно поделывать! Как-нибудь выберусь!

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 40 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской 10 января.

Вчера целый день провел в Magburg'e, куда меня пригласили в университет на математическое заседание. Меня приняли очень мило и показывали окрестности. На гору меня возили на автомобиле (обратно пешком!) В общей сложности, я довольно много ходил, но результат получился отличный – спал ночь очень хорошо. Вчера и сегодня первые морозные дни, но здесь вообще мороз принято игнорировать и почти все ходят в осеннем пальто, я также.

ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 40 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской 29 Января

<...> На этот раз моя болезнь окончилась скоро и благополучно. Для физически здорового человека мои планы по-моему не выходят из пределов естественной интенсивности научной работы. Для меня лично это несколько трудней и не из-за болезни сердца или легких, а из-за некоторого нервного переутомления, которое накопилось в результате непрерывной работы в течение ряда лет. Я с удовольствием отдохнул бы полгода или год, но, к сожалению, сейчас почитать на лаврах еще рано, да и вряд ли

¹ **Джон Дэвисон Рокфеллер** – американский предприниматель, благотворитель, благодаря которому в 1892 г. был основан Чикагский университет, в 1901 г. – Медицинский институт имени Рокфеллера (позднее Университет имени Рокфеллера), годом позже – Всеобщий образовательный совет и в 1913 г. – Фонд Рокфеллера, о котором и идет речь в письме.

я сумел бы это сделать. Вернее всего, что через две недели опять вернулся бы к своей работе. Сейчас я сообразил в чем суть: плохо не то, что я работаю и нервирует собственно не сама работа (я бы сумел отдохнуть работая), а раздражает обстановка работы, при которой я чувствую, что от меня постоянно что то требуют, чего то ждут и надо быть очень осторожным, чтобы не ограничиваться удовлетворением этих требований и ожиданий, а делать также настоящее свое дело. Вот если бы не было этих условий и можно было бы работать спокойно, без всяких сроков, я бы чувствовал себя совсем хорошо. Оля держит меня в строгости и поругивает, чтобы неповадно было. Мои прегрешения следующие: 1) курение ($\frac{3}{4}$ коробки в день), 2) неисполнение предписаний доктора – гулять $\frac{1}{2}$ часа в день; 3) иногда пересиживание вечером и позднее ложение спать. Первое – моя старая слабость, в теперешней экстра нервной обстановке трудно от нее отучиться. Второе обязуюсь выполнять с понедельника. Третье происходит также от спешки. Относительно Наугейма (известный сердечный курорт вблизи Gissen'a) доктор во всю не настаивает, поэтому я и не зафиксировал его в календаре. Если же выяснится, что он необходим, то придется проделать курс лечения в августе, после окончания летнего семестра в университете. По поводу пальто не беспокойся Gissen вообще странный город здесь от дождя не промокаешь и от мороза не мерзнешь, окна открываются без всяких предосторожностей и я часто глотаю свежий воздух у открытого окна без пальто на сон грядущий. И простуды никакой не получается.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 3. Л. 41–42 об.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской Февраль 6.

Очень ты меня обрадовала сегодня известием об избрании меня в члены-корреспонденты Академии Наук. Это разумеется весьма важный для меня этап. Sch[lessinger] меня горячо поздравил и передал по телефону университетскому декану о моем новом «чине». Сейчас я опять совсем здоров и много гуляю. С завтрашнего дня начну понемногу готовиться к Парижским докладам. Собираюсь в Париж в начале марта недели на две.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 3. Л. 43.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской Февраль 14.

Эти дни очень устаю и трудно писать подробно. Спешка перед Парижем. Мне очень нравятся стихотворения, которые ты мне прислала.

(Guyau¹. Vers d'un philosophe)². В особенности "Illusion féconde" (Pour pouvoir quelque chose, il faut toujours vouloir plus qu'on ne peut)³. Как это верно! И "L'idée": (A ceux qui t'ont donné leur vie ne mesure pas tes clartés)⁴.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 3. Л. 43.

И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской Февраль 22.

«У нас опять скучная атмосфера. Несколько дней тому назад у меня появилась кровь (в очень небольшом количестве). Оля решила, что наш доктор не достаточно учен и слишком снисходителен и пригласила другого доктора из сердечной клиники. Он нашел сердце "völlig viskompensert"⁵ и уложил меня в "veten", где я и пребываю все дни. Доктор считает возможным привести сердце в состояние полной компенсации, но при соблюдении надлежащего режима. Сие создает два конфликта: 1) курительный, 2) парижский.

По расписанию доктора я через два дня должен бросить курево. Вместе с этим придется на несколько дней бросить и работу, так как писать без папиросы очень трудно. А время такое горячее! Даже в начале марта доктор решительно воспрещает поездку в Париж. Сегодня написал Hadamard'у о переносе моих докладов на конец марта или на апрель. Здесь могут выйти недоразумения с концом семестра и Пасхой и вообще очень неприятно. Точной обстановки докладов в Париже я не знаю. Это будут именно доклады, а не лекции. Лекции в Сорбонне могут состояться только осенью, так как слишком мало времени до конца весеннего семестра, а летний у меня занят в Giessener. Оля также собирается со мной в Париж, боится отпустить меня одного, так как французы составляют большую пьяную опасность. Со Shchlesenger'ом мы видимся, когда оба здоровы, приблизительно два раза в неделю и все время держим друг друга в курсе нашей работы. Это весьма полезно для нас обоих.

У меня на столе стоят подснежники, которые сегодня уже нашла в саду Ирон.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 3. Л. 43 об.

¹ Гюйо Мари Жан (Guyau, Marie-Jean) (1854–1888) – французский философ, поэт.

² Фр. – (Гюйо. Стихотворение одного философа).

³ Фр. – В особенности «Плодотворная иллюзия» («Чтобы суметь что-то сделать, нужно всегда хотеть больше, чем сможешь сделать»).

⁴ Фр. – И «Мысль»: (Для тех, кто отдал тебе свою жизнь, не скупись на откровенность).

⁵ Нем. – «полностью восстановимо».

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Февраль 26.**

Я лежу-полеживаю, мемуар пописываю. В Париж поеду не раньше 23-го марта, а возможно и в апреле. Доктор настаивает на двухмесячном Liegekur¹e, крови очень мало, вероятно на днях совсем прекратится. У меня уже почти закончена целая новая теория.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 3. Л. 44.

**И. А. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской
Март 1. (Последнее)**

Дорогая мамочка, это открытка extra, чтобы ты не беспокоилась о моей болезни. Вчера был доктор и остался очень доволен, крови больше нет. Таким образом обострение прошло благополучно. Но я все-таки еще долго буду лежать в постели, чтобы добиться устойчивой компенсации. Получил от Hadamer'a очень любезное письмо, в котором он сообщает, что я могу делать мои доклады и в апреле после 14-го (до 14-го Пасхальный перерыв). Таким образом, я без всякого ущерба могу поехать в Париж в 20-х числах апреля. Кроме того, получил сегодня из университета в Yena предложение сделать там свой Vortrag'u в Sommersemestr'e. Надеюсь, что это удастся в интервалах между лекциями в здешнем университете (от Giessen'a до Yena полдня езды). В августе вероятно все таки поеду в Наугейм, так как новый доктор считает сие нужным... За собирается посетить меня Schlesinger. Так как обострение прошло, пока открыток extra больше не будет.

(Письмо получено 8 марта).

С 5 марта – резкое ухудшение.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 3. Л. 45.

**Телеграмма от Ольги Алексеевны Е. Д. Лаппо-Данилевской
15 Марта**

Wanja Sonntag 19 Uhr. 35 gestorben. Olga¹.

Последние слова за десять минут до конца: «Я так устал, так устал, что больше не могу»².

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 3. Л. 45 об.

¹ Ваня умер в воскресенье в 19 часов 35 минут. Ольга.

² Записано Еленой Дмитриевной со слов Ольги Алексеевны

Примечания

^I А. А. Лаппо-Данилевский. Изд. Общины художников. Ленинград, 1928.

^{II} Елена Дмитриевна, предваряя выборку из семейной переписки, делает два примечания. *Прим. 1.* Начало этой повести относится к тому времени, когда И. А., после длительного перерыва, вернулся снова к своей математической работе. К этому же времени относится его женитьба на Ольге Алексеевне Петровской, дочери профессора А. А. Петровского.

Прим. 2. Эту переписку имеет смысл читать только подряд, так как она изложена, а не отдельными местами и отрывками, так как только при таком чтении получается полная картина жизни Ивана Александровича и его гибели. См.: РО РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об.

^{III} Выражение Ив[ана] Ал[ександровича] означающее неясное состояние головы.

^{IV} В данном случае имеется ввиду глава учебника, «башкой» он также называет свою собственную голову.

^V Ив[ану] Ал[ександровичу] по делам дома приходилось выступать в народных судах, при чем он всегда выигрывал дела против профессиональных юристов, которые бывали очень удивлены, когда узнавали, что он не юрист.

^{VI} Проф. Петровский – отец жены Ив[ана] Ал[ександровича].

^{VII} Сон.

^{VIII} Вероятно, от ужаса перед смертью. Ив[ан] Ал[ександрович] старался загипнотизировать себя этой мыслью.

^{IX} В доме.

^X Дом под Москвой, где проводили лето жена и дочь Ив[ана] Ал[ександровича].

^{XI} Письмо, о котором идет здесь речь, к сожалению не сохранилось.

^{XII} Проф. Фихтенгольц.

^{XIII} По дому.

^{XIV}хлопоты об аспирантуре.

^{XV} «Выражение Ивана Александровича, означающее неприятности».

^{XVI} Марш, им самим сочиненный, который Ив[ан] Ал[ександрович] играл всегда в самые счастливые моменты своей жизни.

^{XVII} Иван Александрович не любил ходить на дешевые места.

^{XVIII} «Сплетнями» Иван Александрович называл разные сообщаемые ему из Ленинграда новости.

^{XIX} Здесь пришли тогда на помощь друзья-математики, ссудившие Ольге Александровне крупную сумму денег, которые Иван Александрович не успеет вернуть.

^{XX} Написано очевидно с намерением посмеять меня.

^{XXI} Бенита, жена брата Ивана Александровича – художника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИЕТ** – Вопросы истории естествознания и техники
- ОР РНБ** – Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки
- РГАЛИ** – Российский государственный архив литературы и искусства
- СПФ АРАН** – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- ЦГИА СПб** – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЦГА СПб** – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора-математика (А. К. Гущ)	5
Введение	7
Глава 1	
Путь в науку отца и сына Лаппо-Данилевских: вызовы времени и экзистенциальный опыт	26
§ 1.1. «Мне кажется, что я готов отдать все, чтобы на миг взглянуть прямо на солнце, увидеть истину...»	27
§ 1.2. «Теперь мне кажется, что он пойдет своей прямой дорогой и не погибнут его дарования и надежды...»	37
Глава 2	
Профессорская семья как социокультурное явление: стиль жизни, ролевые функции в поле научной повседневности	53
§ 2.1. Опыты рассмотрения профессорской семьи	54
§ 2.2. “Fidel la foi...”	57
§ 2.3. «...твое главное дело – это я...»	80
Глава 3	
Жизненный мир и наука	93
§ 3.1. «Их судьбы как истории планет...»	94
§ 3.2. Гиссен – «невыносимая легкость бытия»	105
Послесловие	115
Приложение «Материалы для биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского», подготовленные его матерью Е. Д. Лаппо-Данилевской»	118
Краткий биографический очерк	119
Из писем 1922–1931 г[г].	124
Примечания	189
Список сокращений	190

Валентина Павловна Корзун

Профессорская семья:

отец и сын Лаппо-Данилевские

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Ю. А. Корневская*

Корректор *С. А. Семенов*

В оформлении обложки использованы фотографии из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и личного архива К. Ю. Лаппо-Данилевского.

На передней стороне обложки:

вверху – Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский

внизу – Иван Александрович Лаппо-Данилевский. Фото 1930 г.

На задней стороне обложки:

вверху слева – Ольга Алексеевна Лаппо-Данилевская с дочерью Ирон (первая справа). Фото 1931 г.

вверху справа – Александр Александрович Лаппо-Данилевский. Фото 1917 г.

внизу – памятник на могиле Ивана Александровича Лаппо-Данилевского в Гиссене. Современное фото

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (отдел реализации),

aletheia@peterstar.ru (редакция)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 08.07.2011. Формат 60x88 1/8

Усл. печ. л. 11,73. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №11-384

А л е т е й я

Иван Александрович
Данило-Данилевский
Iwan
v. Lappo Danilewski
Univ. Professor und Corr.
Mitglied der Academie der
Wissenschaften zu Leningrad
4. Sept. 1840. † 15. II. 1921.
С. 100. 1000. 1000. 1000.